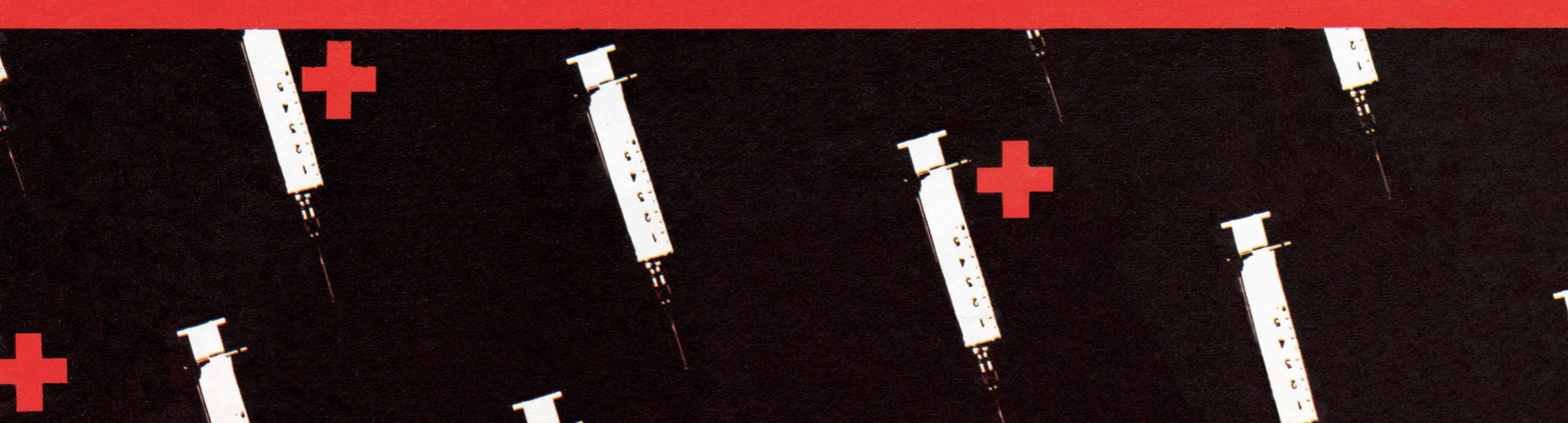
ОГОНЁК

ISSN 0131—0097
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 31 ИЮЛЬ 1989

Счет 70000015
«АнтиСПИД»
Внешэкономбанк СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (3236)

29 ИЮЛЯ—5 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Плакат Юрия ДРОБЫШЕВА.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 10.07.89. Подписано к печати 25.07.89. А 08887. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 902. Цена 40 копеек.

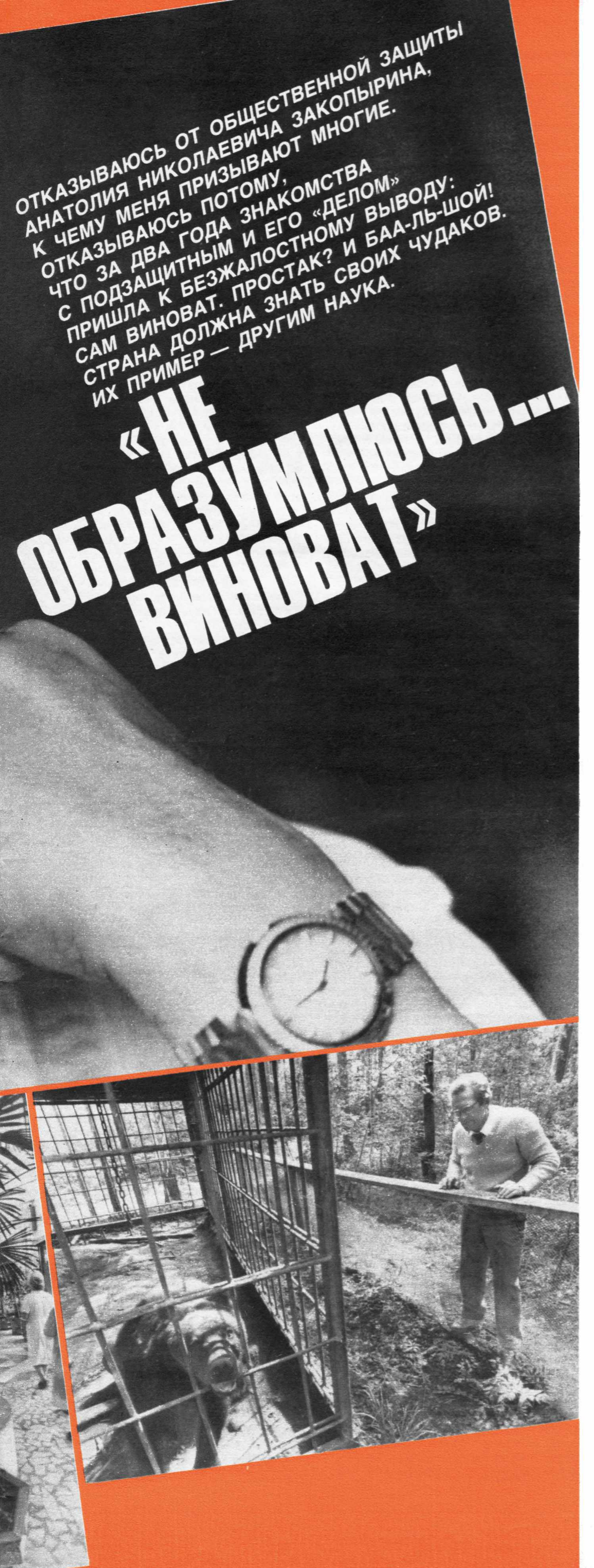
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**Замира ИБРАГИМОВА,
собственный корреспондент
«Огонька»**

**Фото
Эдуарда ЭТТИНГЕРА**

ИМЯ В ГАЗЕТЕ

Закопырин долго слыл умным. Но тогда я не была с ним знакома и верила чужим оценкам. Не раз слышала и от крупных партийных работников, и от видных ученых, и от хозяйственных руководителей: «Закопырин — выдающийся сибирский строитель».

Профессионально жалела, что судьба не сводит с человеком, о котором так высоко отзываются в Сибири. Но было и утешение — о нем и без меня много пишут, и в книжках, и в газетах, вплоть до «Советского спорта», воспевавшего большого начальника за неустанную заботу о развитии лыжных баз, санных трасс, стадионов и т. д.

Слава Закопырина достигла апогея в начале восьмидесятых, когда он успешно сдал «Надежду» — новый металлургический завод в Норильске. Стройка была в провале, ее «доверили» Закопырину — вытащил. Получил орден Ленина и в январе 1982-го возглавил родной «Братскгэсстрой», занял место, принадлежавшее некогда знаменитому сибирскому «гидромедведю» Ивану Ивановичу Наймушину. Говорят, Наймушин любил Закопырина как талантливого инженера и толкового организатора. Но это было на рубеже иных десятилетий, и те привязанности мало что значили в последующих.

Так или иначе, но именно Закопырин и именно на старте восьмидесятых стал четвертым руководителем «Братскгэсстроя». Принял большое и сложное хозяйство. Десятки крупных организаций и предприятий. Почти девяностотысячный коллектив, разбросанный по огромному региону. Объединение работает на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Прибайкалье, в Красноярском крае. Архипелаг БГС.

Новый генеральный, идет молва, вкалывает день и ночь. Добивается улучшений. Возится с «соцкультбытом». Новаторствует. Его любит пресса. Его снимают в кино — любуются напористостью, четкостью, обаянием деловой собранности. И вдруг... поползли по городам и весям другие слухи: «Закопырин-то, а? Чего-то украл... кому-то взятку дал... в бабах запутался... Персональное дело. Погорел! И с работы сняли. И из партии исключили».

Слухи оказались небеспочвенными. Руководитель крупнейшей строительной организации страны исключен из партии 21 сентября 1984 года. Бывший соответственно руководитель.

Реакция на «персональные» крушения, как водится, обнажает неоднородность общественного мнения. Одни удивлялись. Другие сожалели. Третьи удовлетворенно итожили: поделом, возомнил! Четвертые тут же забыли о Закопырине — не было такого! Пятые... Пятые они или десятые, но нашлись и такие — и их немало! — кто стучался во все двери, пытаясь объяснить, что с Закопыриным поступили несправедливо. Эти не хотели мириться с переломом в судьбе «выдающегося строителя». Они действовали и наживали собственный невеселый опыт.

«Мною написаны в ЦК КПСС пять писем по бывшему начальнику «Братскгэсстроя» Закопырину А. Н. И ни одного письма я не получил в ответ... Я понял, что между правительством и народом существует непробиваемая стена. Я рабочий человек, вместе с заслуженным другим рабочим Блудневым А. Н. возили коллективное письмо в ЦК КПСС. Но двери для нас оказались закрытыми во всех инстанциях г. Москвы». Из письма машиниста экскаватора ЭКГ-5, инвалида Великой Отечественной войны, ветерана БГС С. Ф. Наумова (г. Мирный) в «Литературную газету».

Жаловаться на ЦК КПСС журналистам? Какая наивность... Она, наверное, и виновата в том, что основное содержание писем «по Закопырину» в разные редакции (и столичные, и местные) не вызывало никакого отклика. Письма требовали реабилитации Закопырина. Но недавний герой газетных полос потерял — вместе с высокой должностью и партбилетом — право на внимание прессы. Хотя бы на интерес к его внезапному падению. Более трех лет имя и катастрофа этого человека были окружены глухим молчанием печати.

Имя прорвалось на газетные страницы в прошлом году. И разразился скандал.

Летом 1988 года «Братскгэсстрой» остался без первого руководителя — его избрали председателем Иркутского облисполкома.

Еще до избрания, но предвидя вакансию, совет директоров решил — в духе времени — провести конкурс на ее замещение. Предполагал ли кто-нибудь в совете, чем чревата для Братска игра в демократию? О Закопырине знали все, но многие, вероятно, считали его списанным на «свалку истории».

Иначе трудно предположить, что «верхи» по собственной инициативе влетели бы в коллизию, в которой почувствовали себя так дискомфортно из-за встречной инициативы «низов».

Объявив о конкурсе, многотиражная газета «Огни Ангары» бесстрастно сообщила, что совет трудового коллектива треста «Сантехмонтаж» претендентом на высокую должность выдвигает... Да-да, именно Закопырина, выброшенного из этой должности около четырех лет назад.

Вернувшееся в печать имя поляризовало умы и сердца.

На маленькую многотиражку обрушилась лавина писем в поддержку кандидатуры опального. Письма приходили не только из Братска — из Якутии, Читинской области, Красноярского края. Писали бетонщики, монтажники, водители, инженеры, связисты, ветераны БГС, даже домохозяйки. (С письмами познакомлю дальше.)

Один за другим кандидатуру Закопырина поддерживают коллективы многих подразделений — трестов «Строймеханизация», «Братскспецстрой», «БАМэнергострой», «Усть-Илимскспецстрой», «Сибхиммонтаж» и другие.

Газета информирует об этом читателей, публикует письма. Партком в ярости. Партком категоричен — имя Закопырина в газете не упоминать! Редакция возражает: почему, если это имя живет в десятках писем, произносится на многих собраниях?

Переверстка газетных полос. Ежедневный «инструктаж», в просторечии — нахлобучка. Редактор слег в больницу с приступом стенокардии. Огонь на себя принимает заместитель редактора Валентина Братчикова.

Секретарь парткома Виктор Васильевич Кузин популярно мне объяснял: «Газета настроена прозакопырински. Мы поддали газете, поддали Братчиковой».

«Поддача» с глазу на глаз в протоколах не фиксировалась. А жаль. Заглянув в это зеркало, Виктор Васильевич, может быть, не пришел бы от себя в восторг. Достоинство газетчиков попиралось в формах, заимствованных

далеко не из лучших времен. «Мы вам больше не доверяем, от работы отстраняем, из партии исключаем»,— услышала Братчикова в конце рабочего дня, отказавшись переверстывать газету из-за того, что «антизакопыринская» статья самого Кузина разместилась на второй, а не на первой полосе. Но первая была традиционно отдана оперативной информации.

Впрочем, поводы для накачек находились ежедневно — коль скоро парткому не нравилось течение самой жизни, а журналисты считали своим долгом объективно отражать происходящее.

Кузин то и дело грозно напоминал: «Газетой руковожу я!»

Журналисты горько шутили: «приставку «ЗА» отовсюду убрать, дабы не наводила на мысль о Закопырине». Глотали сердечные таблетки — и пытались выполнять свои обязанности так, как их учили: честно, добросовестно... Чему еще нас всех учили, принимая в октябрята, повязывая пионерский галстук, вручая комсомольский билет? А уж тем, кто попал в университетские аудитории, добавили к школьным прописям и вовсе смущающие душу понятия — «смелость», «вольнолюбие», «гражданственность»...

А Кузин кричит и кричит «уволю!».

Где же ты, Закон о печати? Зачем страна в университетах готовит журналистов, если их удел — армейское подчинение грубым непрофессиональным командам ближайшего властителя «от идеологии»?!

Газету взяли под жесточайший контроль, но газета все-таки вырывала свои маленькие победы, потому что следовала за событиями. События нужно было направить в другое русло. И партком провел заседание и решил выбирать генерального директора объединения «на конференции представителей трудовых коллективов». А предварительно «на совместном заседании советов и общественных организаций» рассмотреть и утвердить состав конкурсной комиссии, условия конкурса, нормы представительства.

И вот в многотиражке публикуется «Положение о порядке проведения выборов генерального директора...».

Документ замечательный — требования к будущему руководителю сформулированы по максимуму. Двадцать семь пунктов размещены в четырех разделах: политические, деловые, морально-этические качества, психические и физические свойства личности. От «глубоких теоретических знаний марксизма-ленинизма» до «опрятности костюма, выносливости».

Внимание к «костюму» заставляет предполагать в Братске едва забрезживший рассвет цивилизации. Требование «выносливости», напротив, намекает на типовую слабосильность деловых мужчин эпохи развитого социализма.

Но главное не в этом. В специальный пункт вынесены два пронзительных условия:

«при рассмотрении кандидатур учитывать партийность,

считать целесообразным установить возрастной ценз кандидата до 55 лет».

И на редакцию многотиражки обрушивается новая волна писем, комментировать которые нет нужды.

«С какими пунктами я не согласен? Во-первых, с тем, что на этой должности должен быть именно член КПСС. Это неверно. Разве нет хороших руководителей, можно даже сказать талантливых в своем деле, но не имеющих партийного билета? Есть! И много. Но много у нас и партийных руководителей на должностях куда выше генерального директора объединения и как ничтожно мало сделали они для страны, для народа! А разве не были членами КПСС руководители Узбекистана? Впрочем, не хочу перечислять всех «бывших» — они всем известны. Второе — о возрастном цензе. Разве он распространяется на руководителей страны? Им что — всем «до 55»?.. У меня лично и у многих людей складывается такое впечатление, что настоящее «Положение» предложено для того, чтобы конкурс не прошел человек, которого очень многие хотят видеть в должности генерального».— В. Касьянский, плотник ДСУ УАТ.

Да, операция по усечению демократии была проделана так грубо, что разгадать ее смысл труда не представляло. Закопырин — вне партии. Ему — 57 лет. И если требованию об «опрятности костюма» он отвечал и в самые черные свои дни, «выносливостью» же крестьянский сын всегда поражал окружающих, то сбросить с себя несколько лет... Это еще никому не удавалось.

«Низы гневаются» — и пишут в газету. «Верхи гневаются» — и наказывают. Не только журналистов.

Крепче других досталось управляющему трестом «Сантехмонтаж» Р. Сивакову. Его называют экстремистом, реваншистом, обвиняют в том, что он неделю руководил общественным мнением города, пока партком собирался с мыслями. «На парткоме мне объявили выговор за нарушение ленинских норм этики. Я сказал, вы должны объявить выговор не мне, а совету трудового коллектива, выдвинувшему Закопырина. Тогда они ограничились замечанием. Найдут, видно, другие способы расправиться со мной. Уже прекратили поставку труб тресту...» Так говорил мне Ревмир Романович в предвыборную страду.

И предчувствие его не обмануло. Узнаю недавно: Сивакову предложено подать заявление об увольнении по собственному желанию. Несмотря на то, что дела в его тресте идут хорошо.

Братский вариант «демократии» злопамятен. Тремя небольшими заметочками в «Литературке» мне удалось в прошлом году защитить газетчиков от немедленной расправы. Но заметочки сгинули в мощном потоке ежедневных газетных извержений. А Кузин по-прежнему руководит парткомом «Братскгэсстроя». И звонят мне из многотиражки уже в этом году, сообщают: Братчиковой «рекомендовано» уйти из газеты. (Валентина окончила Иркутский университет двадцать два года назад. В партии — двадцать лет. Заместителем редактора «Огней Ангары» — пятнадцать. Коллеги ее любят, читатели ценят. Да вот поди ж ты — Кузину не угодила...)

Противостояние «коллегиальному мнению» замкнутого кабинетного круга даром не проходит. Никто, видимо, не забыт — из тех, что дерзнули иметь собственную позицию не на словах, а на деле и в обстоятельствах, побуждавших к честной позиционной борьбе.

Какая там честная борьба!

Согласно «Положению», кандидатура Закопырина не была зарегистрирована как не соответствующая условиям конкурса. В официальный список вошли три претендента: заведующий отделом строительства Иркутского обкома партии И. П. Казимиренок, управляющий трестом «Братскспецстрой» В. А. Фомин, управляющий трестом «Запсибэнергострой» В. С. Викулов. Народ и по этому случаю выдал горькую шутку: за одного битого трех небитых дают.

За десять дней до выборов я беседовала с первым секретарем (тогда) Падунского райкома партии Ю. Ф. Федотовым. И Юрий Федорович сказал мне: «Закопырин делегатом на конференцию избран. Но рекомендованы к голосованию будут три кандидатуры. Комиссия предложит отклонить заявление Закопырина по известным причинам. Тяжело будет, если Закопырин станет настаивать».

Если иметь в виду опасения Федотова, «тяжело» на конференции не было. На меня же конференция произвела тяжелейшее впечатление до боли знакомой безмятежностью так называемых «выборов». Лес рук с картонками мандатов уверенно демонстрировал одномыслие и единодушие «большинства». Делегатами, похоже, владело одно желание — скорее бы отголосовать и занять место в столовой.

На «муки выбора» ушло менее трех часов. Делегаты легко утвердили самые спорные пункты «Положения»: да, руководитель должен быть партийным и не старше 55 лет. С претендентом Закопыриным было покончено молниеносно. Кандидат Казимиренок сообщил из Иркутска телеграммой, что снимает свою кандидатуру «ввиду сложившихся обстоятельств». Из двух оставшихся один явно был нужен для демонстрации превосходства другого. От силы пять из 345 избирателей голосовали за Фомина.

Впервые присутствуя на выборах руководителя, глубоко прочувствовала смысл понятия «подавляющее большинство». Из восьми выступавших четверо пытались говорить о сложностях предвыборной ситуации — их заглушали свистом и аплодисментами. (Достижение перестройки — мы научились аплодировать в знак неодобрения.) Один из делегатов задал несколько неожиданных, во всяком случае, явно не по «сценарию» вопросов Кузину, и «большинство» тут же выразило спрашивающему горячее неудовольствие. Я сидела в зале среди большинства, но рядом с представителем меньшинства, настаивающего хотя бы на анализе предвыборных страстей, и стала свидетелем далеко не изысканной полемики о «демократии», завершившейся лаконичным «заткнись!» в адрес моего симпатичного и, на мой взгляд, разумного соседа.

Ну что ж... Триста человек, отобранных из девяноста тысяч, могут обеспечить «демократию» в замкнутом пространстве. Что они с блеском и показали, дружно и поспешно выбрасывая руки, вооруженные мандатами, по посылу дирижирующего президиума. Глядя на этот зал, можно было бы поверить в бесповоротную «списанность» Закопырина. Если бы не знать о почтовом самотеке прямо противоположного смысла.

СТИХИЯ ЗАЩИТЫ

Может быть, так у нас ведется в Отечестве — мы симпатизируем опальному только за то, что он в опале? Но письма в многотиражку, хлынувшие лавиной и так рассердившие партком, одной этой формулой не объясняются, хотя ей и не противоречат. Судите сами.

«Пишут вам работники производственного технического управления связи «Братскгэсстроя». Нашему коллективу связистов межгорода приходилось вплотную работать с т. Закопыриным, и как нам не знать его по работе, когда он работал днями и ночами, работал на износ. Вся его работа проходила через наши головы, через наши души, и мы, конечно, не можем находиться в стороне. Когда Анатолий Николаевич приступил к работе, «Братскгэсстрой» проснулся и зашевелился... Кто из наших отцов города за такое короткое время мог сделать столько хорошего и полезного для рабочих? Сколько он людям дал жилья: ведь почти весь 5-й микрорайон поселка Энергетик был построен при нем... Для наших же детей был построен санаторий-профилакторий «Ладушки». Да, наверное, все женщины заметили, что в то время снабжение продуктами улучшилось. В магазинах стали появляться продукты, которых мы годами не видели на прилавках. Уже в феврале были свежие огурцы, а в марте появлялись помидоры, редиска, лук зеленый, укроп, салат, а яблоки были почти круглый год. А сколько было сделано для нашей молодежи: открылся клуб с картодромом, начато строительство Дворца спорта в поселке Падун, пущена первая очередь горнолыжного комплекса. Ведь ни один руководитель так не заботился о нашей молодежи... 19 июля 1988 года у нас прошло собрание. Весь коллектив, кроме товарища Костинского И. И., выступил за Закопырина. А этот товарищ сделал ссылку на возраст 55 лет и даже привел исследование японского физиолога Якусиро Микодзава, что, начиная с 30 лет, ежедневно отмирает 30—35 тысяч нервных клеток. Но Костинский не продолжил дальше. Так вот, Якусиро Микодзава пишет дальше: «Чтобы мозг не старел, надо усиленно думать». У нас были руководители и помоложе, да для них БГС был трамплином для прыжка выше, а Закопырин прикипел к нашему городу и к нам. Наш коллектив настаивает также и на том, чтобы ему вернули звание коммуниста, и считает, что если Закопырин не достоин этого звания, то кто же его достоин?» 64 подписи.

А вот выдержка из письма ветерана «Братскгэсстроя» В. Г. Леонтьева:

«Коротка память наших отцов города, если они не берут во внимание заслуги Закопырина в решении социальных вопросов. Напомню им и всему городу. При нем город получил горнолыжную трассу на Пихтовой горе, бассейн «Чайка», крытый каток, который исчез с его уходом, пансионат «Юбилейный», расширение пансионата «Новая Пустынь», разворот работ по «Судаку» и «Медвежонку», и если бы в эти годы Закопырин был в руководстве БГС, без сомнения «Судак» бы уже действовал, а «Медвежонок» не уплыл бы от нас. Начал строительство пансионата в Усть-Куте, которое тоже кому-то отдали с его уходом. Не было бы и Дворца спорта на Падуне без него. А жилье, детский комбинат, водно-спортивная станция и тир в поселке Строитель? Забыли?! Коротка человеческая память. А ведь все это делалось им через личные выговора, на которые мы бываем щедры, когда начинаем «лечить» руководителя...»

И так далее. За экономией места обрываю цитирование. Авторов писем не знаю, но могу подкрепить их суждения мнениями людей, с которыми разговаривала.

Иван Федорович Позоров, бригадир слесарей-монтажников Братского управления «Востокэнергомонтаж», Герой Социалистического Труда:

«Закопырин — редкий руководитель. Он лично знал всех бригадиров субподрядных организаций. Придет, во все вникнет, подскажет, постыдит, поможет. А сколько он городом занимался, детьми, спортом! Это же единичные люди у нас такие! Его с ЛПК взяли на Надежду. Условия очень суровые, стройка в развале. Он ее в кратчайший срок поднял. С ним те, кто хотел работать. Он бездельникам не по нраву».

Александр Николаевич Блуднев, бригадир управления автотранспорта «Братскгэсстроя», водитель:

«Он с народом работал! Мы с ним горы могли бы свернуть, а его съели! Съели те, с кого он потребовал работу. Я бы Михаилу Сергеевичу сказал, вот человек, который вам необходим сегодня! Срочно его вытаскивайте и суйте в любое пекло — не подведет!.. Перестройка-то у нас при Закопырине началась. Да плохо кончилась. И никто из больших вмешаться не захотел — все за свою сиделку испугались».

Подобные высказывания можно множить и множить, но, думаю, и приведенных достаточно для представления о взгляде на Закопырина «снизу».

В первый свой приезд в Братск (за год до выборных страстей) я нашла только одного человека, считавшего отставку Закопырина справедливой. Тем ценнее это суждение.

Сергей Кузьмич Евстигнеев, пенсионер, бывший заместитель начальника БГС по кадрам:

«Закопырин — человек, не лишенный способностей и знающий свое дело, и имеющий настырный характер. Но для него люди существуют только ради цели. В инженерном корпусе видел исполнителей его воли. Никого не слышал. Указания Закопырин дает толковые. Толковые. Но человек и сам хочет что-то внести. Закопырин — диктатор. Его первым лицом ставить нельзя. И сняли его правильно».

Итак, по мнению многих несправедливо уничтожен демократ, опередив-

ший время. По мнению Евстигнеева, справедливо уничтожен диктатор.

Очень важно это соло. Вслушиваясь в него, начинаешь кое-что понимать в природе конфликта Закопырина с «окружающей средой».

СИБИРСКАЯ КАРЬЕРА

«Дурак» — категория биосоциальная. Природным материалом распоряжается общественное время. То из дураков налепит умных, то из умных наштампует дураков. Поди разберись, кому что было на роду писано, коли государство не хочет ждать милостей от природы. Ты летать рожден, а тебя в тачку впрягают. Тебе бы за плугом идти, как деды твои и прадеды, а ты лес валишь и валишь. С твоим бы голосом на мировую сцену, а ты тянешь на Севере дорогу, по которой не пройдет ни один поезд... Уж кто-кто, а Сибирь нагляделась на сломанную, перекореженную, попранную, погубленную человеческую «природу». Из этого бездонного колодца страданий черпать и черпать, да много ли охотников испить чужой муки, пока своя не настигла?

Случившееся с Закопыриным к тому прошлому отношения, кажется, не имеет. Кажется... Перекреститься, что ли? Да вот беда — креститься мы обучены не были. Салютовали с детства. И марши горланили под барабан. «Солнышко светит ясное. Здравствуй, страна прекрасная! Как отцы-герои, умножать мы должны славу своей страны». Бодрое такое выходило из нас поколение. Лучезарное. Дети страны, победившей фашизм. Чудо-продукцию поставляли осиротевшие семьи, коммуналки, интернаты, детдома: стриженые выкормыши казны, мы презирали «грошовый уют», рвались к свету высшего образования, мечтали быть полезными Родине и — приумножать, приумножать, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Двадцатый съезд лишил сознание невинности, поставил крест на маршевых лозунгах детства. И было мучительно больно за страшно (или бесцельно?) прожитые кем-то годы, но собственная жизнь была впереди. И короткая оттепель звучала ее многообещающим прологом. Время подкинуло идеалистам романтическую Сибирь. Костры, палатки, братство новоселов, великие стройки. Стройки без колючей проволоки, с ощущением сказочной свободы призванного созидать поколения.

Обаяние атмосферы собирало в новой Сибири деятельных романтиков со всей страны. Одним из тысяч неосибиряков был и Анатолий Закопырин. Родился в курской деревне. Учился на Украине. Институт, работа, аспирантура. В шестидесятом прибыл в распоряжение «Братскгэсстроя». И больше с Сибирью не расставался. Строил Коршуновский горно-обогатительный комбинат. Братский ЛПК. Завод в Заполярье, наконец. Вся карьера — в Сибири. И состоялась, и сломалась.

У Евстигнеева тоже в Сибири карьера состоялась. И не сломалась в отличие от закопыринской. Понимал, видимо, коварство «оттепелей».

Евстигнеев старше Закопырина на двадцать лет. «Послужной список» Сергея Кузьмича тоже неотрывен от сибирских строек. Но это были стройки лагерной Сибири.

И Сергей Кузьмич Евстигнеев был в ней лицом значительным.

Понося Закопырина, братская городская газета «Красное Знамя» с любовным почтением относится к Евстигнееву. В мае прошлого года опубликовала восторженный очерк В. Данильченко «Ветеран»: в трех номерах взахлеб описывается героическая жизнь Евстигнеева, в которой было немало «ударных строек, объектов, орденов и благодарностей за строительство железных дорог, аэродромов, фабрик и заводов».

В марте нынешнего года та же газета дала большое интервью с бывшим начальником «Озерлага», полковником в отставке С. К. Евстигнеевым.

Материалы имеют небольшие фактические расхождения. Например:

«В конце 37-го его пригласили в ЦК ВКП(б). Сказали, что его как грамотного и проверенного коммуниста... в числе ста партийцев направляют для работы на строительство БАМ в органах НКВД». Из очерка.

А сам Евстигнеев рассказывает в газете: «Как я попал в органы НКВД? Шел 1938 год, я жил и работал в Москве. Вызвали в ЦК и сказали: пойдете работать в НКВД... Всего из Москвы Центральным Комитетом было отобрано сто коммунистов, их... и меня в том числе послали на БАМ, точнее в «БАМлаг».

Но это, в сущности, не так важно, когда именно начал Сергей Кузьмич свою сибирскую карьеру в НКВД. Важно, что карьера удалась. Начальником особого лагеря «Озерный» прослужил Евстигнеев с 1949 по 1964 год.

Вспоминает в «Красном Знамени»:

«Я был прежде всего начальником строительства, а потом уже начальником лагеря. Мне дали задание: построить дорогу, только вместо рабочих были заключенные. Я должен был следить за тем, чтобы питание соответствовало норме, иначе какие же из людей рабочие? Много ли они наработают? Уже по одной этой причине, хотел я или нет, но был обязан накормить, обогреть людей и дать им выспаться. Норма питания в лагере соответствовала солдатскому пайку: горячая пища — три раза в день, утром — второе блюдо, в обед — первое и второе, вечером — второе и чай. Хлеб выдавался в зависимости от выработки: если норма выполнена — килограмм, перевыполнена — килограмм сто граммов, недовыполнена — восемьсот граммов. Штрафной паек — триста граммов, он выдавался тем, кто находился в изоляторе...»

А Анатолий Жигулин, отбывавший наказание в «Озерлаге», в журнале «Знамя» (№ 8, 1988 г.) свидетельствует:

«Наступали холода, наступала апатия. Кормили очень плохо, особенно в рабочей зоне». И дальше: «А голод давал себя знать. Не выполняющие норму получали вечером всего 200 граммов хлеба и половник баланды. Питание и затраты энергии были несопоставимы».

Евстигнеев: «Произвола, что хочу, то и ворочу, не было... Действовали по инструкции... И хотя по этой инструкции оружие применялось без предупреждения (поскольку лагерь особый), по каждому случаю применения оружия проводилось расследование...»

Жигулин: «Будили нас в шесть, а то и в пять утра — надо ведь к началу светового дня дойти до лесосеки — двенадцать километров. Конвоиры шли по протоптанной вчера дороге, а нас гнали по глубокому снегу, били прикладами, травили собаками, пристреливали отстающих. Особенно зверствовал начальник конвоя...»

И так далее. Один, оглядываясь, видит себя отцом родным для заключенных. Другой помнит себя бесправным, беззащитным, скверно содержавшимся рабом.

Конвойный и острожный... Была бы, наверное, необъяснима тождественность их свидетельств.

Но зачем понадобилось братской газете писать о бывшем начальнике одного из самых печально знаменитых лагерей Сибири с таким пафосом, от которого газеты наши давным-давно отказались даже в пресловутых очерках «о рабочем человеке»? Так, например: «...он был смятен и задохнулся гордостью от телеграммы Верховного Главнокомандующего, которую Сталин прислал руководителю стройки, начальнику политотдела и в их лице всему коллективу строителей (среди них были и заключенные, «враги народа»)»...

Зачем братской газете сегодня такой стиль, такой герой, такое прочтение прошлого, коими мы переболеть должны, а не восторгаться?

Может быть, это нужно для тиражирования главной мысли Евстигнеева, так сформулированной в двух материалах, что яснее некуда?

В очерке: «Да, мы тогда слишком часто озирались, оглядывались, колебались и откровенно трусили,— мрачно говорит сейчас ветеран партии Евстигнеев.— Однако все равно мы шли вперед, и несправедливо давать такие категорические и однозначные оценки нашему прошлому, как это наблюдается у некоторых средств массовой информации,— добавляет немногословный политрук».

В беседе: «Я осуждаю Сталина, но при нем было сделано много доброго. Противодействие будет до тех пор, пока все, что сделано при Сталине, будет грязниться».

И мысль эта, видимо, очень близка «Красному Знамени» в отличие от «Знамени».

Но какое отношение история Евстигнеева имеет к истории Закопырина?

Прямое, увы! Когда «Озерлаг» был расформирован, Сергей Кузьмич перешел на работу в «Братскгэсстрой». Как пишет Данильченко, Евстигнеев, «сменив китель на цивильное платье и отказавшись от заслуженного безбедного существования, почти двадцать лет работал заместителем начальника БГС «по быту и кадрам».

Тут-то они и встретились с Анатолием Николаевичем Закопыриным.

Два поколения. Полярные Сибири. В романтическую шестидесятых Сергей Кузьмич «вписался» легко и безболезненно, нисколько, как утверждает его биограф, не изменив «своим старым политруковским привычкам».

У Закопырина не было ни «старых», ни «политруковских привычек».

Упоенно вкалывал. Самозабвенно пел со всеми под гитару у костра. Шевелил мозгами — кандидатом технических наук стал без отрыва от строек. Мечтал о красивой, четкой, грамотной, результативной работе.

И многое, многое не нравилось ему в «Братскгэсстрое», когда он возглавил управление.

«Его появления здесь боялись — заставит работать,— говорит Евгений Александрович Картавов (заместитель управляющего трестом «Сантехмонтаж»).— Стареющий, уютно устроившийся коллектив всегда настороже — жди от нового неприятностей: отделы начнет сокращать, управленцев поджимать, пенсионеров на пенсию. Они и начали сплачиваться. Закопырин опережал свое время, покушался на устои. Он их разрушить хотел, дурные устои, и, конечно, сопротивление жесточайшее».

Уже упоминавшийся Иван Федорович Позоров: «Какие мечты у него были о перестройке «Братскгэсстроя»! Конечно, не ласкать же тех, кто не хочет работать. И начали писать всякую грязь обозленные люди. Пошли анонимки, что он грубый, жестокий... Он с бездельниками расставался. А они его и победили. Много их!».

Сергей Кузьмич Евстигнеев говорит, что сам он лично ничего не писал. Но Сергей Кузьмич — идеолог антизакопыринских настроений, коих он, повторяю, и не скрывает.

Эти настроения вправе торжествовать победу.

Но кто же все-таки уничтожен: демократ или диктатор?

Сейчас я бы ответила: дурак.

В этом мне и предстоит убедить вас, читатель.

ЛОГИКА УНИЧТОЖЕНИЯ

Привожу целиком формулировку исключения Закопырина из партии: «За неправомерное вмешательство в работу следственных органов, игнорирование решения суда, покровительство лицам, совершившим преступления, а также за разбазаривание материальных ценностей, нарушение штатно-финансовой дисциплины и сокрытие судимости при вступлении в ряды КПСС».

Не слабо, как сказали бы нынешние подростки.

Год, повторяю, 1984-й. Сентябрь. Мы еще не знаем, что доживаем эру «застоя». Еще никто не призывает нас к перестройке мышления, в котором здравому смыслу принадлежит первое место.

И это ретро-мышление... Впрочем, по позициям формулировки.

«Неправомерное вмешательство в работу следственных органов...»

Да, Закопырин возглавил «Братскгэсстрой» не в лучшее для прославленного управления время. Романтики 60-х представали перед следствием и судом как взяточники, жулики, казнокрады. Разматывалось «братское дело». В газеты выплывали подробности о японских магнитофонах, преподносимых братчанами министерским чиновникам. И для обывательских пересудов «материал» находился.

Анатолий Николаевич к делу о хищениях не имел никакого отношения. Но под следствием оказались и люди, которых Закопырин знал давно и в честности которых не сомневался. И он писал в следственные органы, просил информации, доказывал невиновность обвиняемых, добивался свиданий с заключенными.

Кстати, про это нашумевшее «братское дело» даже Евстигнеев с его большим опытом «политрука» говорил спустя шесть лет (и в газете, и в беседе со мной): «Та громкая шумиха оказалась элементарным, хотя и драматическим перегибом нашей судебной машины. Воровства как такового и каких-либо хищений не было. Следствие не установило, что они там лично для себя брали. Делали подарки, чтобы получить побольше материалов для строек — система такая была».

Первый секретарь Братского горкома партии Борис Алексеевич Гетманский при нашей встрече осенью 1987-го сказал: «В деле, конечно, были перегибы. Пострадали и те, кто себе в карман ничего не положил. Закопырин ставил горком в известность, что возмущен работой следственных органов по делу начальника «Коршуновстроя» Бухарина. Но Анатолий Николаевич не согласовывал с бюро свои обращения по защите некоторых подследственных. Для нас это явилось неожиданностью. Должен был посоветоваться с бюро. А он восстановил против себя милицию. Выступал и говорил, что там работают люди, которые сажают. Надо было держать себя в рамках, даже если дело сфабриковано».

Вот позиция умного человека. А Закопырин — ну не чудак ли? Дерзнуть в одиночку назвать произвол произволом... Юрий Александрович Бухарин, отсидев два года, освобожден за отсутствием состава преступления. А тогда мама Бухарина умерла при обыске... Закопырин был единственным, кто сражался за Бухарина в той обстановке, где быть одному против всех — значило обречь себя на уничтожение.

Умный-то... Он бы забыл о товарище и его маме тотчас, как завели уголовное дело.

«Разбазаривание материальных ценностей...»

Закопырин нравился тем, кто с ним строил завод. Иногда — тем, кто еще был способен оценить, как они строят завод. На одном из высоких совещаний Минэнерго ответственный работник ЦК партии публично заявил, что видит в Закопырине будущего замминистра. Перспектива не очень обрадовала слушателей — появление в аппарате человека с независимым характером и страстью к новациям чревато пере... менами? пере... движками? пере... стройкой?

И вскоре в Братск явилась комплексная ревизия — проверять финансово-хозяйственную деятельность БГС. Еще и двух лет не прошло, как Закопырин возглавил многоявенную махину. Подоброму-то не ревизоров посылать но-

вому руководителю, а помощников, консультантов, специалистов. Куда там по-доброму, коли охота началась.

Ревизия выполняет четко поставленную задачу — найти основания для грозного приказа. Хронических болячек в строительстве, слава богу, хватает. К тому же миллион существующих инструкций гарантирует виноватость руководителю, раздражающему самостоятельностью. Умный раздражать бы поостерегся. А Закопырин свято верит в то, что работа его защитит.

Даже ревизоры, выпущенные на сцену без права на импровизацию, вынуждены констатировать позитивные сдвиги в деятельности БГС: некуда деться от объективных показателей — управление уверенно улучшало работу.

Тем не менее через пять месяцев появляется министерский приказ, в котором факты и выводы из них бесстыдно не соотносятся. Например, из длинного перечня показателей роста в процентах делается неожиданное заключение, что «имеются нарушения и недостатки в работе».

Грубо попирается формальная логика. Что уж говорить об интересах дела, содержательном анализе?!

«По распоряжению заместителя начальника БГС Яковенко производилась распродажа автомобилей... А. Н. Закопырину объявить строгий выговор за нарушение финансовой и государственной дисциплины». Да-да, Закопырин хотел избавить управление от армии персональных шоферов. Считал, что современные начальники всех рангов должны сами водить автомобиль и использовать личную машину в служебных целях. Кто хочет. И сам мотался по делам за рулем личной машины.

Назовешь такого умным? Вот и получай «разбазаривание».

В длинном приказе ни одного доброго слова о Закопырине, о переломных тенденциях в работе управления. Как и ни одного четкого, убедительного обвинения в адрес руководителя. Четок только вывод:

«предупредить, что в случае непринятия эффективных мер по усилению и выполнению... он будет отстранен от занимаемой должности».

И вот у меня в руках письмо в высокую (высочайшую!) инстанцию, датированное 15 августа 1988 года. Оно подписано тем же человеком, что и приказ, членом-корреспондентом АН СССР, теперь уже бывшим министром энергетики СССР П. С. Непорожним.

Цитирую:

«Анализируя сегодня приказ Минэнерго СССР от 06.03.84 № 76, а также акт ревизии от 05.10.83, справки о наказании работников «Братскгэсстроя» за нарушения... фондовой дисциплины, рассматривая все эти явления в свете перестройки мышления и хозяйственной деятельности, могу сказать определенно, что большинство действий Закопырина были верными... Вывод о правильности большинства принятых им решений подтверждается улучшением деятельности управления в 1982—83 годах... Сегодня, в период перестройки, дано право руководителям самостоятельно решать штатно-финансовые вопросы... издание подобного приказа в настоящее время не имело бы смысла»

«сокрытие судимости при вступлении в ряды КПСС...»

Вот, читатель, и до «клубнички» дело дошло. Будь она неладна, наша лукавая страсть к «клубничке».

Да, в 1963 году Закопырин был осужден условно на три года по статье 119, ч. 1: «половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости».

Историю влюбленности девчонки в главного инженера большой стройки поведал Игнатий Дворецкий в пьесе «Мост и скрипка» (или «Должность жены»), написанной в том самом 1963 году. Дворецкий жил в доме главного инженера строительства Коршуновского ГОКа, события развивались на его глазах и стали сюжетом лирической комедии.

Закопырин на своей «девчонке» женился. Тем не менее был осужден. (И в пьесе Дворецкого есть персонаж, прототип которого в реальной жизни и обеспечил такое развитие сюжета.)

Брак скоро распался. Люди, не связанные ребенком, расстались навсегда. Она выходила замуж еще дважды. Закопырин тоже женился — второй брак оказался прочнее. У него двое детей — дочь и сын, и уже есть третий, наверное, самый любимый ребенок — внучка.

Что же за «сокрытие»? Вступал в партию в 1965 году. Судимость была с него снята во время прохождения кандидатского стажа.

Гетманский, участник тех далеких событий, прямо мне заявил: «Был я секретарем парткома в «Коршуновстрое». Как руководитель, инженер, организатор, Закопырин и тогда выделялся именно своей хваткой, новизной решений. Когда его принимали в партию, мне представили документ, что судимость с него снята. Коммунисты знали все и тем не менее сочли возможным принять его в партию. «Сокрытия» быть не могло!».

Так говорил мне Борис Алексеевич осенью 1987 года. А под осень 1988-го, в разгар выборных страстей, написал в городской газете: «При вступлении из кандидатов в члены КПСС Закопырин в деле не указал сведений о своей судимости, то есть, по существу, скрыл ее, хотя об этом в Железногорске знали многие».

И жестко подытожил: «Есть проступки, допускаемые коммунистами, которые партия не прощает».

В один день с Гетманским в «Огнях Ангары» выступил В. Кузин. (По случайному совпадению это был день открытия охотничьего сезона.) И в статье Кузина о том же: «Есть проступки, которых партия не прощает». И в кабинетах вроде бы приличные люди, убеждая меня в «непростительности проступка», оглашенно твердили: «половое сношение, половое сношение»...

Не знаю, как вы, читатель, а у меня в глазах явно читался крик: мужики, не ханжествуйте, не дурите, скажите прямо — за что вы его?..

Владельцы просторных кабинетов трепетно поднимали палец и молитвенно выдыхали: КПК, КПК...

Да, Закопырин был исключен из партии решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

«Я ЖИВ! СНИМИТЕ ЧЕРНЫЕ ПОВЯЗКИ!»

Исключен 21 сентября 1984 года, а 13 ноября «по устному запросу, поступившему из КПК», началось против Закопырина уголовное преследование, прекращенное 11 октября 1985 года за отсутствием состава преступления.

Искали. Долго искали. Подсудного криминала не нашли. За решетку Закопырин не попал. Остался на воле — с решением КПК.

Из Братска не уехал. Работает в маленькой — по сравнению с прежней-то! — должности заместителя начальника управления механизации № 2 треста «Братскспецстрой».

И пишет одну апелляцию за другой. Просит познакомить его с томами «дела», которых не видел. (Показали только через четыре года — обалдел от чтения откровенных доносов, запустивших машину уничтожения.) Просит гласного пересмотра, прилагает документы, взывает к разуму.

Тщетно. Письма и заявления попадают к тому же человеку, под началом которого и работала комиссия в августе 1985 года.

Пишет не только Закопырин. Идут в Москву из Сибири письма отдельных коммунистов, групповые письма, принятые на открытых партийных собраниях.

Если бы защитительные письма хоть на треть обладали могущественной силой доносов! Увы, на сто граммов доноса нужно... килограмм? центнер объяснений и оправданий.

Центнер, по-видимому, и накопился. Весной 1988-го в Братск приехал инспектор КПК А. Ф. Добрица.

Это был не тот человек, что стоял у истоков закопыринского дела. Но что его волновало — истина или защита коллеги от обвинения в ошибке?

Вот как пишет (опять в Москву, в секретариат ЦК КПСС, и уже в 1989 году) о визите Добрицы секретарь партбюро управления механизации № 2 «Братскспецстроя» В. А. Нечаев:

«Вместо открытого, объективного и гласного демократического разбирательства т. Добрица А. Ф. довольствовался только беседой с членами парткома «Братскгэсстроя»... не счел нужным встретиться с кругом трудящихся, коммунистов и беспартийных, которые просили о пересмотре дела Закопырина. Отказался показать материалы, собранные в августе — сентябре 1984 года... Справкой, составленной т. Добрицей, мы совершенно не удовлетворены, там нас обвинили в беспринципности, а Закопырину было нанесено оскорбление...»

Да, в этой свежей справке проступок, который партия не прощает, расшифровывался уже как «изнасилование несовершеннолетней».

Скажите, разве умный человек может угодить в такую абсурдную ситуацию, когда в поисках компромата на него перетряхивают всю его жизнь (а с нею — и постель!) и грешный эпизод молодости возводят через десятилетия в ранг страшного преступления? (Право, у наших подростков есть все основания поиздеваться над таким ханжеством.)

Но Закопырин... Что с него взять, коли природа обделила его инстинктом самосохранения? И в мае 1988 года он подал иск о защите чести и достоинства. В Севастопольский народный суд г. Москвы. По месту жительства ответчика, инспектора КПК при ЦК КПСС А. Ф. Добрицы.

Кажется, первый и единственный иск такого рода в истории Страны Советов.

Умный посмел бы? Предлагали Закопырину шепотом несколько лет назад — вступай в партию снова, примем. Но ему, видите ли, надо, чтобы его восстановили. Потому как исключили несправедливо. Вот и до сутяжничества докатился. Нашел, с кем судиться...

8 июня истец встретился с председателем суда и получил предложение помириться с ответчиком. Тут у Закопырина хватило ума согласиться, но в том случае, если ответчик принесет письменное извинение и ему, и партийной организации УМ-2.

Приглашенный на 9 июня, ответчик в суд не явился. В предоставленные ему десять дней письменного извинения не принес.

Суд приглашает ответчика на 12 сентября. Ответчик не является. Суд переносится на 15-е. Ответчик снова не является, но на этот раз объясняет по телефону, что болен. Номер больничного листа и дату выдачи не называет.

А Братск, между прочим, далеко-далеко от Москвы. Если иметь в виду полеты за собственные деньги.

30 сентября датировано письмо первого заместителя председателя КПК при ЦК КПСС т. Густова первому секретарю Братского горкома КПСС т. Гетманскому. В письме, в частности, говорится:

«Действительно, т. Добрица А. Ф. в указанной записке допустил неточность... Эта неточность в записке исправлена, а т. Добрице А. Ф. сделано замечание».

И высокий автор просит секретаря горкома довести содержание его письма до коммунистов УМ-2, а «о состоявшейся информации» сообщить и в КПК, и Закопырину.

Но если т. Добрице в Москве «сделано замечание», то т. Закопырину в Братске от этого мало легчает: сведения, порочащие честь и достоинство, тиражируются сказочно быстро.

Умный бы размножил реабилитирующую бумажку и показывал бы ее на каждом перекрестке. А Закопырин — этот упрямо ждет суда.

И 29 ноября в Москве состоялся суд. Ответчика на нем не было. В этот раз он и по телефону не объяснил, почему не придет.

Однако что-то происходит с нашей юстицией. Севастопольский народный суд под председательством молодого судьи Н. А. Алеевой удовлетворил иск А. Н. Закопырина о защите чести и достоинства. Сведения, изложенные А. Ф. Добрицей в справке КПК при ЦК КПСС, признаны порочащими честь и достоинство истца.

Ликовать? И месяца не проходит, как прокурор г. Москвы Л. П. Баранов опротестовывает решение районного суда — просит президиум Московского городского суда отменить его, а дело направить на новое рассмотрение.

С дураками только свяжись. Всем работы хватит.

Месяцы, месяцы... И 6 апреля 1989 года повторное судебное разбирательство в том же районном суде, но под председательством другого судьи и в присутствии прокурора признает А. Ф. Добрицу виновным в распространении сведений, порочащих честь и достоинство А. Н. Закопырина. Как повелось, в отсутствие ответчика.

И что дальше? Дальше — тишина.

В одном из аскетических кабинетов сказали мне однажды сурово: «Партийный следователь не ошибается!»

Так ли это?

Статья А. Сахнина «Фиктивный метод», опубликованная в «Правде» 14 января 1989 года, говорит об обратном. Повествуя о судьбе... не Закопырина, другого подобного «преступника», генерального директора объединения «Подольсклесхоз» А. Мартиросова, Сахнин описывает метод, «каким искусственно создавалось «дело». И заключает: «Метод административный, приказной, столь характерный для застойного периода». И пользовался этим методом в «деле» Мартиросова инструктор КПК при ЦК КПСС И. И. Астафьев.

Тот самый Астафьев, который и возглавлял комиссию КПК, собиравшую материалы для «дела» Закопырина в Братске в августе 1984 года. И именно ему по десятилетиями отработанной системе попадали все апелляции и заявления бывшего члена партии Закопырина. И именно его благополучие оберегал А. Ф. Добрица, формально и поверхностно отметившийся в Братске.

Старые, но нержавеющие механизмы...

Одно высокое «лицо», взяв с меня обещание не называть его в прессе, просвещало меня по-отечески мудро: «Знаете, кто такой инспектор КПК? Это человек, который всегда докажет, что дважды два — пять. Если это кому-то нужно. Таких людей берегут».

Как сказал мне Петр Степанович Непорожний, «у нас таких, как Закопырин, единицы».

И вот эта редкая «единица» оправдывается, судится, собирает и перекладывает бумажки, бумажки, пишет унизительные объяснения в ответ на порочащие его «слухи».

А Сергей Кузьмич пусть рассказывает и рассказывает, каким нежным он был начальником «Озерлага». И убеждает всех в том, что Закопырина уничтожили справедливо.

...Взволнованные, но беспомощные ходатаи, не просите меня больше ни о чем. Что я могу сделать для Сибири Закопырина, коли Москве любезнее Сибирь Евстигнеева? Закопырин, будь поумнее, законсервировал бы себя до Перестройки. Как его защищать, Недотепу?

Отказываюсь...

Братск — Новосибирск — Москва

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И АКТИВНОСТЬ

Страна, система доказывают свою способность решать неотложные проблемы собственного развития. Да, произошли первые на нашей памяти легальные, так сказать, забастовки. Да, у руководства страны, у членов забастовочных комитетов, у работников средств массовой информации оказалось достаточно выдержки и взаимного понимания для того, чтобы удержаться на уровне происходящих в стране процессов, на уровне нашего времени.

Это очень высокий уровень. Только что, встречаясь с избирателями, я радостно убеждался, насколько они стали сильнее и требовательнее за несколько месяцев, прошедших после выборов. Народ понимает свою силу и свое право на управление тем самым «государством рабочих и крестьян», от рулей которого он был так основательно отделен в течение десятилетий. Процесс народовластия неостановим; вовсе не удивительно, что бастующие шахтеры включали в число своих самых важных требований неотложное проведение выборов в республиканские и местные органы Советской власти. Обретая вкус к демократии, люди не могут уже смириться с руководителями, никакой власти над собой не признающими; бюрократами, не считающимися с собственным народом, потому что не он избирал их, а значит, и не ему с них, мол, спрашивать.

Прекрасно, что народ все строже и строже относится к себе и к тем, кому поручает руководить страной. Утверждение нового Совета Министров показало, что привычное властям всенародное детское послушание в делах государственного управления — дело прошлое. И требование безотлагательно продолжить избирательный процесс, освободив его от бюрократических органов самоспасения в виде окружных собраний и депутаций от общественных организаций, вполне естественно. Нужны прямые альтернативные выборы, которые дадут народу возможность продолжить формирование руководства и спрос с него.

Народ мыслит ответственно и активно. Монологи забастовщиков, только что услышанные нами в личном общении, с телеэкрана, полученные в редакционной почте — это речи ответственных и патриотичных людей. Сегодня уже нельзя требовать от рабочего люда свободного мышления, ответственности за судьбу страны, одновременно сужива сферы применения ответственности и свободы. Ни от кого нельзя требовать такого, нельзя отделять интеллигенцию от рабочих и крестьян,— мы все едины в желании изменить жизнь, и те, кто пробует разорвать это единство, хотят противостоять изменениям.

Представители физического и умственного труда страны проявляют сейчас массовое понимание того, что именно нам по силам; это видно и на заседаниях Верховного Совета страны. Это великий политический урок для тех, кто собственное процветание привычно ставит выше процветания Родины, кто изобрел генеральные репетиции светлого будущего в виде систем групповых привилегий и держится за них, как некое насекомое за тулуп. Очень легко высчитать, кто сегодня противится правдивому рассказу о том, как мы жили, как живем и как должны жить. Не дай нам, судьба, остановиться, задохнуться на марше, поддаться внушению, что все общественные недуги наши выдуманы средствами массовой информации. Это в средневековье принято было сжигать врачей, поставивших диагноз эпидемии.

Насколько же, наверное, легче было руководить отсталой нашей промышленностью на уровне праздничных рапортов о ее процветании. Насколько же безобиднее для целого ряда разобидевшихся сегодня руководителей было иметь прессу ручную, ничтожную, далекую от реалий народной жизни! Конечно же, были и есть лживые, угодливые работники массовой информации, как есть недостойные работники в любой сфере. Но прежде всего надо порадоваться, что картина советской жизни все четче: огромное поле для приложения труда, взыскательная нива, главные урожаи с которой еще впереди.

Понятия «взыскательность» и «ответственность» становятся все важнее. Надо видеть цель и осмысливать пути к ней. Теперь не время для шовинистических истерик, продолжающих трепать некоторые московские ежемесячники, не время для поиска врагов выдуманных, заслоняющих главные цели преобразования общества и страны. Попытки указать врага там, где его нет, отвести от себя народное недовольство либо спровоцировать его, направляя на ложные цели, лихорадочная бюрократическая самозащита — все это помехи, каждая из которых может стать серьезной. Всякая псевдоцель, попытка обострить национальные конфликты, представить своего личного противника как врага всеобщего — шаги к срыву перестроечного процесса.

Ложь — спутник терпящих поражение. Правда прежде всего опасна тем, кто хочет, чтобы обновление проиграло, захлебнулось, чтобы народное внимание было отвлечено от главных целей перестройки.

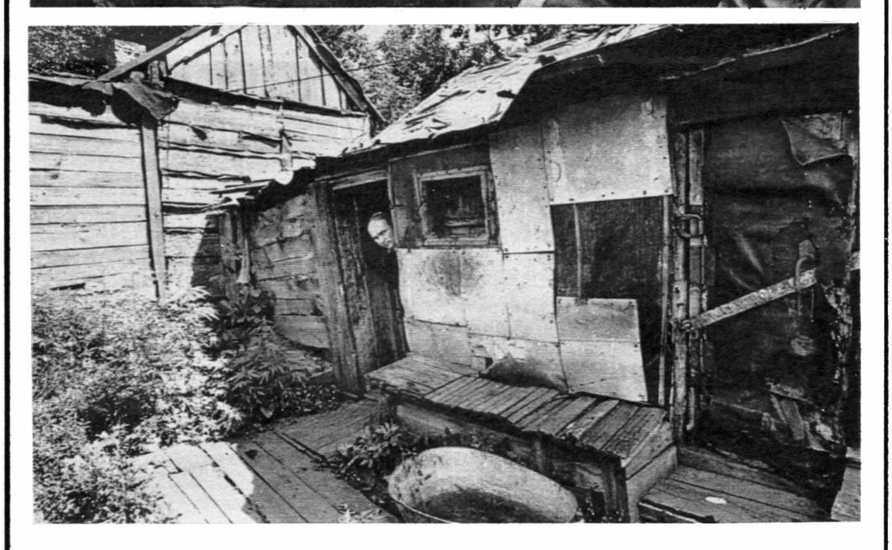
Идет жатва. Сегодня мы пожинаем то, что посеяли,— во всех смыслах и всех слоях. Хлеб демократии не всем сладок, но это именно тот хлеб, на котором была вскормлена ленинская революция; именно то лекарство, которое может возвратить силы стране и народу.

Надо работать, говорить правду и жить ею.

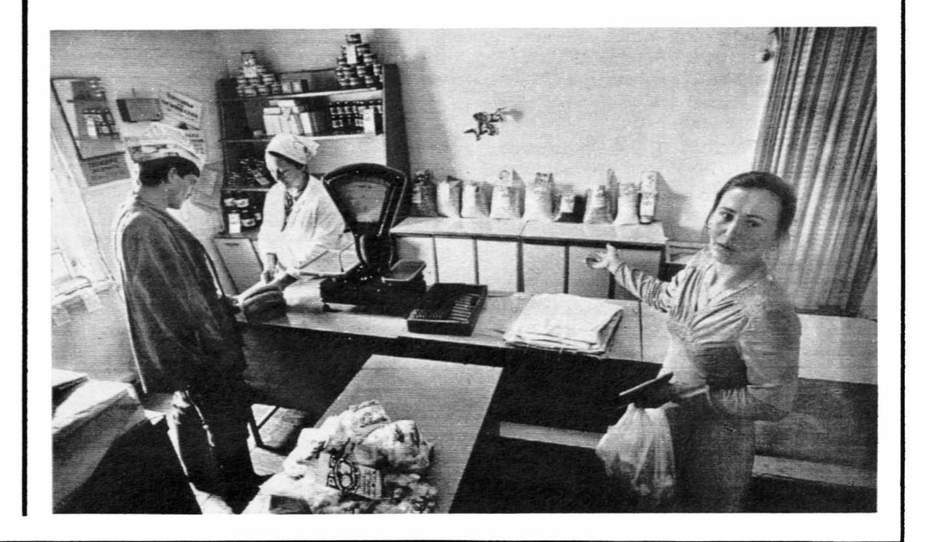
Виталий КОРОТИЧ

Наш фотокорреспондент Эдуард Эттингер побывал в Кузбассе во время забастовки. Публикуем его фотографии.

ПРОШУ СЛОВА!

ПОКА ПРОЕКТ НЕ СТАЛ ЗАКОНОМ

Во времени принятия Закона о выборах народных депутатов СССР страна и общество прожили целый исторический этап. Было упоение от обретенной возможности выбирать из двух или нескольких кандидатов, было непривычное для нас единодушие, когда «одного-единственного» в бюллетене старательно вычеркивали, приводя председателя избирательного участка в глубокую депрессию: «Как докладывать наверх?» Были известные всем побежденные, но и были никому не известные победители, прошедшие в депутаты от общественных организаций. Было и печальное удивление киевлян: они избрали в своих округах всего лишь семь народных депутатов СССР, а на Съезде Киев представляют... более сорока. Конечно же, среди избранных от общественных организаций немало людей уважаемых, которые смогли бы пройти строжайший отбор в любом избирательном округе. Но они-то как раз меньше всех нуждались в административно-аппаратной подстраховке.

После выборов и Съезда народных депутатов СССР мнение большинства народа о несовершенстве Закона о выборах — реальность, с которой невозможно не считаться. Об этом говорилось на Съезде, в печати, на многолюдных митингах. Жадно потянувшиеся к политической жизни люди постоянно задают вопрос: «Как будем формировать органы власти на местах? Какой законодательный механизм сработает на Украине?» От этого сегодня зависит судьба огромной республики и каждого ее жителя, уставшего от посулов радикальных перемен в экономике, в напряженнейшей экологической ситуации, в решении национальных проблем.

И вот этот проект, появившийся не в открытой печати, а разосланный по списку, как рассылаются обычно закрытые письма, лежит перед нами. Таинственный, манящий: что там? Какой новый прорыв к демократии совершили его анонимные авторы?

Увы! Чем больше вникаешь в текст проекта этого закона, тем глубже погружаешься в прошедшее, уже отработанное обществом время, где явственно ощутим дух застоя, чиновничьих ухищрений и боязни передать народу избирательные права без всяких исключений и оговорок.

В старательности авторам проекта не откажешь. Они скрупулезно перенесли в этот проект все негативное, что осуждалось избирателями в известном всесоюзном законе. И прежде всего выборы от общественных организаций — милые сердцу каждого высокопоставленного аппаратчика, не пользующегося авторитетом у народа, но мечтающего о депутатском кресле в республиканском парламенте, в областном или городском Совете. Без «пыли и шума», без риска и выхода на многолюдные митинги, в мирной тишине республиканских пленумов, без язвительных вопросов замордованных нашим бытом избирателей, жаждущих прямых ответов,— столпы старой системы вновь станут депутатами, определяющими состояние дел в республике или области... Мандатов хватит: советы ветеранов, женсоветы, академия, ДОСААФ, творческие союзы, фонды, общества...

А приснопамятные предвыборные окружные собрания, вызвавшие столько кривотолков, слухов, получившие название «сита для неугодных аппарату кандидатов»? Конечно же, они есть в республиканском проекте. Те самые, с теми же, только еще более расширенными полномочиями.

Даже если только эти два положения сработают на предстоящих выборах в местные Советы Украины, которая с таким трудом выходит из состояния экономического, экологического, духовного кризиса, поразившего ее в годы «образцово-показательного» застоя, то и этого будет достаточно, чтобы все здесь осталось без перемен на ближайшие пять лет.

Вошедшие во вкус авторы проекта решили довести его до «совершенства», чтобы не оставить аппарату ни малейшего сомнения в том, что он, аппарат, сможет проконтролировать каждую кандидатуру, каждый «вход» и «выход», каждую щелку, где может проскользнуть нежелательный депутат, скажем, от этих «распоясавшихся перестройщиков», «неформалов» и прочих ослушников.

Вот только некоторые из новых ограничений для избирателей и для кандидатов в депутаты. Если кандидатом в народные депутаты Союза достойного человека мог выдвинуть любой коллектив, имеющий юридическое право называться оным, то теперь планка поднята: не меньше 300 человек должно числиться в ведомости на зарплату. Остальные (скажем, 270 научных сотрудников мощного научного института) взирайте на предвыборную кампанию и помалкивайте, наращивайте штат к следующим выборам. А вот еще находка, можно сказать, «застойная изюминка» проекта: окружное предвыборное собрание наделяется правом решать, противоречит или нет предвыборная программа кандидата всесоюзной и республиканской Конституциям и законам страны и республики. Что же делать, если кандидат предлагает внести изменения в Конституцию или закон? Извини, дорогой, не твоего это ума дело. Гуляй в избирателях или доверенных лицах. Правда, в последних на Украине согласно проекту не очень-то и «погуляешь», их разрешено иметь только пять, ведь это выборы вроде бы «второго сорта».

Где уж говорить украинскому избирателю о такой роскоши, как выборы президента прямым голосованием! Зато «нововведения», являющие собою шажки назад от уже завоеванных реалий нашей робкой демократии, наследили по всему тексту проекта: одни кандидаты должны обязательно жить на территории своего округа, но другие выделены в особую категорию, если их «деятельность распространяется на территорию республики, области, района, города». Поняли эту аппаратную хитрость? Различаете возможность выбора, скажем, смелого, мыслящего категориями нового времени школьного учителя — и работника Совмина или представителя того же комитета по народному образованию? Ведь последнему нетрудно определить на карте тихий, провинциальный уголок, посулить населению газ или дорогу, стройматериалы или новую АТС (если ты вхож в Госплан, сделать нетрудно) — и проголосуют! Или еще одно «заминированное» место в проекте: «равное финансирование» предвыборной агитации каждого кандидата. Кто и в какую сумму оценит, к примеру, яркое, незабываемое самодеятельное творчество киевских студентов на прошедших выборах?

Составители проекта даже к своим подстраховочным пунктам придумали подстраховку. Они предлагают объявить вне закона агитацию за неучастие в выборах. Таким образом избиратели лишаются своего последнего права: бойкотировать выборы, если все другие доводы в. защиту их прав оказались тщетными.

Весь дух проекта таков, что хочется взглянуть на календарь, еще раз убедиться, что это середина 89-го года, что уже состоялся первый Съезд народных депутатов, что, увидев его драматургию во всех деталях и подробностях, народ наш во многом изменился, что перед глазами миллионов прошли напряженные лица (а иногда были видны и дрожащие руки) наших министров, впервые ощутивших груз ответственности за дела в стране перед народом, а не перед друзьями и соратниками в Кремле. Да, хочется после этого чтения выйти на бурлящие стихийными дискуссиями улицы Киева, где только и разговоров, что о предстоящих выборах, об ухудшении снабжения города продуктами и товарами, о забастовке в Донбассе, о новом всплеске травли местной печатью уже существующего перестроечного движения народа (РУХа), о потребности обновления в верхних, средних и нижних эшелонах власти на Украине... Все это жаркое и мощное дыхание времени. Игнорировать его, не замечать или не принимать во внимание — значит усугублять ситуацию, значит не идти по пути перестройки, а по ложному пути «усовершенствования застоя» в республике.

Проект Закона о выборах в местные Советы Украины, если он не будет изменен и демократизирован, может увести народ республики именно по второму пути, где или вечная мерзлота известной нам политической апатии, или непредсказуемая активность.

Есть еще возможность выбора? Пока есть. Комиссия по выборам Народного движения Украины за перестройку готовит альтернативный вариант проекта представленного закона. Надо опубликовать их оба. И предоставить слово народу, а не аппарату, который еще раз доказал, и весьма убедительно, что смелые, демократические шаги ему уже не под силу. Как и не по силам сознаться в этом.

Народные депутаты СССР
Олесь ГОНЧАР, Валерий ГРИЩУК,
Владимир ЧЕРНЯК, Юрий ЩЕРБАК,
Владимир ЯВОРИВСКИЙ

В нашем редакционном музее, где на полках вплотную лежат каски шахтеров и строителей, целый арсенал памятных подарков из малых и больших городов нашей страны, прибавление. На этот раз сувенир привезли из-за границы в сопровождении вот такого письма.

Уважаемый Виталий Коротич!

Вместе с этим письмом я посылаю вам очень дорогую для меня вещь. Это куртка моего отца Эрнеста Хемингуэя, которую он проносил всю вторую мировую войну, сохраняя как талисман. После войны он подарил ее мне.

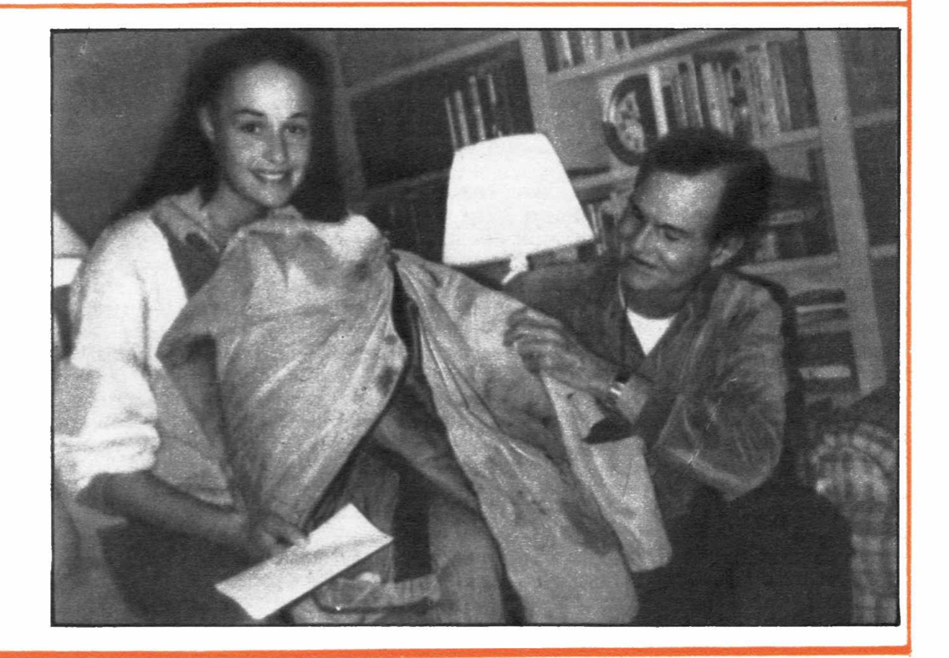
Сегодня я с радостью наблюдаю создание новой атмосферы во взаимоотношениях между нашими странами, которую, я думаю, приветствовал бы мой отец.

Ваш друг и почитатель

Джек Хемингуэй.

* * *

Мы с благодарностью приняли этот дар, тем более дорогой нам, что только что исполнилось 90 лет со дня рождения Эрнеста Хемингуэя.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ВАЛЮТНЫЙ СЧЕТ «АНТИСПИД» ПРИ ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» — 70000015 ВО ВНЕШЭКОНОМБАНКЕ СССР

МЫ УЖЕ НЕ МОЖЕМ НАПИСАТЬ: «ПОКА НЕ ПОЗДНО...» ПОЗДНО.

НЕЛЬЗЯ НАПИСАТЬ: «ВО ИЗБЕЖАНИЕ ЖЕРТВ...» ТЫСЯЧ И ТЫСЯЧ СМЕРТЕЙ УЖЕ НЕ ИЗБЕЖАТЬ. ОНИ БУДУТ. ОНИ ЗАПЛАНИРОВАНЫ БЕЗДЕЙСТВИЕМ И ОЧКОВТИРАТЕЛЬСТВОМ.

И НЕТ ВОЗМОЖНОСТИ НАПИСАТЬ: «ВДРУГ...» НЕЗВАНЫЙ, НО ДОСТАТОЧНО ДОЛГОЖДАННЫЙ, ПРЕДУПРЕДИВШИЙ О СВОЕМ ВИЗИТЕ ЗАРАНЕЕ — ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ,— К НАМ ПРИШЕЛ СПИД.

СПИД — AIDS — SIDA... Зловещая аббревиатура знакома всем языкам мира. Многие страны живут с этой бедой уже годы. Столько людей потеряно, столько пролито слез...

Советскому Союзу вроде бы грех жаловаться: у нас, говоря строго научно, эпидемии еще нет — «всего» около 300 зараженных и 14 умерших. Министр здравоохранения СССР Е. Чазов в своем выступлении на сессии Верховного Совета страны сказал практически обо всех проблемах, стоящих перед отраслью (но забыл осветить вопрос о курортах, за что и получил упрек от депутатов), а о СПИДе даже словом не обмолвился. И только в ответ на записку назвал некоторые цифры. Надо понимать, пока все нормально...

Почему же «Огонек» уже месяц — начиная со статьи «Лучше не думать?» в № 26 — бьет в набат, обращается с зовом о помощи ко всем, всем, всем? Почему журналисты занялись «не своим делом» — открыли прямо при своем издании валютный благотворительный счет,— может, как они это умеют, нагнетают истерию и гонятся за сенсацией?

В Западной Европе, Японии, Соединенных Штатах, в десятках других стран государство предприняло почти все от него зависящее, чтобы защитить своих граждан от СПИДа. Заражение в больнице, в поликлинике, в родильном доме, в кресле стоматолога или, например, гинеколога практически исключено: значительная часть медицинских инструментов — одноразовые, остальные тщательно стерилизуются. Людям даны и индивидуальные средства защиты — на каждом углу можно купить одноразовый шприц (без всяких рецептов и справок) или презерватив. Итак, человек надежно защищен, многое зависит от собственного благоразумия. На судьбу, на волю злого случая приходится едва ли несколько процентов вероятности заразиться.

В СССР, если смотреть правде в глаза, люди не защищены от СПИДа вовсе. Об этом и рассказал «Огонек» в 26-м номере.

В наших лечебных учреждениях почти нет одноразового медицинского оборудования. Нет ОДНОРАЗОВЫХ ШПРИЦЕВ. Шприцы же многократного применения вернее называть многозаразовыми: они часто не стерилизуются, медсестра только меняет иголки. В следующем году наша промышленность сможет выйти на уровень выпуска лишь 1 миллиарда одноразовых шприцев — при официально заявленной потребности в 3—4 миллиарда. (Да и цифра в 4 миллиарда, как считают многие авторитетнейшие специалисты, безбожно занижена, потребность — 6—7 миллиардов.)

К чему приведет такой дефицит? Ясно к чему: медперсонал будет *в отдельных случаях* использовать шприцы не один раз. Экономические интересы отменить невозможно, а на редкий инструмент наверняка будет спрос, и вот *иногда* они станут уплывать налево, а оставшиеся в наличии шприцы начнут работать по-стахановски, перевыполняя свою скромную норму. Уже сейчас имеются случаи неоднораазового применения одноразовых шприцев.

Почти совсем нет ОДНОРАЗОВЫХ СИСТЕМ ДЛЯ ПЕРЕЛИВАНИЯ КРОВИ И ОДНОРАЗОВЫХ КАПЕЛЬНИЦ. Даже те импортные, что есть в центральных больницах, тоже часто используются не раз, потому что их элементарно не хватает. В других — нецентральных — больницах, где одноразовых систем вообще нет, сестры давно приспособились применять резиновые трубки; потом они их стерилизуют и опять используют. Хотя хорошо известно: качественно простерилизовать пористую резину невозможно в принципе. Ну, а что делать-то: не перельешь кровь тяжелому больному, и он умрет.

На эти вопросы нашей журналистки заместитель министра здравоохранения, главный государственный санитарный врач СССР ответил так: «Главное — ответственность медсестер. Они не должны нарушать инструкцию».

Очень мало ОДНОРАЗОВЫХ ВНУТРИВЕННЫХ КАТЕТЕРОВ. К стерилизации в сухожаровом шкафу они, как известно, не приспособлены, поэтому их просто моют и используют многократно.

Практически нет ОДНОРАЗОВЫХ ДИАЛИЗАТОРОВ, ОДНОРАЗОВЫХ КОНТЕЙНЕРОВ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ КРОВИ, ОДНОРАЗОВЫХ ХИРУРГИЧЕСКИХ ПЕРЧАТОК и т. д., и т. д.

Не будет всего этого и в ближайшие годы: отечественного промышленного оборудования для производства систем переливания крови, катетеров, контейнеров, сохраняющих кровь, диализаторов нет и ОНО ДАЖЕ НЕ РАЗРАБАТЫВАЕТСЯ. А выделить 250—300 миллионов инвалютных рублей, которые, по мнению специалистов, решили бы проблему с закупкой необходимого импортного оборудования, Совмин СССР до сих пор не считает возможным.

Не защищены от СПИДа люди и при посещении стоматологических кабинетов. Население лишено и «средств самообороны»: с презервативами дело плохо. Если в последнее 8 Марта женщины дарили друг другу стиральный порошок, то вскоре, похоже, мужчины начнут дарить друг другу презервативы — вот не знаем только, к какому именно празднику...

Государство не защитило своих граждан от СПИДа. Тяжело осознавать, трудно выговорить, но никуда не деться: тысячи, десятки тысяч, а может, сотни тысяч, подсчитать сейчас невозможно, ОБРЕЧЕНЫ на заражение вирусом СПИДа в больницах, поликлиниках и роддомах. Сегодня уже ни поиск виновных, ни называние их имен, хоть и нужны, беды, нависшей над жителями огромной страны, не отведут: время упущено, фора растрачена.

Как считают авторитетные специалисты, чье мнение не зависит от официальной позиции, нашу страну ожидает эпидемия СПИДа, еще более страшная, чем в других развитых странах,— именно из-за отсутствия уже сейчас одноразовых медицинских инструментов и презервативов.

Именно поэтому «Огонек» взывает о помощи. Именно поэтому мы открыли благотворительный валютный счет «АНТИСПИД». Мы на это решились и надеемся собрать деньги. А чтобы была гарантия, что вся собранная валюта пойдет только на закупку одноразовых медицинских изделий и линий, их производящих, мы обязуемся отчитываться на своих страницах перед читателями обо всех финансовых операциях и закупках, освещать весь маршрут валютных пожертвований — от банковского сейфа до конкретного лечебного учреждения, уже в виде шприцев, капельниц и т. д.

Мы обещаем также, что эти одноразовые медицинские инструменты не осядут где-то на складах и не уплывут в больницы для высокопоставленных лиц.

Гарантом всего этого будет компетентный общественный совет распорядителей счета «АНТИСПИД», формируемый сейчас при журнале. Уже дали согласие работать в этом совете видный экономист, народный депутат СССР Гавриил Харитонович Попов, директор ВНИИ медтехники Борис Иванович Леонов, известный иммунолог, вице-президент АН СССР академик Рэм Викторович Петров, заместитель директора по внешнеэкономическим связям Всесоюзного гематологического научного центра Иван Куприянович Никитин, политический обозреватель Центрального телевидения Владимир Яковлевич Цветов, генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза», народный депутат СССР Святослав Николаевич Федоров, чемпион мира по шахматам Гарри Кимович Каспаров, главный редактор журнала «Огонек» Виталий Алексеевич Коротич, писательница Татьяна Никитична Толстая. Будут в совете и зарубежные представители. Уже дали согласие писатели В. Войнович, А. Гладилин, художник М. Шемякин.

Понимаем, что надвигающаяся эпидемия — это в первую очередь *наша* беда. Поэтому обращаемся ко всем советским гражданам, зарабатывающим валюту:

актерам, музыкантам, певцам, выезжающим на гастроли за рубеж,

«звездам», которые могут давать за рубежом благотворительные концерты,

писателям, поэтам, публицистам, ученым, чьи книги издаются за рубежом,

спортсменам,

художникам и скульпторам, чьи произведения продаются на валюту,—

просим часть заработанной валюты перечислять на счет «АНТИСПИД».

Обращаемся к совместным фирмам, к государственным предприятиям и кооперативам, занимающимся внешнеэкономической деятельностью,— часть валютной прибыли вы можете перечислять на счет «АНТИСПИД».

Но мы понимаем также, что только силами советских граждан нужную валютную сумму собрать невозможно. Да и живем мы не за непроницаемой стеной: эпидемия, которая накатит на нас завтра, может послезавтра откатиться обратной волной на другие страны.

Поэтому мы призываем на помощь все развитые страны мира. Мы обращаемся к благотворительным — религиозным и светским — организациям, к иностранным фирмам и предприятиям, к богатым людям, к соотечественникам, ныне проживающим за рубежом,— просим вас перечислять деньги на счет «АНТИСПИД». Обращаемся к фирмам, производящим одноразовое медицинское оборудование,— просим вас продавать нам это оборудование на дружественных условиях. Обращаемся к организациям, которые могли бы стать спонсорами благотворительных выставок-продаж и аукционов картин современных советских художников, спонсорами благотворительных концертов советских и зарубежных «звезд» в пользу счета «АНТИСПИД».

К сегодняшнему дню выразили желание внести пожертвования на счет «семь — пять нолей — пятнадцать» Д. Лихачев, Р. Щедрин, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Г. Каспаров, Д. Гранин, Р. Паулс, А. Рыбаков, Б. Окуджава, Т. Толстая, А. Синявский, В. Войнович, В. Спиваков, А. Сахаров, Б. Ельцин, А. Гладилин, Саша Соколов, А. Аганбегян, Л. Петрушевская, А. Шнитке.

ХРОНИКА СЧЕТА «АНТИСПИД»

СИЭТЛ (США). Руководитель **Центра советско-американского диалога** мадам Рамо Вернон поддерживает нашу акцию. Сотрудники Центра готовы пропагандировать в США счет «АНТИСПИД», обещают, что большая информация о нем появится в сентябрьском номере газеты, выпускаемой Центром.

МОСКВА. Кооператив «Конкорд» предлагает журналу «Огонек» из благотворительного рублевого фонда «Конкорда» выплачивать зарплату группе бизнесменов, которые должны будут вести «черную», организационную работу нашего фонда (анализировать предложения инофирм и совместных предприятий, оценивать реальность их обещаний и так далее), а также берется обеспечить фонд помещением в центре города, снабдить необходимой оргтехникой, оплачивать организационно-технические расходы.

Мы благодарны кооперативу «Конкорд».

Директор и художественный руководитель недавно созданной **студии «Интершоу»** Вячеслав Захаренко:

— *Мы подготовили сейчас свою*

первую программу «Шоу Только Девушки». В ней участвуют певицы Ирина Мальгина, Наталья Ступишина, Джемма Халит, группы «Папа доктор», «НИИ косметика», танцевальная группа «Союз» и другие. Программа представляет две очень интересные авангардные коллекции моделей одежды, которые уже с успехом демонстрировались в США: «модели Лорё» (художник-модельер Лариса Лазарева) и «модели «Азия» (художник-модельер Наталья Меглицкая). Нашей программой заинтересовались шведские импресарио, и сейчас подписан контракт о гастролях нашей программы по скандинавским странам. Когда мы узнали о счете «АНТИСПИД», все участники программы согласились: часть заработанной на гастролях валюты перечислим на него.

«ТЕЛЬ-АВИВ на проводе, говорите»,— сухая скороговорка телефонистки.

— Алло, алло! Я не представляла себе, что в Советском Союзе такое тяжелое положение со СПИДом,— взволнованный голос ***дочери Михоэлса Натальи Соломоновны.—*** *Я немедленно возьмусь за это дело! Здесь столько эмигрантов из СССР, у них друзья, родственники в Союзе... Во-первых, я свяжусь с израильским представителем Красного Креста, постараюсь организовать посылку крупной партии одноразового оборудования в адрес вашего фонда «АНТИСПИД». Так, что я еще могу сделать?.. Организую публикации о вашей акции в нашей русскоязычной прессе, в самых читаемых изданиях — газетах «Спутник», «Наша страна», журнале «Круг». Я теперь все время буду заниматься этой проблемой...*

ВАШИНГТОН. Секретарша **Ростроповича** сообщила, что Мстислав Леопольдович в феврале едет на гастроли в Советский Союз. Даст два концерта в Москве и два в Ленинграде. Весь гонорар за эти концерты, полученный, естественно, в валюте, он перечислит на счет «АНТИСПИД».

ТОКИО. В редакцию позвонил представитель японской посреднической фирмы «КЁХО ЦУСЁ» господин Сасэ:

— Японские фирмы намерены прислать вашему счету «АНТИСПИД» 60 тысяч одноразовых шприцев с иглами, бесплатно, как это по-русски,— в подарок. Но только перевезти из Токио этот груз — примерно 400 килограммов — должен ваш самолет. Если... мм... (тут господин Сасэ замялся) вам трудно организовать такую перевозку — я знаю, у вас это бывает трудно,— тогда мы сами перевезем, но уже не 60 тысяч, а только 30: нам придется оплатить рейс...

Журнал тут же связался с первым заместителем министра гражданской авиации СССР Борисом Егоровичем Панюковым и попросил бесплатно перевезти благотворительный груз. Надо отдать должное министерству: через день оттуда сообщили, что посылают телеграмму токийскому представителю Аэрофлота с командой бесплатно отправить груз. Опытный господин Сасэ несколько ошеломлен подобной оперативностью: к такому быстрому реагированию советской стороны он явно не привык.

Мы обратились также в Главное управление государственного таможенного контроля при Совмине СССР — к начальнику управления организации таможенного контроля О. А. Гурьянову с просьбой беспошлинно пропустить груз. Вопрос рассматривается.

Но вот куда везти шприцы? Понятно, что в детскую больницу, но в какую именно? Спросили у заместителя министра здравоохранения СССР «по детству» А. А. Баранова. Он рекомендовал Республиканскую детскую больницу в Москве: там лечатся дети со всего Союза, и больница эта очень большая — на тысячу коек.

Итак, «АНТИСПИД» начал работать.

Алла АЛОВА.

ПРОТОКОЛ

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

У кого из русских поэтов в XX веке была счастливая творческая судьба? Массовый успех и популярность еще в молодые годы? Правильно — Евтушенко, Вознесенский, Рождественский... Многотысячные дворцы спорта внимали им в шестидесятые. В семидесятые их авторские вечера украшали унылую телепрограмму. Именно им удавалось печатать в послушных, партикулярно серых журналах тех лет смелые по форме и проявленности гражданской позиции стихи и поэмы. А сегодня все они секретари СП СССР.

Но были ли всегда благополучными их отношения с тем же Союзом писателей, с другими структурами власти во времена застоя? Может ли поэт не вступать в серьезные противоречия — пусть даже не с реакционным, а только консервативным — режимом (хотя последнее определение в отношении брежневского правления представляется неуместным — слишком мягким и благостным)?

Факты, которые в последнее время становятся достоянием гласности, показывают, что не только не публиковавшиеся тогда Галич и Бродский, но и другие, намного более защищенные своей популярностью поэты не были гарантированы от произвола сановников. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию историю одной такой, не самой суровой «опалы» одного из самых известных наших поэтов.

«Расскажите историю написания вашего стихотворения «Вознесенский — агент ЦРУ»,— спросили меня недавно на вечере в зале «Октябрь».

Душа давно забыла эту историю. Но когда на днях секретариат СП единодушно ратовал за издание А. Солженицына, я вспомнил, как впервые был вызван на секретариат для проработки. Невозмутимые архивы хранят протоколы заседания секретариата Союза писателей 5 июля 1967 года. Сейчас их устрашающие формулировки кажутся смехотворными, но тогда от них ежились.

«СЛУШАЛИ: О письме поэта А. А. Вознесенского на имя редактора газеты «Правда»...

ПОСТАНОВИЛИ:

Секретариат не может согласиться с точкой зрения Вознесенского, дающей совершенно недопустимую и неверную оценку взаимоотношениям руководства СП СССР с писателями, якобы построенным на системе лжи и обмана... Секретариат резко порицает поведение А. Вознесенского... Би-би-си и другие зарубежные радиостанции изо дня в день передают изложение письма А. Вознесенского в редакцию «Правды», а равно его обращение в секретариат по письму Солженицына на имя IV Всесоюзного съезда писателей...

Секретариат обращает внимание руководства и всех сотрудников аппарата Иностранной комиссии на необходимость повышения бдительности...»

Один эпизод из жизни одного писателя. Но сегодня, когда яростно обсуждается, каким должен быть Союз писателей и каким не должен быть, что было в нем худого и что полезного, может быть, и этот давний эпизод поможет выяснению истины?

Повод для моего письма в «Правду» был внешне незначительным. Уже поутих рев собраний, прорабатывавших меня после крика Хрущева. Вышла книга «Антимиры»...

В это время обретал силу жанр правозащитных писем, подписанных интеллигенцией. На подписантов были гонения. Известно «Письмо 63» в защиту Синявского и Даниэля. Вступившихся за писателей не сажали, но жизнь им портили. В защиту Пастернака подобных писем не было: интеллигенция тогда еще не проснулась. Однако первым письмом в защиту Синявского и Даниэля, а может быть, и первой ласточкой подобных документов было «Письмо 18», подписанное В. Аксеновым, А. Гладилиным, Г. Владимовым, В. Войновичем и другими. Подробно об истории этого письма пишет А. Гладилин в своих мемуарах. Стояла под письмом и моя подпись. Конечно, невзгоды авторов этих писем несопоставимы с участью А. Гинзбурга, создавшего «Белую книгу» о процессе.

С А. Д. Синявским я не был тогда знаком, познакомился позже, уже после его отъезда. Большой радостью и поддержкой мне была его вместе с Меньшутиным статья в «Новом мире», посвященная моей первой книге — «Мозаика». За публикацию этого сборника сняли главного редактора владимирского издательства.

Так что чиновничьи компьютеры порядком поднакопили к этому времени на меня материала и ждали случая проучить за стихи, за высказывания в защиту Виктора Некрасова, за встречу с Керенским в Нью-Йорке, за то, что, открывая мой вечер в США, Роберт Лоуэлл сказал: «Наши оба правительства одинаково худы, но поэты должны соединять народы»,— да Бог их знает за что? Случай не заставил себя ждать.

А. Солженицын обратился к IV съезду писателей с письмом против цензуры, некоторые писатели, такие, как Г. Владимов и В. Конецкий, написали письма в поддержку письма Солженицына съезду. Послал свое письмо и я.

Местью чиновников из Союза писателей стал запрет на мою поездку в США, на выступление в Линкольн-центре по приглашению издателя и Р. Кеннеди. Вроде бы не страшная месть, но это произошло, когда вечер отменять было поздно, билеты были проданы. Я написал письмо-протест в «Правду». Понимал, что его не напечатают, но все же хотелось высказаться, хоть какой-то гласности хотелось. Конечно, дело было не в эпизоде с поездкой — и задушенный подушкой съезд, и судьбы моих товарищей, которым я читал письмо, и накопленное за годы — все сложилось в сумбур текста. И вот сегодня я вновь читаю архивный текст письма:

«...Почти неделя как я живу в обстановке шантажа, неразберихи, провокаций... 16 июня я получил официальное уведомление из Союза писателей, что моя поездка для выступления в Нью-Йорке 21 июня на Фестивале искусств (это был единственный вечер поэзии на фестивале, и этот вечер был предоставлен советскому поэту) нецелесообразна...

Но черт с ним, с вечером! Забудем, что почему-то сначала все были «за», а потом вдруг перерешили. Невыносимо, какой ложью и беспринципностью все это обставляется.

Я работаю, участвую в мероприятиях Союза, а оказывается, Союз писателей уже три дня как сообщает журналистам, что я тяжело болен. Им, в руководстве Союза, конечно, виднее, но почему меня хотя бы не известили об этом? Большего идиотизма не придумаешь. Это — издевательство над элементарным человеческим достоинством.

Я — советский писатель, я — живой человек, из мяса, а не марионетка, которую дергают за ниточку.

Почему из радиопередач я вдруг должен узнавать, что, оказывается, «Правительство СССР разрешило Вознесенскому поехать на Фестиваль. Решение о невыезде отменено. Визы выданы. И дело лишь в билете»?

В то же самое время из Союза мне говорят: «Поездка не состоится. Мы отвечаем, что вы больны». Получается, мне врут одно, всем — другое...

Дело не во мне, дело в судьбах советской литературы, в ее чести, в ее мировом престиже. До каких пор мы сами себя будем обливать помоями? До каких пор подобные методы будут продолжаться в Союзе писателей?

Видно, руководство Союза не считает писателей за людей. Подобная практика лжи, уверток, сталкивания лбами обычна. Так обращаются со многими моими товарищами. Письма к нам не доходят, порой на них за нас отвечают другие. Прямо хамящие хамелеоны какие-то! Кругом ложь, ложь, ложь, бесцеремонность и ложь.

Мне стыдно, что я состою в одном Союзе с такими людьми...»

Письмо пошло гулять по Москве самиздатом, впоследствии к нему приплюсовалась стенограмма речи высокопоставленного лица, которое заявило, что, если подобное повторится, «Вознесенского сотрем в порошок». Письмо перепечатали «Монд», «Нью-Йорк таймс» и другие газеты. Ален Гинсберг ходил во главе демонстрации к миссии ООН с плакатом: «Выпустите поэта на вечер».

И вот я вызван на заседание секретариата. Впервые я переступил порог могущественного ампирного кабинета.

«ПРИСУТСТВОВАЛИ: секретари правления Союза писателей СССР: тт. Г. М. Марков, Л. С. Соболев, К. В. Воронков, В. М. Кожевников, В. М. Озеров, Б. С. Рюриков, К. Н. Яшен, С. А. Баруздин, С. В. Сартаков, В. П. Тельпугов, секретарь парткома В. А. Сутырин, секретарь правления Московского отделения СП РСФСР В. Н. Ильин.

В обсуждении этого вопроса приняли участие все товарищи, присутствующие на заседании».

Вел мое дело оргсекретарь Воронков К. В. Говорят, он появился среди писателей во время эвакуации архива, да так и прижился. Холеный, пожалуй, даже красивый, стриженный под полубокс, он, несмотря на белые нейлоновые сорочки, казалось, был всегда одет в ежовскую гимнастерку. Властью обладал огромной, перед ним пресмыкались. Этого ему оказалось мало, он возомнил себя художником слова и даже сделал себя лауреатом премии Ленинского комсомола в области литературы. Газеты называли его крупным советским писателем.

«Как вы смели оскорбить нас?! Кого вы имели в виду под руководством Союза, кто это из нас не считает писателей за людей?! Может быть, меня вы имели в виду?!»— картинным жестом вопрошал Воронков.

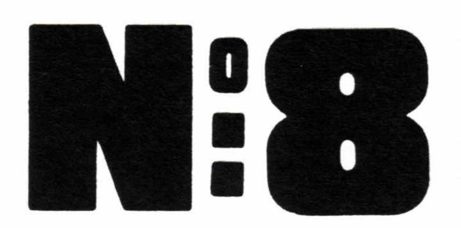
«Да, вас»,— признался я.

«Крупный писатель» оторопел. Было душно, белая рубашка его прилипла темными пятнами, будто и правда под ней просвечивала поддетая гимнастерка. В сердцах он выскочил из кабинета.

До конца своей власти Воронков оставался моим мстительным врагом.

Приняли постановление:

«Секретариат осуждает недружелюбный, нетоварищеский, построен-

Андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ный на предвзятости подход А. Вознесенского к деятельности Союза писателей в области международных писательских связей, а также ни на чем не основанный оскорбительный тон письма по адресу Союза писателей и его правления. Секретариат резко порицает поведение А. Вознесенского.

Отметить, что решение секретариата о нецелесообразности поездки А. Вознесенского в США было правильным».

Часть секретарей упивалась проработкой, унижала. Другие выступавшие чувствовали себя неловко, говорили через силу. Главным образом осуждали, как записано в протоколе, «способ выражения своих претензий путем рассылки письма сразу во многих копиях и затем недопустимо небрежное отношение к документам столь острого политического значения, в результате чего эти документы становятся известными враждебной буржуазной пропаганде». Сдержаннее всех говорил Б. С. Рюриков, тогдашний редактор «Иностранной литературы». Позднее, когда прессинг достиг апогея, он заказал мне статью о переводах Пастернака и напечатал в январском номере. В статье этой я целиком процитировал стихотворение из «Доктора Живаго» «Гамлет», запрещенное тогда. Думаю, что Рюриков это заметил, но сделал вид, что не понял. Так «Гамлет» был впервые напечатан в советской прессе.

Казалось бы, Союз писателей предназначен для защиты писательских прав, но тогдашнее руководство лишь раболепно исполняло указания и даже принуждало власть к ужесточению. Так, например, на собрании, казнившем Пастернака, трое членов СП произнесли «господин Пастернак», требуя выдворить поэта вон из страны.

Н. С. Хрущев, крикнув: «Господин Вознесенский, вон из страны!» — лишь машинально повторил стереотип ревностных исполнителей. Конечно, беды мои несравнимы с тем, что перенесли Ю. Даниэль, Л. Копелев или Н. Коржавин.

Удавалось ли общественности изменить участь осужденных? Е. Г. Эткинд в своей книге о процессе И. Бродского описывает вмешательство многих знаменитых и безвестных писателей, в числе прочих он называет и мое имя. Заступались тогда многие, но решающим было подвижничество Ф. Вигдоровой, К. Чуковского и С. Маршака, им и удалось вызволить поэта раньше срока. В других случаях, как, например, в освобождении Н. Ахметова, мое вмешательство оказалось более результативным. Я познакомился с тем, кому пытался помочь, уже в Роттердаме, на Фестивале поэзии. А как радостно было позвонить Вацлаву Гавелу в Прагу, когда он был освобожден, услышать его живой голос! Если мне, казалось, было трудно, то как же пришлось тем, по кому били прямой наводкой? Черные беды меня миновали. Серые беды не сломали судьбы, но искривили ее.

Ну, а вечер мой в Линкольн-центре состоялся без меня. Звучали записи моих стихов. Поэт Стэнли Кюниц произнес речь протеста.

Прессинг нарастал. Я написал стихотворение «Стыд» и прочитал его со сцены на 200-м спектакле «Антимиры»

Нам, как аппендицит,
Поудалили стыд...

Тогда «Литературная газета» 6 сентября 1967 года по велению сверху напечатала в черной рамке материал одновременно против моего письма в «Правду» и стихотворения «Стыд».

«...буржуазная пропаганда использовала его для очередных антисоветских клеветнических выпадов. А. Вознесенский имел полную возможность ответить на выпады буржуазной пропаганды. Он этого не сделал...» — это было от редакции. А следом аноним, прикрывшийся инициалами, стращал:

«Отчет о вашем выступлении и ваша фотография были помещены в газете «Нью-Йорк таймс»... Глаза ЦРУ будут гипнотизировать вас, будут показывать вас по телевидению, будут мягко стелить вам постель, предоставлять в ваше распоряжение красивейших женщин... Америка сильна в подкупах, коррупции... цепкие руки...» Ключевой фразой было: «ЦРУ обожает вас!» Последняя фраза этой заметки нашла в моем письме «душок Светланы». Имелась в виду С. Аллилуева, которая накануне стала невозвращенкой.

Такое печатное обвинение восходило к лучшим традициям сталинских времен. Публикация застала меня в Новосибирске. Меня сразу выселили из гостиницы. Вернувшись, я увидел свои пожитки выброшенными в вестибюль. «Сказали, что вы — шпиён»,— шепнула мне горничная.

Местные власти на активе объявили, что я скрываюсь, что я просил американского подданства, но меня будто бы поймали. Словом, врали кто во что горазд. Спасибо жителям Академгородка, которые приютили меня.

Надо сказать, что у наших умельцев имелись двойники и на Западе. В 1966 году я выступал в Оксфорде. Читал новые стихи. Некий издатель по имени Флегон поставил на сцену магнитофон и записал мои неопубликованные вещи. Накануне я отказался подписать с ним договор. К тому времени у моих книг были солидные издатели: «Оксфорд-пресс», «Гроув-пресс», «Дабл дэй». Я подошел к магнитофону, вынул кассету с записью моего вечера и положил в карман. Тот взревел, кинулся на сцену, но было поздно. Вечером профессор Оболенский, автор «Антологии русской поэзии», пригласил меня домой ужинать. Был Макс Хэйворд, глубочайший знаток и переводчик русской литературы. Во время ужина меня вызвал статный полицейский офицер. «Мы получили заявление о том, что вы обвиняетесь в похищении частного имущества — кассеты».

«Да, но похищено мое имущество — мой голос, он на кассете».

«Что же будем делать?»

«Давайте сотрем мой голос, а кассету вернем владельцу».

Офицер Ее Величества согласился. В присутствии профессора Оболенского запись моего вечера стерли. Кассету вернули. Кстати, я подумал: а как бы вел себя советский милиционер в подобной ситуации?

Флегон был в ярости. Он подал в суд. Мало того, он в качестве мести осуществил пиратское издание моей книги, назвав ее «Мой любовный дневник», предисловию к которой позавидовали бы Кочетов и Шевцов, обвинявшие меня в антисоветизме.

Издательство «Флегон-пресс» имело темное происхождение. Оно специализировалось на компромате наших писателей: на Солженицына, Окуджаву, издавало именно на русском, и эти книги ложились на столы наших властей, вызывая громы и молнии. Флегон работал на наших сторонников зажима.

В стихах я назвал моего преследователя «Флег...но», учитывая уровень адресата. Макс Хэйворд с тех пор говорил о нем только так.

Потерпев фиаско с вызовом меня в английский суд, Флегон издал эту книгу-месть. Предисловие как бы приглашало советские власти заняться поэтом. Конечно, о том, что мы враги и что он подавал на меня в суд, речи в предисловии не было. От комплиментов его разило липой.

Вот несколько цитат: «Андрей Вознесенский — символ борьбы против коммунистического строя... В настоящее время, то есть в 1966 году, Андрей Вознесенский — самый популярный советский поэт. Его популярность объясняется двумя причинами: Андрей Вознесенский — первый советский поэт, который после сталинских чисток 37-го года умудряется не только писать такие стихи, но и печатать их в советской прессе. Написанные любым другим поэтом такие стихи были бы беспощадно вырезаны цензурой. Вознесенский умеет протаскивать их через цензуру, прикрывая свои ясные стихи неясным смыслом всей поэзии, то есть просто дезориентируя цензоров (да и не только цензоров).

Каждая его поэма — это или удар по режиму, или чаевые для того, чтобы власти прикрыли свои глаза. Поэма «Последняя электричка» посвящена советским проституткам. Официально в СССР нет больше воров и проституток. Малаховка соответствует лондонскому Сохо, где собираются жулики, воры и проститутки всей страны. Вознесенского ругали, критиковали, брали на поруки и т. д. и т. п. Советский гражданин — это заяц, которого травят партия и КГБ... («Травля! Травля! Мы травим зайца. Только, может, травим себя?») Так как некоторые стихотворения практически не имеют содержания, идеологические критики утверждают, что у Вознесенского нет сердца. Расшифровка поэмы «Оза» не очень сложна. Члены идеологической комиссии ЦК — это стандартные, одинаковые создания, у которых вместо головы находится нижняя часть тела. К 50-летию Октябрьской революции Андрей Вознесенский преподносит свой скромный вклад...»

Извините, читатель, за нудность цитаты, но именно эта книга буквально в таком начертании легла на стол властей к юбилею 1967 года. Враги поэзии работали синхронно. И это отнюдь не облегчило моего положения. Парторг ЦК при Союзе писателей СССР потрясал перед моим носом текстом моего письма, отпечатанного «самым антисоветским издательством — НТС».

Это все приплюсовалось к обвинению, что меня «обожает ЦРУ».

Тогда я и написал стихи под названием «Я обвиняюсь». Я редко пишу публицистику, это дневниковые стихи, они отражают обстановку, в которой я жил в те дни.

Вознесенский, агент ЦРУ,
притаившийся тихою сапой.
Я преступную связь признаю
с Тухачевским, агентом гестапо.

Подхватив эстафету времен,
я на явку ходил к Мейерхольду,
вел меня по сибирскому холоду
Заболоцкий, японский шпион.

И сто тысяч агентов моих,
раскупив «Ахиллесово сердце»,
завербованы в единоверцы.
Есть конструктор ракет
среди них...

И от их недостойных систем
ко мне тянутся страшные нити.
Признаю, гражданин обвинитель,
ну, а ваша преемственность —
с кем?

Такова история одного стихотворения. Опубликовать его удалось лишь недавно, в книге «Ров», внутри статьи. Хотелось бы, чтобы никогда никому из поэтов не пришлось бы снова писать таких стихов, чтоб восьмерка не превратилась в знак бесконечности.

В. П. Некрасов и А. А. Вознесенский. 1965.

В одну из бурных ночей 1918 года в квартире Горького раздался тревожный телефонный звонок. Звонил какой-то матрос и настоятельно требовал, чтобы к телефону позвали самого Горького. На вопрос Алексея Максимовича, для какой надобности и кому он вдруг понадобился именно сейчас, среди глубокой ночи, матрос ответил:

— Нам тут справочка нужна. Мы сейчас в одном доме на Троицкой обыск делаем, так попали в комнату — ничего понять не можем: с потолка чегонашки разные свешиваются, картонные, а то шерстяные, на стенках — ведьмаки да лешие, письмена в закорючках, может, научные, не разберешь. И хозяин сам не то колдун, не то домовой, а говорит — я, дескать, писатель. Застали его — он из раскрашенных бумажек бесенят клеит...

— Постойте,— сказал Горький.— А как его фамилия? Ремизов?

Матрос обрадовался:

— Значит, он вам и правда знаком? А мы не поверили, что вы его знаете. Неужто он писатель?

— Да, писатель,— ответил Горький,— притом писатель известный, выдающийся. Так что, уж пожалуйста, оставьте его в покое.

— А с чертями что делать?

— И чертей оставьте в неприкосновенности.

— Всех?

— Всех.

Алексей Михайлович Ремизов действительно уже был в то время известным и выдающимся писателем, хотя большая часть им написанного приходится на последующие годы. Родился он в Москве в 1877 году, умер в 1957-м, в Париже. До своего отъезда из России в эмиграцию (уехал он в 1921 году) он издал 37 книг. С 1921 года по 1957-й — 45 книг.

По всей своей человеческой и художественной природе Ремизов был до такой степени русский человек, так глубоко уходило его творчество своими корнями в родную, русскую почву, что когда разнесся слух, будто он уехал за границу, никто этому не поверил. Ждали, что вот-вот все разъяснится, слух окажется ложным, и Ремизов объявится так же внезапно, как исчез. (Он и раньше вдруг уезжал в какую-нибудь тмутаракань, а потом так же вдруг возвращался.) Зощенко тогда сказал, что бегство такого человека, как Ремизов, в чужие страны было бы так же противоестественно, как переселение рыбы на жительство в горы. Но прошло время, и слух подтвердился.

О причинах, побудивших Ремизова покинуть родину, можно говорить долго. Но коечто (не все, конечно) объясняют такие его слова, процитированные недавно в «Иностранной литературе» (№ 2, 1989) Андреем Синявским:

«Дом — Россия.

Эта несчастная политика все перекрутила и перепутала. И ведь было такое время — теперь оно, кажется, проходит! — когда здешние (то есть эмигранты.— Б. С.) про нас, оставшихся в стране — в России, говорили: «Продались большевикам!» — и это я читал собственными глазами, а у нас, бывало, чуть что, и «продался международному капиталу!».

Какое надо иметь злое воображение и какие пустяки хранить в душе».

В творчестве Ремизова легко прослеживаются кровные узы, связывающие его с Гоголем, Достоевским, Лесковым. Есть и прямые переклички, часто полемические. Вот, скажем, в рассказе, который вы сейчас прочтете: «Русь белокрылая, куда ты летишь, исплакана, измученная, и тоскою сердце рвешь?» Тут прямая перекличка с гоголевской птицей-тройкой, но уже без гоголевских надежд, без гоголевской патетики, без гоголевского оптимизма.

В заключение надо сказать несколько слов о тех бесенятах, чертях, ведьмах и леших, а также о письменах и закорючках, которые так смутили матросов, приходивших в 1918 году к Ремизову с обыском.

Была в его жизни страсть, которая по силе самоотдачи, по самозабвенности погружения в эту странную игру, быть может, не уступала его любви к слову, к литературе. Он был выдающимся каллиграфом и графиком, создателем замысловатых грамот, представляющих собою причудливую вязь из слов, бесовских знаков, изображений всяких уродцев и разных загадочных надписей глаголицей.

Любовь его к этому странному занятию напоминала столь же загадочную и столь же глубокую страсть к каллиграфии князя Мышкина, которую так проникновенно описал Достоевский.

Было это у Ремизова не просто чудачество, а скорее всего желание найти для себя какой-то укромный уголок, куда можно было бы уйти, спрятаться от ужаса бытия, от пугающих мыслей о тщете человеческого существования, тех самых мыслей, которыми пронизан публикуемый нами рассказ. Он был напечатан в 1921 году в сборнике рассказов А. Ремизова «Шумы города», изданном в Эстонии. В Советском Союзе публикуется впервые.

ЖИЗНЬ НЕСМЕРТЕЛЬНАЯ

Алексей РЕМИЗОВ

РАССКАЗ

I

У каждого человека своя судьба. И всякому вот эта самая судьба велит надеть рясу или форменный сюртук, хочешь или не хочешь. А не покорится который, погибнуть ему и стоять у голодаевского кабака с ручкой.

Так уж положено, и все так идут.

Все-то все, да не Иона Петрович.

Иона Петрович Боголепов человек особенный, и судьба его особенная, он не в счет.

Был Иона достопримечательностью нашего города.

А город, вы знаете, какой у нас? Целый день по улице никто и не пройдет. Изредка барбос полкановский пробежит — и окошки отворят посмотреть на него. И только вечером, часов в девять, чиновники направляются кто в клуб, кто в трактир. Да поутру в ранний час кухарки бегут на базар.

Летом жара да духота, не приведи Господи. Выйдешь на улицу, так тебя и ошалоумит: глаза вылезут, пот градом, пыль столбом, терпеть невозможно. А если в полуденный час заглянешь в окошко к столяру Бабухину, сидит столяр у окошка, ворот расстегнут, на голове мокрая тряпка, и сам икает. Господи Боже, сил нет!

Так никто и не выходит, один выходит Иона.

Ему все ничего. Во всякое время и по всяким делам, во всяком направлении, куда угодно. Такой уж бойкий он да юркой, настойчивый,— бесхвостый.

Не велика птичка, с лица черен и даже черномаз, бородка клочьями, на лбу волосы прилипли, водкой на семь шагов разит. А пальто со следовательского плеча широко, и рукава длинны. Карманы набиты каменным да бронзовым веком — в разговоре вынимает то одну, то другую вещь и на ладонь себе: гляди и поучайся! А из боковых карманов торчат книжки, рукописи, столбцы,— у него все есть.

Покровитель его, председатель архивной комиссии Сахновский, говаривал:

— Никогда у тебя, Иона, ни гроша нет, а знающий человек может тебя ограбить тысячи на три. Столько в тебе достопримечательности.

А доморощенный историк наш Миловзоров после перепою лепетал жалостно:

— Иошечка, ангел, спуль какую рукопись, опохмелимся!

Велики были клады Ионины, а проворство рук его изумительно. Он мог на глазах владельца изъять документ или даже небольшую книгу. И почетный попечитель, губернатор Корноуховский, не успел ахнуть, как в его присутствии, у него на глазах, в казенном архиве Иона стащил автограф Благословенного Императора. Выразив Ионе благодарность за его деятельность, губернатор, обратившись к старшему архивариусу, сказал недвусмысленно:

— Он человек полезный, но все-таки лучше его сюда не пускайте.

Знакомство мое с Ионой началось на толкучке у навеса старика Ларионыча. При первом же нашем разговоре поразил меня Иона Петрович свойствами не человеческими, а исключительно принадлежащими единому всемогущему Господу Богу.

Во-первых, вездесущием: по его рассказам нередко выходило как-то так, что одновременно был он и в Нижнем, и в Ярославле, и в нашем богоспасаемом городе.

Во-вторых, всезнанием: какую бы вещь ему ни показывали, хотя бы самую новую, хотя бы винт от паровика, Иона не терялся и, принимая вид, человеку не подобный, толковал безо всякого:

— Этот винт от такой-то части, сделан в таком-то году.

— Вот так кум, исполать! — ввертывал свиток Ионин Миловзоров.— Ты все знаешь.

Знал Иона действительно все, даже и то, чего совершенно никто не знал.

Так, живя около церкви Стефана Сурожского, объявил он в газетах, что на огороде его дома, как раз против окна его спальни, находится место, где

великого князя Василия II-го Васильевича задавил медведь.

— Да, на этом самом месте медведь подавил великого князя! — частенько повторял Иона, подымая палец кверху.

Бог его знает, на этом или где еще, по крайней мере летописи в одном сходятся, что жил великий князь Василий II не в нашем городе, а в Костроме, где и принял лютую смерть от медведя.

Но и такая справка нисколько не смущала Иону: он уверял, что великий князь приезжал нарочно охотиться к нам.

— Знал, шельма, куда заехать,— подмигивал куму историк Миловзоров,— лучше здешней рябиновки не найдешь.

Все знал Иона и не только о прошлом и самом деберьном, а и грядущее не было от него скрыто.

В людях шла молва, будто свиток — столбец такой — отыскал Иона длины непомерной, обвился весь, как плащаницей, и носит на себе, двадцать лет читает, дочитать не может, а написано в том свитке, как нашему русскому царству быть.

— И всей подлунной.

Ну, ручаться не могу, не видал, впрочем, раз, засидевшись в Пассаже, трактир у нас такой громкий, был я свидетелем, как Иона, нагрузившись, хвастал каким-то столбцом необыкновенным и при этом похлопывал и поглаживал себя.

II

Жизнь Ионы, хотя и необыкновенного человека, началась обыкновенным человеческим рождением в белом церковном доме, выходившем на огороды.

Окно было раскрыто, и крик протопопицы был слышен далеко, даже на бульваре. И опытные старожилы, вставая со скамеек и оглядываясь назад, говорили:

— Никак протопопица опять родит. Никак это седьмой будет?

— Пятый,— возражал осведомленный в делах семейных.

— Верно, пятый,— соглашались догадчики,— надо быть, мальчик.

— Бесхвостый будет,— отозвался шедший мимо пономарь Друшлак.

Первые дни Иона был здоровый и тихий мальчик. Ничем он не беспокоил, только очень прожорлив. И эта прожорливость с ростом развилась в нем до невозможности, и воровство сделалось его непременным делом. А чтобы не вводить в изъян родителя, стал он воровать у других.

Бит бывал нередко и жестоко. Но с летами исхитрился и достиг в этом деле замечательного проворства рук.

Мне помнится, он первый и произнес слово, теперь законнейшее, а тогда, как пугало: экспроприация. Раньше я что-то ни от кого не слыхивал.

Вообще же всякое хищение Иона отрицал.

— Воруют только от сытости,— говорил Иона,— и таких так мало, что, пожалуй, и не найдешь. А с голоду да взять то, что никому не нужно, это не воровство. А если кто привяжется: отдай назад! — ну, чорт с тобой, бери, мне не жалко, только докажи, твое ли. А не умеешь доказать, пиши пропало. Этак, брат, всякий к чужой вещи примажется. А ведь я ее открыл, она — res nullius*.

— Res nullius! — смачно выговаривал Иона.

Придя в возраст, поступил он, стараниями скорбного протопопа, в семинарию.

А в семинарии достиг Иона совершенства и успеха не столько в науках, которыми мало занимался, сколько в делах грабежных, или, по-принятому, в операциях финансовых, ухитряясь перепродавать вещи на глазах у собственника. Оборотливость и ловкость его были так неуловимы, что однажды какому-то маменькину сынку продал он собственный его ременный кушак и получил деньги сполна.

А тот долго удивлялся, что есть на свете две вещи настолько похожие, что даже тут царапинка и та повторяется, ну все как две капли воды.

Потом, разумеется, обман открылся, но Иона успел уже пропить полученные деньги. И объяснил, что дураков даже в алтаре бьют.

— Если бы у тебя ум в голове был, так ты бы сундук лучше запирал да чаще сам в него поглядывал. Голова бы не свалилась.

Наука давалась Ионе легко,— и памятлив, и горазд. Но за неудобоносимость и бесповедение он был исключен, не достигнув пятого класса, с отметкой:

«Не годится даже в псаломщики».

Представив отцу этот свой успешный аттестат, Иона беззастенчиво уверял протопопа, что, правда, не годится в псаломщики.

— Потому что гожусь в архиереи.

Скорбно тряс бородой протопоп.

А и в самом деле, по такому уму и извороту бесхвостому чем он не архиерей?

— Кормить я тебя, мерзавец, даром не буду,— сказал, наконец, протопоп,— да и опозоришь ты мою седую голову. Завтра иду к предводителю Фантикову, он тебе даст место — хоть нужники чистить.

И через три дня определилось будущее направление будущей нашей достопримечательности: Иона вступил под тесные своды Дворянского благородного собрания.

За лестницей помещалась канцелярия.

Сам предводитель привел его туда, сопровождаемый протопопом.

— Служи, учись, через месяц получишь жалованье,— сказал предводитель и, обращаясь к делопроизводителю, прибавил,— а ты, Митряй, гляди за ним в оба: парень-то больно остер.

— Слушаюсь, батюшка ваше превосходительство, не извольте беспокоиться.

— Филофей Мироныч,— взмолился протопоп,— будьте отцом родным, бейте его в мою голову. Может, что и выйдет.

— Не беспокойтесь, батюшка, отшлифуем-с,— отвечал старик, заматерелый в делах наученных, вошь канцелярская.

Так началась Ионина служба — корень его всеизвестности.

III

Первые же недели Иониной службы ознаменовались таким беззастенчивым шантажем и взяточничеством, что слава престарелого и опытного Мироныча померкла безвозвратно и навсегда.

И Иона не только не полетел с места, напротив, так укрепился, словно бы век служил, все от него пошло, и без него ничего не могло быть.

С первых же дней служебных он обнаружил прямо сверхъестественную деловитость и быстроту в исполнении.

Скажет, бывало, предводитель:

— Дай-ка мне, братец, того,— и погребет рукою в воздухе.

А и не прошла минута, Иона подаст нужное дело.

Все это, конечно, и другим в науку, и делу польза, и одного только можно было опасаться, что при таком направлении дел предводитель утратит дар слова, столь необходимый ему для застольного спича раз в три года.

Рядом со сводчатой канцелярией в кирпичной палатке помещался Дворянский архив. А правее в пустых комнатах для депутатов были сложены старые книги, рукописи и старинные вещи, занимавшие три комнаты.

А возникли эти вещи, и в таком количестве невместимом, по обстоятельствам, никем не предвиденным и угрожающим.

Был в нашем городе губернатор Гудзевич. В один из отпусков он встретился на курорте с знаменитым в России археологом Рязановским. И в разговоре, когда с легкостью своей покровительственной высказался он об археологии, повторяя затасканный отзыв людей непытливых и успокоенных в своем невежестве, знаменитый старик швырнул ему:

«Не одни, дескать, чудаки занимаются археологией, но и весьма высокопоставленные особы!» — и назвал несколько громких и титулованных имен.

Губернатор не поверить не мог, но и не придал особого веса, а вскоре и совсем забыл. Вернулся домой, а тут ждет его бумага от министра — срочный запрос: какие имеются древности в его губернии, какого качества и какого времени?

Струхнул губернатор, вспомнил курортные разговоры — знаменитую ископаемость в лисичьей шубе, да поздно. Что говорить: ни он, ни чиновники ничего о древностях не знают. Поехал с поклоном к архиерею.

Слава Богу, что архиерей попался любитель-старинщик,— выручил.

И сейчас же ответ в Петербург дали, да еще и с указанием, что и музей устраивается.

Полиция навезла всякого старья: брали и то, что нужно, и такое, что печку топить. А свалили все в Дворянском доме.

Да тем дело и кончилось, как полагается, т. е. кончилось до поры до времени, пока не явился Иона.

Рыща в Дворянском доме, как в собственном, во всех делах голова и верховод, однажды, разглядывая древности и перебирая казенную рухлядь, нет ли тут чего ценного, решил Иона восприять нетрудное и приятное бремя археологии.

А к тому же и господа дворяне стали себе требовать самые древние родословия. А выводить родословия, да еще древние, без археологии дело совсем немыслимое.

И навострился же тут Ионушка.

И, бывало, в Пассаже, сидя в угловой излюбленной комнате, как, бывало, расхвастается Иона.

— Уж так просил меня Перебрюхов родословную ему составить,— хвастал Иона,— вот я его и вывел от Руслана и Людмилы прямехонько, как ниточку. И все на основании документов. А документы все подлинные — сам писал.

Звенят серебряные рубли, стучат стаканы, льется пиво, гремит машина.

— Я,— говорит Иона,— за деньги могу кого хочешь от кого хочешь произвести. Я могу кого угодно с кем угодно совокупить. Королеву Матильду с Фридрихом II!

За пивом под машину развертывались перед глазами Ионы самые невообразимые сочетания,— воображение его, разогретое пивом и музыкой, выводило породы человеческие ни на что не похожие.

Неисчерпаемы творения Божии, и все, что было во власти ума человеческого, Иона исхитрялся осуществлять к гордости знатных или выскочивших в знать, и само собой за большую халтуру.

Потом уж, с годами, когда творческое воображение его иссякнет, да и прибыли от этого воображения не будет, пиво и машина — трактир любимый — настроят Иону на другой лад: не видами породы человеческой, измышленными умом его и закрепленными подлинно с приложением печатей и подписей, будет он хвастать всесветными связями своими с сильными мира, а особенно знакомством с царем.

IV

За нетрудной и приятной наукой и в погоне за деньгами прошла молодость Ионы.

Женился он рано ради приданого: взял домишко и три тысячи денег, о чем сам же во всеуслышание объявил в Пассаже, подробно описывая до послед-

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

* Res nullius *(лат.)* — вещь, никому не принадлежащая, бесхозная вещь.

ней отвратительной обнаженности мелочи семейные.

Семейная жизнь возбудила в нем при постоянном пьянстве ничем не охлаждаемую страсть. Все женщины ему нравились, кроме его законной жены. Лез и ластился он со свойственной только ему наглостью. Бесхвостый, бегал он за генеральшами, за горничными, за портнихами, но особенно заманивали его татарки: скромная стыдливость гаремных узниц распаляла его любострастие.

И однажды он купил у одного бедного татарина жену. Конечно, и тут без оборота не обошлось. Продержав при себе месяц открыто собственной наложницей, он с большим барышом перепродал ее в публичный дом, чего татарин совсем не ожидал.

Звезда Ионы высоко стояла, и татарин не посмел пикнуть.

С богатой купчихой Маркеловой Иона состоял в выгодной связи довольно долго, пока не промотал всего ее состояния.

— Довольно, будет, потешился! — сказал Иона обычную заключительную приговорку свою и перестал даже кланяться с обнищавшей возлюбленной.

Для своей переменчивой страсти он был готов на все, но и для денег — для звенящих рублей серебряных — не очень стеснялся. А рубли ему нужны были не только для легкости жизни, а еще на рассвечение жизни. А этот свет прожигающий давал ему разгул.

В пьяном виде Иона изливал свою всемогущую душу, рассказывая похождения свои, как былые, так и небывалые. В пьяном виде за рассказами вскакивал он, бил себя в грудь, и плакал, и кричал истошным голосом.

Это страсть кричала в нем истошно, ничем не охлаждаемая, сила кричала гороскатная, пущенная по мелочам, корень силы его, прущей и выбивающей из-под нахлобука.

Эй, Русь-матушка, придавленная!

Разгул и попойка, рассвечая Ионину жизнь — открывая душе просторы, а телу размах, сулили недоброе и в самую звезду его.

Большое впечатление, очень невыгодное для дальнейшей судьбы служебной, произвело приключение его нетрезвое на областном археологическом съезде.

В первый день съезда после открытия Иона должен был читать свой удивительный доклад о куричьих богах. Очередь его была первая, потому что и находка его была первая — необычайная: в самом деле, кто это слышал про богов, и не греческих, не римских и не наших незнаемых, а куричьих!

После речи архиерея и губернатора, когда наступило время куричьему докладу, хватились, а Ионы нет, пропал. Туда-сюда, вся полиция поставлена была на ноги, и немало бились, пока отыскали. А когда отыскали, был он так мокр, что никак его нельзя было вести, сам же он упорно порывался идти, но обязательно, чтобы на четвереньках, как бог некий куричий.

Три ведра холодной воды произвели свое действие, и не на четвереньках, а по-человечески, ровно бы человеком Ионой, появился Иона перед многочисленным почтенным собранием.

Обведя присутствующих бессмысленным взглядом, Иона развернул тетрадь, и тишина наступила действительно самая подобающая,— нетерпение послушать завладело всем собранием от первого до последнего.

— Ваши Превосходительства и Милостивые Государи!

Черненькие глазки тускло засветились на пьяном солонинном лице, Иона захлопнул тетрадь и, обсосав себе губы, обложил всю публику таким большим туром честнейшей матери — всего сущего прародительницы, что на минуту словно бы темное облако застлало белый свет.

Отчетливо и крепко произнеся убийственные слова, он, как сноп, повалился на пол и безмятежно заснул — так его, бесхвостого, при общем переполохе и выволокли из зала.

Да, доброго мало чего сулило Ионе забыдущее горькое пойло — сладкая водка, окрыляющая ум его и душу.

А кто знал больше Ионы нецензурных песен, охальных частушек и похабных сказок? Он был неистощим, живописуя до полной наглядности и осязаемости вещи и деяния неуловимые, и каким кряжистым словом!

— То, что французы называют галантно,— приговаривал Иона, совсем забывая, что французы на своем языке не знают анекдотов о русских пономарях и будочниках.

Сам он никогда не записывал, да и немыслимо было, какая уж тут запись в пару под гром машины, а из нас, приятелей его, никто не удосужился.

Эй, матушка-Русь, пропащая!

V

Вечер. Легкий сумрак, густея, сползает на землю.

Со всех сторон — с соборной, с монастырской, с речной и горной чиновники из присутствий, учителя, постарше и помладше, и всякого рода юность спешит на Козью к единственным Колоннам — цветнику притонному, неотразимому на вкус неискушенного гимназиста и невзыскательного писца.

Раскрытые настежь двери, ярко освещенные окна, музыка, топ и звонкие женские голоса смутят и повлекут к себе и самого-рассамого всосавшегося в нашу скуку расчетливого чорта.

И если Пассаж — место похвальбы всемогуществом, всесветностью и неистощимой похабщины, Колонны — ученая кафедра. Но и в трактире, и в Колоннах один заключительный голос — плач, там под машину, тут под скрипку с роялью, и истошный крик.

В левом красном угловом зале, за круглым столом, залитым пивом, сидел Иона с судебным кандидатом, лысеющим и отекшим совсем не по чину.

Кандидат давно охмелел и мутными, остановившимся глазами вел, несчастный, из последних сил неравную борьбу с наскакивающей пьяной дремой.

Иона, грузно облокотившись на стол, горел в пьяном раже — черные волосы его прилипли ко лбу, глаза сверкали желтыми огоньками, по мокрой бороде текла слюна.

Весна — и у нас есть весна! — зацветала белая белой черемухой, а из соседнего зала — и зачем это такая музыка душу мутила?

— Николай Митрич, а Николай Митрич, слышишь ты?

Но кандидат отозвался единственным еще сохранившимся в его запасе звуком, не то присвистом, не то мыком, не поймешь.

— Слышишь, не одни меня только любили Казимировны да Брониславы б..., настоящая барышня любила, Александра Павловна Леднева! Слышишь!

Кандидат свистнул, как в форточку ветер, и блаженно затих.

— Познакомились мы с ней в лавке у Мыльникова Павла Васильевича, этот, знаешь, еще за полтинник мне тысячный крест продал: уверил дурака, что медный! Познакомились совсем случайно. Стали встречаться: то на бульваре, то на набережной, то на лестницах, так вот ясно я вижу — в коричневом платьице, в черном фартуке, быстрые глазки, а засмеется, острые зубки показывает. Очень мне это нравилось, и я все, бывало, смешу. А потом сурьезней разговоры пошли. Увидала, что знаю я столько — вся губерния не знает, спрашивает о том, о сем, все ей рассказываю. Слушает внимательно. Грустная стала. Русую косу теребит. Задумываться стала. Да вдруг и говорит: «Вы бы, Иона Петрович, поменьше пили, нездорово это». «Ну, говорю, кому вред, а мне все в пользу». Ничего тогда не ответила. А потом просит о жене рассказать, про детей. Раз от разу все ласковей да участливей. И совсем не смеется. Както пришла в канцелярию, села против, сама ни слова. Я и говорю ей, чтобы сказать что-нибудь: «Я, мол, уехать хочу по сбору древностей для комиссии». «Надолго ли?» — испугалась. «Да месяца, говорю, на три, на четыре». И вижу, бледная вся. А потом поднялась и прямо ко мне. «Знаете,— и голос ее дрогнул,— Онечка, знаете, милый, люблю я тебя!» И упала мне на шею. Я, понимаешь ли, Митрич, я, ей-Богу, в первый раз в жизни растерялся.

— Когда бить начали, нехорошо! — не открывая глаз, раздельно по-человечески отозвался кандидат.

— Это ты про что? — Иона замотал головой и еще крепче загруз над столом.— Прильнула ко мне ее нежная шейка, и как увидал я белую душку, все замутилось, облапил я ее и в архив. А она как барашек. Вдруг на дороге Кудимыч, вахтер. Мерзавец! Плюнул я: «К чорту!» А он усы рыжие расправил.

— Нехорошо, нехорошо,— не то сопел, не то одобрял приятель, но как-то уж очень равнодушно.

— Повадилась девчонка каждый Божий день. Вместо гимназии — так с сумочкой и ходит. А класс последний — выпускной. Признаться, и меня закрутило. Положит она ручки свои на голову мне и все волосы приглаживает. В глаза смотрит ласково: «Онечка!» Я ее — Шуренька. И навернись в девку бес: «Брось, говорит, все, и жену и детей, уедем вместе, начнем новую жизнь! Ты, говорит, великий, ты молод, я для тебя все сделать готова, жизнь положу!» А посуди сам, с чем это сообразно? Перво-наперво, у меня дом, я писец, нигде не кончил, ученость моя при мне останется, в другом месте я дурак дураком, да еще и напиток в придачу. А Палагея, да она меня за тридевять земель отыщет! Нет, заладила свое, ну, ничем ты не отговоришь. Бабы эти, как привяжутся, конец. Я как-то с похмелья ей: «Убирайся, говорю, к чорту, будет!» А она поглядела: «Кончено?» — да так, знаешь, глядит,— «разлюбил?» «Да нешто, говорю, я любил? Это благородные какие любят, а нам только б до мяса довалиться. Сама, девка, полезла, не взыщи!» Встала: «Прощайте!» говорит, да совсем, совсем другим голосом, у меня даже хмель прошел. И ушла. Остался один я, а голос ее так в ушах и звенит: так — так и бросился б вслед.

— Прощай-прощай-прощай! — Кандидат открыл мутные глаза и сделал такое носом: вот расчихнется во весь зал.

— Однако выпил я две рюмки водки,— продолжал Иона,— тем и кончил. Все забылось. А через месяц, слышу, выходит замуж. Студент Игнатов — красивый малый, рослый — вот какого подцепила! Вскоре и сам ко мне пожаловал, подает от нее записку: требует она, чтобы я письма вернул. Ну, мне что, я не баба, да и письма-то не велика ценность, не автографы какие, можно и отдать! Отдал я ему. Он учтивый такой, а руку прячет, не подает. «Александра Павловна, говорит, все мне рассказала, подлец вы!» говорит, повернулся да и вышел. А скажи на милость, чем я подлец? Нешто я против ее воли?

— Я подлец? Не подлец! — и звонкая затрещина раскроила щемящую музыку: в соседнем зале кто-то, кого-то жестоко поучая, поднял возню и звяк.

Иона даже не шевельнулся — все это в порядке,— память его зашла в самую жестокую деберь.

— А как был я в Нижнем, слыхивал, что хорошо живут, согласно. И место у него хорошее. А раз ее самое видел. Я после перепою у Бруселя вышел прогуляться. Иду по Печорке, а она навстречу — барыня такая стала! — мальчика-сына за руку ведет. Я-то в нее глазами впился, а она скользнула так — или не узнала? И пошел я своей сторонкой да как гряну по всей Печорке: «Не шуми, мати...» А городовой: «Помалкивай, говорит, пьяница, сукин сын!» Точно цепочка оборвалась.

Иона вдавился весь и вдруг вскочил и, бия себя в грудь, стал вопить, так что из соседних зал понализли, одни робко, другие нагло, чтобы свидетельствовать Ионино злострастие.

— Человек для себя самого первая головешка,— вопил Иона истошно,— ты, Иона, ты и есть и будешь центр и пуп, всемогущий, вездесущий, всенаполняющий! Для кого корова телится? Для меня, чтобы я говядину ел. Для кого солнце светит? Для меня, чтобы меня, пьяницу, сукинова сына, греть!

— Иона бесхвостый! — подхватывали с хохотом,— голован! говядину греть!

Хохот подымался резче, чем вопь.

В раскрытые окна наша весна — и у нас есть весна! — с горькой черемухой доносила подзаборную свалку.

И весенние белесые звезды, как бельма, плыли мутно по белеющей северной ночи.

Русь белокрылая, куда ты летишь, исплакана, измученная, и тоскою сердце рвешь?

Алтайские яркие звезды алмазами летели перед глазами Ионы, возносившегося до крайних небес и оплевывающегося, как последняя мразь, под дикий хохот русский, ничем непробойный.

VI

Всеизвестность Ионы пошла не с Ледневой гимназистки — под пьяную руку все чаще и чаще вспоминал он о ней, и гордясь, и как укоротый на всю жизнь,— дело музейное, о котором трубил он на всех перекрестках, возвело его в живую достопримечательность.

Устройство местного музея — вершина славы и расцвет его деятельности. Тут обнаружил он необычайную ловкость. И в самый краткий срок накопил приданое для двух дочерей, а Палагее сделал бархатный салоп.

Но в общем, в конце-то концов, дело оказалось пропащее.

Управлять музеем Иона не попал.

По проискам ли людей завистливых или от оборотливости излишней, о которой шла молва со всех сторон — и с соборной, и с монастырской, и с речной, и с горной, да и сам Иона хвастал и в Пассаже и в Колоннах, только нежданно-негаданно прислали из Петербурга для разбора и окончательного устройства музея двух ученых археологов: плешатого маленького и долговязого мохнатого. Оба полуслепые, чудные, не меньше Ионы, и не обдуешь, оба — и Молгачев, и Агапов — и язвительны, и осторожны, и скопидомы.

Истратить на пиво гривен восемь, купить книгу за пятачок, а какую рукопись за полтинник, это они мастера. А чтобы какой-нибудь профит бедному человеку сделать, это ни-ни.

Шельмы стакнулись еще до приезда, все вместе, согласно, рука об руку. И нет того, чтобы по-православному, по-русскому, зубы друг в друга. Плешатый из Петербурга жену привез, заставил библиотеку разбирать. И все за дешевку: то, что у нас за пятьсот пошло бы, они за двести берут, а делают вдвое скорее.

Губернатор заискивает, льстит, в гости к ним ходит, места им казенные дал на время. И они со всеми перезнакомились, у предводителя сидят,— житья нет!

Миловзоров-историк для архивной комиссии каменное яблоко купил.

— Древность,— говорит,— XVII-ый век.

А плешатый рассмеялся.

— Сколько дали?

— Полтинник.
— Дорого. За двугривенный можно купить в посудной лавке,— и ухмыляется,— маху дали, Сергей Леонтьевич!
А в тот же день долговязый пошел к местному старьевщику, к Гранилову,— давно Гранилов дорожился старинной рукописью! — и доказал старьевщику, что рукопись поддельная, и купил ее, тысячную, за трешницу.
Сошлись вечером приятели в музее, хохочут, радуются:
— Самого наипервейшего мошенника объегорили!
А Гранилов, как дознался, и перед всем честным народом объявил:
— Они-де с собой туман носят, напускают.
И заживо служили панихиду в монастыре: поминали раба Божия Ивана и раба Божия Александра, чтоб им пусто было,— не пронимает.
— Да, нашла гроза нежданно-негаданно и не только на мошенников, но и на самого Иону.
Между прочим, говорят они Ионе:
— Нечего мудровать! А вот вам список, вы по этому списку по записям примете, вещи подыскивайте и дороже указанной цены не давайте. За покупку процент получите: чем дешевле, тем больше — обратно-пропорционально.
Екнуло сердце у Ионы,— кончилось приволье.
На какую теперь хитрость ему пуститься?
— Или нищих объегоривать, или воровать? — ляпнул Иона.
А те ему:
— Ничего, Иона Петрович, изворачивайтесь.
А губернатор вторит:
— Ты, Иона, в карман не залезай, чтобы нам от тебя сраму не набраться.
Но и тут Иона извернулся — всем потрафил.
— Конечно, барышишки маленькие, а все-таки ничего, жить еще можно.
Как в дни молодости своей всемогущей, стал он у мировых судей дела брать, кляузничал,— ничего. И опять же адвокаты насели — не те времена! Плюнул Иона: лучше не связываться, народ тоже зацепистый.
А тем временем кончились покупки в музее.
Плешатый Молгачев уехал с женой назад в Петербург. А долговязый Агапов во владение музея вступил.
Жалованье долговязому определили не ахти какое, а Ионе-то оно было бы совсем хорошо.
Да Ионы-то это не касается.
Вскоре долговязый женился на богачке Позвонковой, взял, говорят, сто тысяч, дом купил, обстроил его, губернатора принимает. А Иона не при чем.
Высоко взлетел и пал. И уж не подобраться: годы не те, сила ушла.
И никаких звезд, одни алтайские — алмазы — сквозь горький чад и дикий публичный хохот.
— Травинкой стелюсь,— лепетал Иона,— травиночкой.

VII

По старой памяти, но уже травинкой, зашел Иона в свой родной музей, зашел с заднего крыльца по обычаю.
Было летнее утро, обещавшее зной.
У Ионы кружилась голова: три стакана водки вместо чаю пропустил в себя натощак, без чего не мог он показаться на волю.
Под окнами к крыльцу сложены были большие корзинки, в этих корзинках перетаскивали вещи из Дворянского дома.
Манит корзинка — то-то хорошо полежать, растянуться!
Иона завалился в корзинку — хорошо! — сбросил картуз и замлел.
А с крыльца Кудимыч сходит, вахтер.
— Я тебя, насмешника, провеначу! — обрадовался случаю вахтер: не забыть старику обстриженного уса, дело рук Ионы.
Накрыл Кудимыч Иону другой корзиной, в кухню сбегал, веревки принес, связал ручки, перекрестил корзину, сволок к сараю и по старости лет, а более от жары несносной все позабыл.
Что было, не помнит и Иона, а проснулся — холодно: роса, весь мокрый. Провел он по слюнявым губам — пересохло в горле — подняться хотел, головой ткнулся в корзину. Что за чудеса? — пощупал внизу рукой: тоже корзина.
«Батюшки-светы, да никак в могиле?»
И руки затряслись.
Хотел перекреститься — рука ударилась в плетенку.
«Господи, прости мои согрешения! — и тоска залила его душу,— умираю от голода и жажды!»
Но изворотливый ум вспыхнул, все бесхвостье его завиляло, ища выхода.
«Говорят, нужно руку себе покусать: не сон ли?»
И укусил себя за палец.
— Ой, больно,— нет, он не согласен!
«Значит, смерть заживо».
И ясно представилось ему, как обкусает он себе руки от жажды, перевернется вниз лицом и умрет: покойники, заживо погребенные, всегда так перекурыркивались.
— С IX-го века! — всхлипнул Иона и начал стонать.
Душу надорвал бы этот стон замогильный, если бы нашлась у сарая хоть одна живая душа.
«За что мне, Господи? — терзался Иона,— за царские врата? — и вспомнил, как в погоне за древностями, желая урвать процент обратно-пропорциональный, стащил он в городищенской церкви старинные резные царские врата,— или за то, что в пятницу согрешил? За кощунства ли Дублянских сказок? Никола Милостивый, Милостивый, помилуй? За Провово горе, должно быть? — и в горьком забытьи, наперекор воле, начал твердить, как встарь:

Пров Фомич был парень видный,
В среднем возрасте, солидный,
Остроумен и речист,
Только на руку нечист.

Нет, нет, неужто за такое и такая мука? — и вдруг Лизу вспомнил из Колонн: за гордость обвинил однажды эту Лизу, будто кошелек у него украла, и бандырь выпорол Лизу,— за Лизу? Не Лиза, сам я крал, все тащил, и где можно, и где нельзя,— каялся Иона,— древности крал! Древности,— и спохватился,— но ведь всякий из них новости крадет. Неужто за такое, за всеобщее? И почему же тогда не всем такая участь? И почему люди живут и умирают почеловечьи, и только он...

Он не брезговал интрижкой
Ни с модисткой, ни с портнишкой,
И немало светских дам
Привлекал к своим усам,—

твердил Иона наперекор воле стих похабный и не мог остановиться.
Проплыла Леднева, смотрела на него, и не так, как в Нижнем, на Печорке, а как там, в канцелярии, или там, на лестнице, без слов смотрела, и глаза ее светились любовью.
А что, если бы он тогда ее послушал, бросил бы пить, уехал бы с нею?
И вспомнил он ее голос,— Господи, всю бы отдал жизнь! — голос ее так внятно.
«За нее виноват — за себя, за себя — за нее и терплю, всю судьбу погубил!»
И пуще всякой боли укусной засверлило на сердце.
И из боли вдруг он услышал легкие шаги, и кто-то фыркнул в самую корзинку.
«Никак собака? — замер Иона,— Господи, хоть бы залаяла!»
Насторожился и сам, крутя носом по-собачьи, понял чутьем бесхвостым:
«Да это предводительский Нептун».
— Милый, дай весточку! — захлебнулся Иона.
Пес зацарапал лапой о корзину.
— Милый! — шептал Иона,— Нептунушка!
Ему слышно было, как Нептун шуршит по траве, машет хвостом.
— Узнал, голубчик, отец родной! Залай, вызволи! — и хочет Иона громко покликать, а голос, как во сне, пропал.
Пес фыркнул и отошел.
Могильную бесконечную ночь провел Иона в корзине.
Со скрещенными руками, отекая, в забытьи, лежал он, как тезоименитый Иона во чреве китове. И, ничего не замечая, ни своего стона, ни боли, и ни о чем не думая, распадался.
Вся изворотливость ума его потухла.
И только на другой день Иона освобожден был, аки изблеван.
На другой день, в полдень, девки из Дворянского дома вздумали идти к предводительскому колодцу, и не по улице, где их поджидали кавалеры, а кратчайшим путем через репейник.
Проходя мимо забора, они услышали слабые стоны.
С криком:
— Чорт! Домовой! — пустились бежать назад.
Тогда Кудимыч вахтер вдруг вспомнил о Ионе, встал из-за стола и, дожевывая, бросился к сараю, к корзине,— и освободил.
Иона, испачканный весь, упал в ноги вахтеру:
— Солнцу воссиявшу пришедшу на запад!
И был как безумен.
Стакан водки подкрепил его силы.
С картузом в руках вышел Иона из калитки на волю.
Пекло и жарило, как в первый день. Шатаясь, шел Иона под палящим солнцем. И случайные прохожие далеко обходили его.

VIII

Иона не знал ни времени, ни места,— Петербург он мог перевести в Москву, Москву в Нижний, Нижний в Кострому; воскресенье обратить во вторник, полдень в полночь, быть и там и тут, везде,— всемогущество его было безгранично, и, кажется, в одном только был он и слаб, и человечен — в температуре: хотел он или не хотел, а наступала зима, потому что морозило; хотел он или не хотел, а приходила весна, потому что таяло; хотел он или не хотел, а возникал циклон, а за циклоном шел антициклон.
И разве он хотел, и вот затряслась голова, и вдруг нападала сонливость, и он валился где ни попало, и не спал, а в мутной дреме безучастно следил за какой-нибудь перелетающей мухой и ни о чем не думал.
И без его воли изворотливый ум его погасал.
И также не потому, чтобы хотел он, нет, он как раз другого хотел,— все дела, и последние, потихоньку ушли от него.
Уж старшие дети стали содержать старика,— ведь он больше не мог самостоятельно добывать себе пропитание.
А тут наступило и последнее горе: женился старший сын и уехал с женой свою жизнь строить посвоему.
— Нашел время шашку точить, когда отец еще жив. Подождал бы малость: скоро подохну,— злобствовал старик и, грозя кому-то, шипел,— всю жизнь проклятая дыра поперек дороги стоит!
А за первой бедой идет другая беда.
Вышел грех со старшей дочерью девушкой — вымазали дегтем ворота и стены. Плачут младшие дочки-подростки, пилит Палагея.
— Хоть бы уж подохнуть! — одного просит Иона.
А и это не в его власти: час придет, когда придет — проси или не проси, а побежишь — настигнет, а скроешься — найдет.
Иона, припоминая случай с корзиной, теперь пенял девкам, что через их дырью дурь был он избавлен от смерти и на муку ввергнут в проклятую жизнь.
Жизнь его вдруг стала проклятая.
Не пивши, трясучий, поплелся Иона к купцу Черногубову.
Когда-то, в допотопные времена легкой жизни, непроклятой, делая дела головокружительные, вывел он купцову родословную от Каина, сына Сатанаилова, через Ивана Осипова — Ваньку Каина прямой линией к деду Ивану Черногубову, и лавочнику и родне всей Черногубовой стоило немалого выкупа, чтобы избежать огласки и скрыть семя свое проклятое во веки веков. А теперь Иона, ползая на коленях, Христа ради, выпрашивал у купца сорок копеек.
— В последний раз! — сказал Черногубов,— больше не дам, и не проси.
С двумя двугривенными каиновыми закатился Иона в кабак. И там все спустил: и пальто свое широкое следовательское, и пиджак длиннющий долговязого, агаповский, и жилетку Миловзорову. В одних штанах кандидатских под вечер, трясясь и тычась, вернулся он домой.
Раскрыл окно, посмотрел на огород, на то место, где великого князя Василия II Васильевича подавил медведь,— ко всенощной ударили: завтра Спасов день, пчела именинница! Робко прилег на диван. Что-то неловко — кашлянул.
Младшая Лиза вошла. Открыл глаза. Стоит Лиза, смотрит.
— Папочка, кровь...
— А ну ее к чорту!
Иона повернулся к просаленной спинке — ему все равно: кровь или ничего, жизнь или смерть, один конец.
Ночью случился припадок — дышать нечем. Воздуху бы заглотнуть ему побольше, дышать не хватает. Раскрыли все окна. Да ночь-то теплая, не Спасова.
— Ну, все равно, все к чортовой матери пойдем! — задыхался Иона.
А за окном шелестит. Траву косят? Нет. Что же это? Шелковое платье по травке-муравке завивается.
Сверкая золотом, как на Рублевской иконе, выгнув гордо лебединую шею —
«Что это, Господи?»
Вьются слухи, как у ангелов —
Иона привскочил:
— Шуренька!
А она сбоку так взглянула на него — нет, не узнает! — и пошла. И он вдогонку. Взбежала на лестницу. И он за ней.
— Шуренька,— кричит,— Шуренька!
Лестница темная, скользкая. На самый верх взлетели. Дальше нет хода.
— Шуренька! — хочет схватить ее за руку, ну, как тогда.
А рука не двигается.
И вдруг перед ним пролет — темный, сырой — темная дыра.
И все смешалось.
Откуда вышел, туда и ушел.

1917 г.

flora

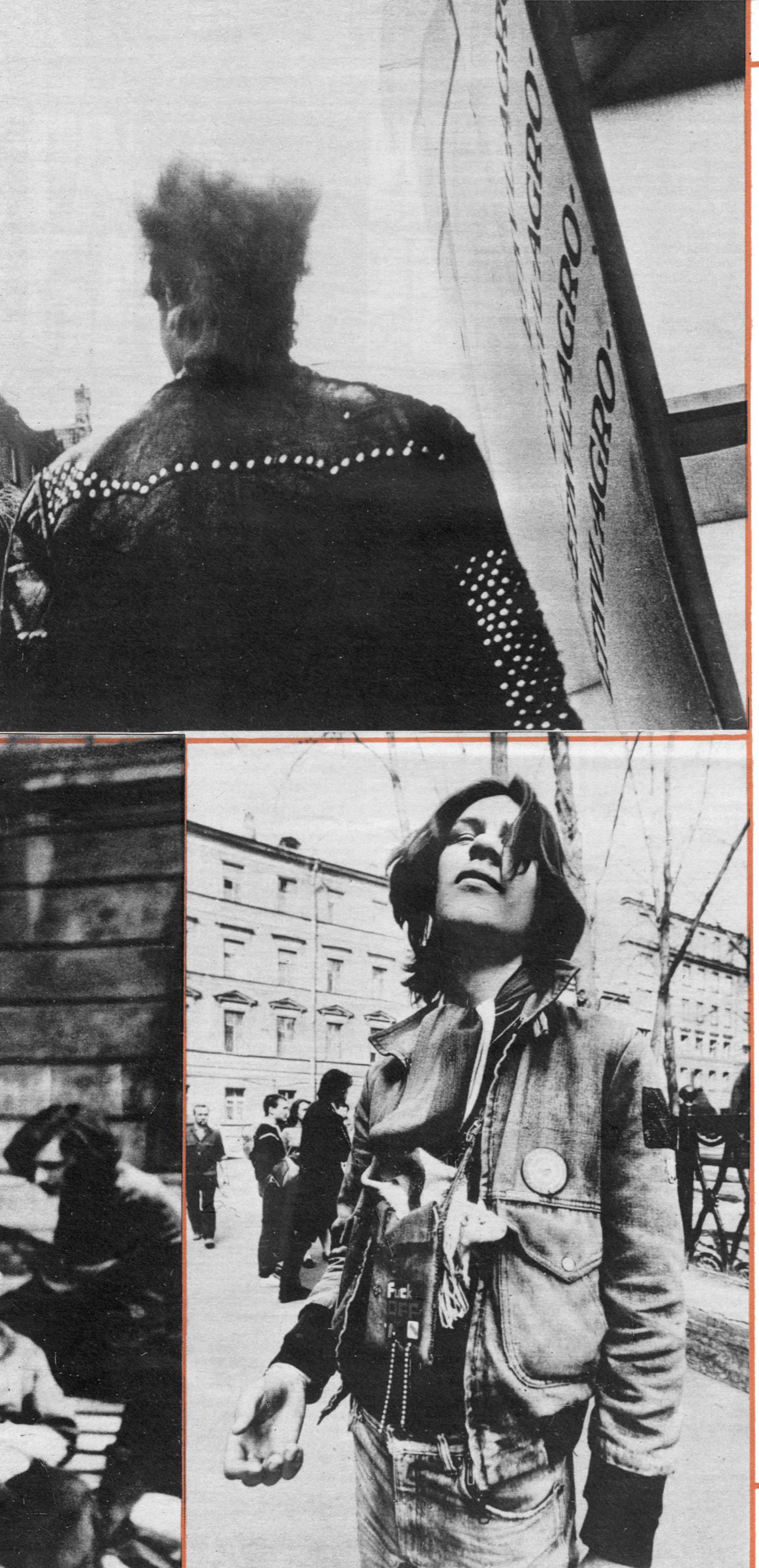

Фото
А. КУДРЯВЦЕВА,
Ю. СИНЯГИНА
и И. ЯКОВЛЕВА

Игорь КОХАНОВСКИЙ

БОЛЬШИНСТВО

Как духовный магнит, примитив
притягателен до изумленья.
Дик и страшен порыв единенья
под его незабытый мотив.

Словно слышу былое: «Распни!»
И боюсь, что былое свершится,
когда вновь на экране они —
одобрения стадные лица.

* * *

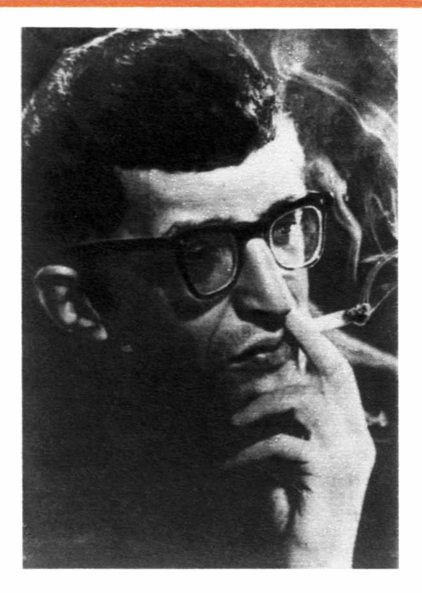
А эти вечно на плаву —
и при любой погоде,
и при кошмаре наяву,
и при любой свободе
(ну, например, на клевету,
всесильную вовеки),
и при любой хвале кнуту,
и при любом генсеке.
Непотопляемых нигде
плывучие армады
в любом кругу, в любой среде
извечно жизни рады.
Они, как флюгеры, легки,
им прошлое не в тягость.
Для них рефлексии тиски
неведомы, как жалость.

КИТЧ

В шляпе, словно для шутки, широченных полей,
в модной вновь мини-юбке (чтоб казаться стройней,
чтобы ноги ретиво до предела открыть
и черты сампошива этим как бы затмить),
и в сапожках в гармошку из-за синих морей,
и в уродских сережках разбитных кустарей,
словно рыцарь без страха и упрека во всем,
деловая деваха в юном блеске своем.
Плечи, руки, походка — и осанка, и стан,
все кричит о нелегкой родословной крестьян.
С ней подруга (товарка, как в селе говорят).
Их в Измайловском парке выходной променад
ожидает. Степенно проплывают они
мимо всенепременной для торгов толкотни,
мимо кукол, игрушек, хлебниц, люстр, фонарей,
всевозможных зверюшек и забавных затей
прежних ярмарок наших с их весельем торгов,
и «китайских» бумажных расписных вееров,
и мячей на резинке, и свистулек из птиц —
позабытой новинки мастеров, мастериц.
Но минуют подруги этот ажиотаж
и — туда, где в округе деловой вернисаж
предлагает, похоже, по расхожей цене
виды лунных дорожек и закатов в огне,
штампы русских мотивов с перепевом церквей,
и березок родимых, и бескрайних полей,
и ряды натюрмортов, где царит, как декрет,
анилиново-мертвый стилизованный цвет,
и безвкусицы жалкой как основа основ —
образ голой русалки празеленых тонов,
и горящие в небе русских храмов кресты...
И не мыслишь нелепей и мертвей красоты.
Но подруги в восторге, покупают пейзаж
по дешевке (при торге не забыв про марьяж).
В общежитьи лимитчиц приукрасится быт.
Радость юных добытчиц словно вдруг говорит,
как отлично вписались — как в родной антураж —
двое сельских красавиц в этот весь вернисаж.

Раскупают в охотку, пустяки заплатив.
И не смотрят в сторонку, где пленэрный мотив
в самобытной манере завершает творец,
словно преданный вере целомудренный жрец.
Не его предложенья провоцирует спрос.
Но свои пораженья он не примет всерьез.
С неких пор все смешалось в бедном доме родном,
словно детская шалость подняла все вверх дном.
И, как шалость, отчаян и нелеп, как лоскут,
дух российских окраин затопляет Москву.

Герман ПЛИСЕЦКИЙ

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ

В том вымершем городе, в прошлом моем,
в зеленом кольце голубой водоем.
Там старые вальсы и всплески весла,
там лето и осень, зима и весна.
Но чаще всего там июнь или май,
там праздно шатается старый трамвай,
и солнца осколки сверкают везде,
и дети возводят дворцы на песке.

Любовь начинается, как дифтерит:
с утра лихорадит, и горло болит,
как будто признанье застряло во рту,
засело сухою сосновой щепой,
и впору припасть раскаленной щекой
к дрожащей воде на весеннем ветру.

В том времени прошлом, в застывшем былом,
кирпичная школа моя за углом.
И кто-то на снимке любительском том
окно угловое пометил крестом.
И чья-то улыбка в раскрытом окне
сияет шестнадцатилетнему мне.
И ватные ноги несут меня к ней,
несут меня к старшей вожатой моей!

А город от пригорода огражден
на занавес МХАТа похожим дождем.
Весь день погромыхивает и палит,
и птица на бархатном фоне парит.
Весь день над окраинами, вокруг,
висят декорации облачных груд.

Отличник, очкарик, вчерашний пацан
(под партой — припрятанный Мопассан!),
в блаженном неведенье будущих лет,
зажмурясь, тяни свой счастливый билет
с притихнувшим классом один на один.
Любовь — необъявленный карантин!

Ах, дым коромыслом над головой
до вечера в комнате угловой,
озноб стихотворный — с тобою умру!
Знамена и горны пылятся в углу.
Экзамены кончены. В школе пустой
просторное лето встает на постой,
и лишь полотера размеренный шаг,
как маятник, слышен на всех этажах,
и сумерки дымной, табачною мглой
сгущаются в комнате угловой.

Гроза назревает. Заложена грудь.
Как в медленном лифте, в термометре ртуть.
И бред дифтеритный: «Я выключу свет...»
И шепот сестры милосердия: «Нет...»

И надо бы с неба громовое: «Да!»
Прорвавши плотину, да хлынет вода,
из хаоса новую землю творя.
Да сбудется женская воля твоя!

Скорей, моя память, скорей на карниз,
и — вниз по трубе оцинкованной, вниз,
к холодной трубе припадая щекой
со всем своим пылом, со всею тщетой!
Прислушайся, бешено сердцем стуча,
к шагам сторожихи и к скрипу ключа:
из школьных глубин, словно град с облаков,
стремительный цокот ее каблуков.
Она уже рядом. И прямо в глаза
электроразрядом сверкает гроза.

Грозовая полночь! Медлительный гром —
как будто огромный обрушился дом.
Ослепнувших улиц мгновенный столбняк.
Деревья рванулись, забыв о корнях.
Как мамонта бивень, ударил под вздох
тропический ливень — вселенский потоп!
Нездешняя мера желаний и сил —
планета Венера, клокочущий мир.
Любовью набухли твои облака,
как молодость, ты от Земли далека...

Я тощий, промокший насквозь и босой
на тех негативах, заснятых грозой.
Меня ослепляет, как вспыхнувший блиц,
сияние наших обугленных лиц.
И нет ни разлук, ни измен, ни обид —
лишь в лужах шипит и дымится карбид...

Меня в этом городе, полном примет,
давно уже нет. Да и города нет.
Осыпались весны в цветочных рядах,
вода протекла в непроточных прудах.
По белому свету, средь белого дня,
как после больницы шатает меня.

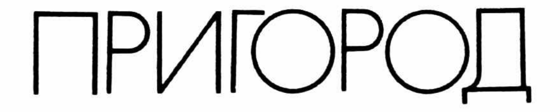
Но снова и снова до самых основ
меня сотрясает тогдашний озноб.
Как будто не в сорок седьмом, а на днях
меня прохватил вездесущий сквозняк,
сквозняк незабвенный — стремительный тюль,
летящий из комнат в открытый июль!

О память! Ты, как птеродактиль, паришь
над палеозойским скоплением крыш,
над окаменелой стихией морской,
удушливо пахнущей «Красной Москвой».

Вернемся туда! У кино «Колизей»
устроим свидание старых друзей,
и будем, забывши принять валидол,
оранжевым солнцем играть в волейбол,
и будем под сенью весенних знамен
курить папиросы «Совьет Унион».

Они были Чистыми — эти пруды!
Сквозь прутья решеток торчали пруты,
трамвай подгулявший деревья считал,
а ветки хлестали его по щекам.
Как свежеокрашенная скамья,
сверкает зеленая юность моя!
И краскою пахнет, и солнце везде,
и дети возводят дворцы на песке...

1965

ПРИГОРОД

Памяти Джона Ф. Кеннеди

Газеты проданы. В них все объяснено.
В учебном складе верхнее окно
старательно кружком обведено.
Стрелой показан путь автомобиля.
А из кружка, похожего на нуль —
прямой пунктир трассирующих пуль...
«О Господи! Они его убили!»

И этот одинокий женский вскрик
звучит уже отдельно от газеты,
звучит над ухом, словно рядом где-то
он сам собой из воздуха возник.
Прошел через вагоны проводник.
У двери двое курят сигареты.
Храпит пьянчуга. Шляпы и береты
виднеются из-за газет и книг.

На электричке, следующей в Клин,
без остановок докачусь до Химок,
разглядывая бледный фотоснимок,
где все еще счастливая Жаклин,
всеобщей окруженная любовью,
вот-вот в лицо увидит долю вдовью...

Остановись, убийственный момент!
Не надо оборачиваться, Джекки:
поднявши руку, ныне и навеки,
пусть едет по Техасу президент!
Бывают же обрывы кинолент?
Плотинами перекрывают реки?
Остановись! Пусть будет прецедент.

Но нет, не остановишь катастроф.
Лязг буферов звучнее наших строф
на горках, где тасуются составы,
где сцепщик мановением руки,
как Бог, вагоны гонит в тупики,
вывихивая ломиком суставы.

Отгадчик детективного романа,
я ощупью брожу среди тумана.
Сюжета мне никто не объяснил.
Стараясь превзойти Агату Кристи,
ищу во всем какой-нибудь корысти,
хитросплетенья закулисных сил...

А дело проще: просто этот мир,
в пространстве не имеющий опоры,
летит по кругу, наклоняя горы,
колеблясь от Гомера до громил.
И океаны мира, и леса,
и преисподняя, и поднебесье —
все это в ненадежном равновесье,
как и черты любимого лица.
Как одухотворенные черты,
накрытые внезапно злобной маской.
И ты с Луны свалился и с опаской
их трогаешь рукою: «Это — ты?»

Или, с улыбкой в комнату входя,
вдруг попадаешь в силовое поле
тяжелой воли вражеской, хотя
дискуссия всего лишь о футболе.
Так, друг на друга поглядев едва,
немеют, ничего не видя кроме,
два жителя чужих галактик, два
химически чужих состава крови.
И фанатизм, хмелея постепенно,
свой оловянный взгляд вперяет в них...
Из всех щелей коричневый и пенный,
из всех щелей — из мюнхенских пивных!

Но есть надежда! Есть еще, Земля,
в твоих амбарах сортовое семя.
Есть золотые, как пшеница, семьи:
зерно к зерну отборная семья.
Отцы, преодолевшие моря,
и матери, спокойные, как реки.
Закройщик их кроил наверняка:
ткань, словно кожа чертова, крепка
и в детях не износится вовеки.
Есть крепость человеческой семьи!

Враскачку, на другом конце Земли,
в полупустом, заплеванном вагоне
я думаю об основном законе —
о поединке птицы и змеи.
О небе, слепо верящем в крыло,
о хлябях, облегающих село,
плодящих гадов и враждебных хлебу.
О том, что жизнь земная рвется к небу,
сама себя за волосы схватив.
Я думаю, что это лейтмотив
всех Рафаэлей, Моцартов, Гомеров...

...У двери двое милиционеров
храпящего пьянчугу тормошат.
Грохочет мост, как путепровод в ад,
коптит закат, измазанный мазутом,
цистерны черные ползут своим маршрутом,
подбрасывая топливо в закат.

Скользят без остановок рельсы лет.
Под нами то и дело путь двоится.
Колеблется вагон, словно боится
свободы выбора: да или нет?
Вслепую тычется: чет или нечет?
Не веря, что сошел с ума диспетчер,
следящий за движением планет.

1967

Елена ИЗЮМОВА

РАЗРУШЕНИЕ БАРЬЕРОВ

© Фото Пегги КАПЛАН.

Виталий Комар. Род. 1943. Александр Меламид. Род. 1945.

ДВОЙНОЙ АВТОПОРТРЕТ — В ВИДЕ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ. 1982—1983.

Картины этих двух художников экспонируются в крупнейших музеях мира — «Метрополитен» и галерее Гуггенхейма, в музеях современного искусства Нью-Йорка и Сан-Франциско, в известнейших частных коллекциях... Признанные мэтры авангардизма, одни из основоположников нового направления современного искусства — «соц-арт». Это направление расценивается на Западе как самый значительный, чуть ли не единственный вклад советского изобразительного искусства второй половины XX века в мировой художественный процесс.

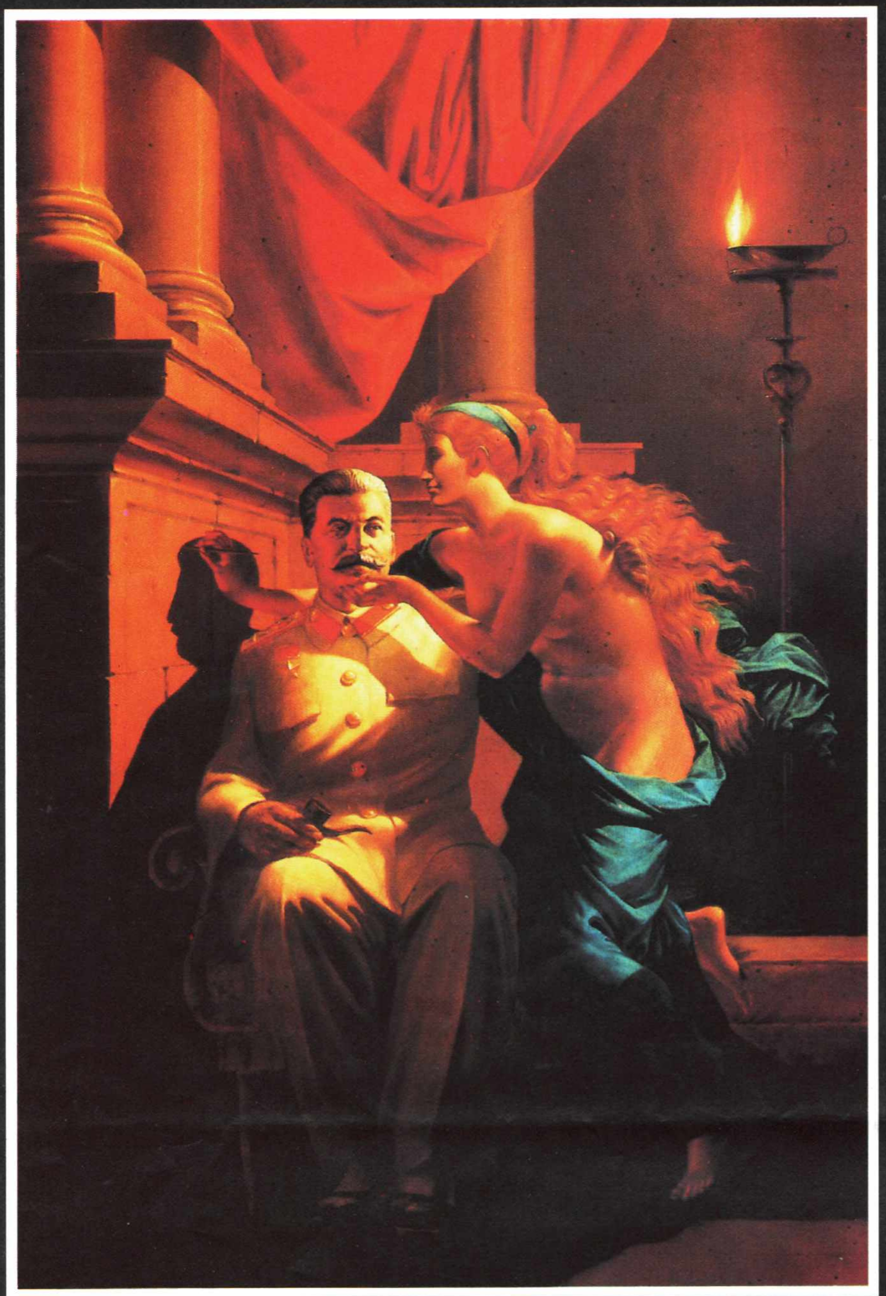
Виталий Комар и Александр Меламид... Родились в Москве. Окончили Строгановское училище. Познакомились в морге, где, следуя программе академического образования художников, изучали анатомию. Впервые выставили свои работы в 1967 году в Москве, в молодежном кафе «Синяя птица». В конце 60-х — начале 70-х годов Комар и Меламид были почти постоянными экспонентами неофициальных «квартирных» выставок, которые привлекали внимание, были неожиданны, оригинальны, запоминались надолго. Вокруг Комара и Меламида образовался кружок творческой молодежи... На печально знаменитой «бульдозерной» выставке в Беляеве Комар и Меламид показывали несколько работ, в том числе «Лайка» и «Цитата» (обе — 1972).

Творчество основоположников соц-арта — Эрика Булатова, Ильи Кабакова, Виталия Комара и Александра Меламида производило в начале 70-х шокирующее впечатление, их работы вторгались в повседневную жизнь как внезапная вспышка света, обнажавшая первозданный смысл пропагандистских штампов, бессмыслицу лозунгов, примитивность идеологических клише.

Соц-арт созвучен, близок поп-арту. Созвучен и близок не только названием, но главное — глубинным содержанием. Поп-арт явился эстетической реакцией на символы, знаки, клише общества массового потребления, стал характерной оценкой «западного образа жизни», в котором господство коммерции привело к перепроизводству рекламы. Соц-артэстетическая реакция художников на «рекламу» общества «развитого социализма», на переизбыток, перепроизводство идеологизированной, пропагандистской изобразительной продукции. Бесчисленное количество лозунгов, цитат, однообразных плакатов, окружавших советского человека в течение всей его жизни, потеряв свое первоначальное предназначение, оказалось таким же элементом пейзажа, как, например, реклама вездесущей кока-колы в американских городах... Кто вчитывается в слова? Лозунг и цитата воспринимаются чисто декоративно. Комар и Меламид логически завершили эту цепочку рассуждений, создав свою «Цитату»...

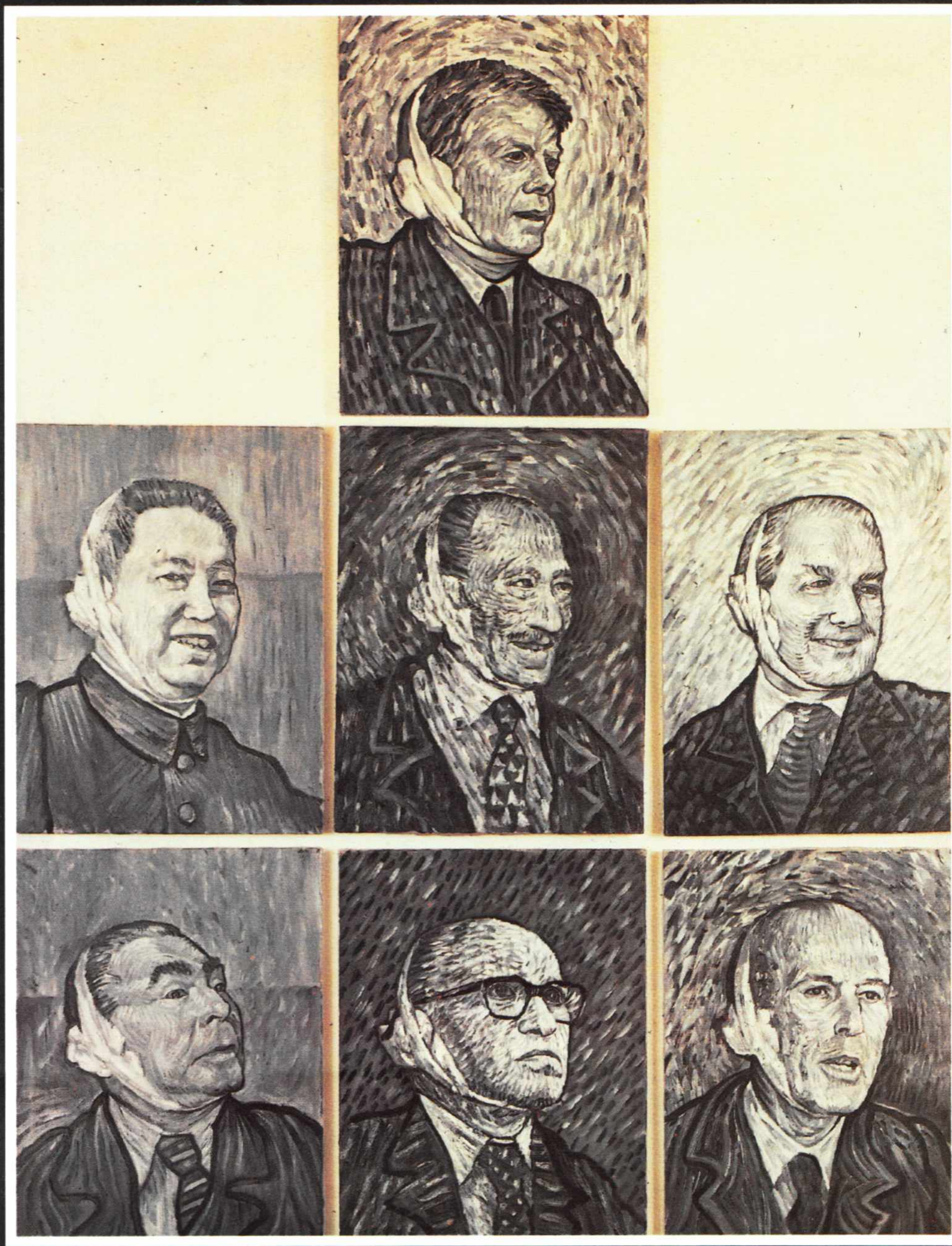
Хендрик Смит сказал: «Соц-арт равен поп-арту, и то, и другое — сатира». Но сатира — оружие весьма и весьма серьезное. Именно поэтому, вероятно, бесконечно смешные работы из цикла «соц-арт», созданные Комаром и Меламидом в начале 70-х годов, были расценены как политическая провокация, и даже хуже того — как издевательство над «святынями». То, что идеологические атрибуты занимали художников совсем в ином ракурсе, можно понять, познакомившись с их работами более позднего периода, например, с «Почтовой серией» — «Вперед к окончательной победе капитализма» или «Слава американскому рабочему». Привычный лозунг в «перевернутом» виде становится смешным до нелепости. Но, быть может, именно этот смех помогает тактичнее, аккуратнее обращаться с любыми лозунгами, вдуматься в их исконный смысл? Художники смеются над обессмысливанием слов, над нелепостями собственной жизни, над затасканными до неузнаваемости мыслями и идеями.

В 1976 году в галерее Фельдмана в Нью-Йорке прошла первая персональная выставка Комара и Меламида. Она вызвала шквал блестящих отзы-

ИСТОКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА. 1982—1983.

ПОРТРЕТЫ ЛИДЕРОВ С ОТРЕЗАННЫМ ПРАВЫМ УХОМ. ДЖИММИ КАРТЕР, ХУА ГОФЭН, АНВАР САДАТ, ДЖЕЙМС КАЛЛАГЭН, ЛЕОНИД БРЕЖНЕВ, МЕНАХЕМ БЕГИН, ВАЛЕРИ ЖИСКАР Д'ЭСТЕН. 1978.

вов. Комар и Меламид стали настоящим открытием, сенсацией! Но на родине к ним накрепко был приклеен ярлык «антисоветчиков».

«Взаимосвязь между историческими и эстетическими ценностями, — писал В. Комар,— очень интересная проблема. В какой-то момент люди начинают смешивать то, что им нравится, то, что для них имеет эстетическое значение, с историческим значением. И когда им не нравится картина с изображением Сталина или Гитлера, они забывают об историческом значении этой личности. В конце концов Сталин и Гитлер в историческом смысле — одни из самых значительных фигур нашего века. Они преподали нашему веку важные уроки. Ведь история не дает нам никаких эстетических уроков. А вот искусство дает уроки истории».

Однако продолжать свои «экскурсы в историю» Комару и Меламиду пришлось уже в эмиграции.

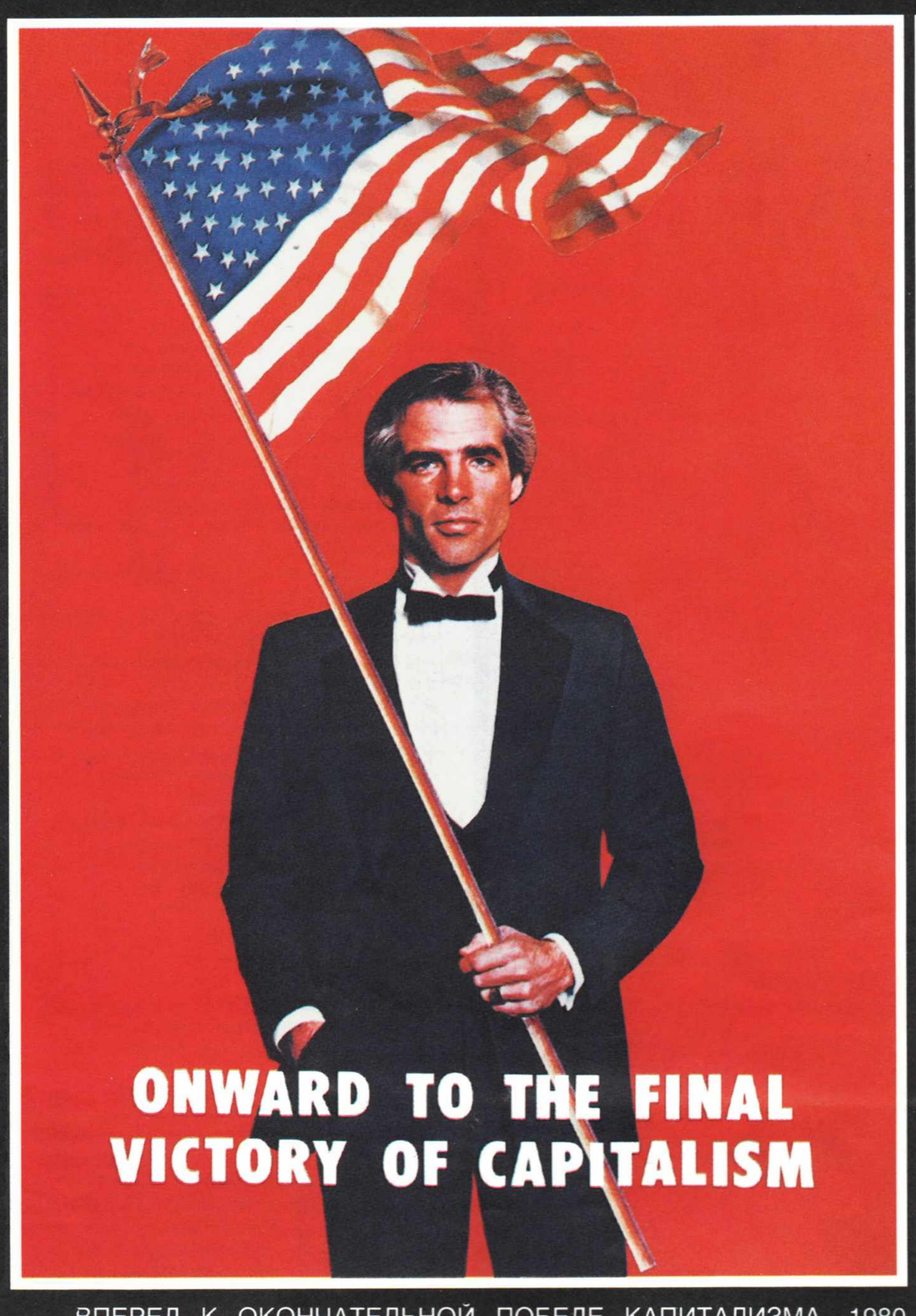
В 1982 году в Нью-Йорке Комар и Меламид выставляют первые 12 холстов новой серии — «Ностальгия по социалистическому реализму». Работы выполнены в манере «старых мастеров». Среди них — «Истоки социалистического реализма», «Сталин и музы», «Рональд Рейган в виде кентавра». Критик Ричард Голдстейн писал: «Продажный классицизм, который пародируется здесь художниками,— это в полном смысле слова международный символ культурного застоя. Их прямолинейное издевательство над навязанным властями традиционализмом в равной степени относится и к американскому пристрастию к реконструкции прошлого, нужной прежде всего для отрицания настоящего...»

Многие из «ностальгических» полотен являются парафразами работ известных европейских мастеров XVIII—XIX веков. «Цитирование» шедевров мирового искусства наряду с вплетенными в сюжет образами советской официозной живописи 40—50-х годов производит ошеломляющее впечатление. «Через сталинское искусство мы могли воссоздать наше детство»,— говорил В. Комар. А детство и юность художников — это 50-е годы, когда «формализм» и «импрессионизм» были словами ругательными. Подчеркнуто темный колорит («музеи, которые мы посещали в детстве, были плохо освещены»), «рембрандтовские» тени создают иллюзорность настоящей, старой живописи. Абсолютно академическая манера исполнения столь неожиданна, что, по логике, должна удовлетворить самых строгих радетелей реализма в живописи. Никакого формализма — сплошной «реализм». И вместе с тем абсолютная ирреальность изображенного, чудовищная фантасмагория, сатира, фарс, гротеск...

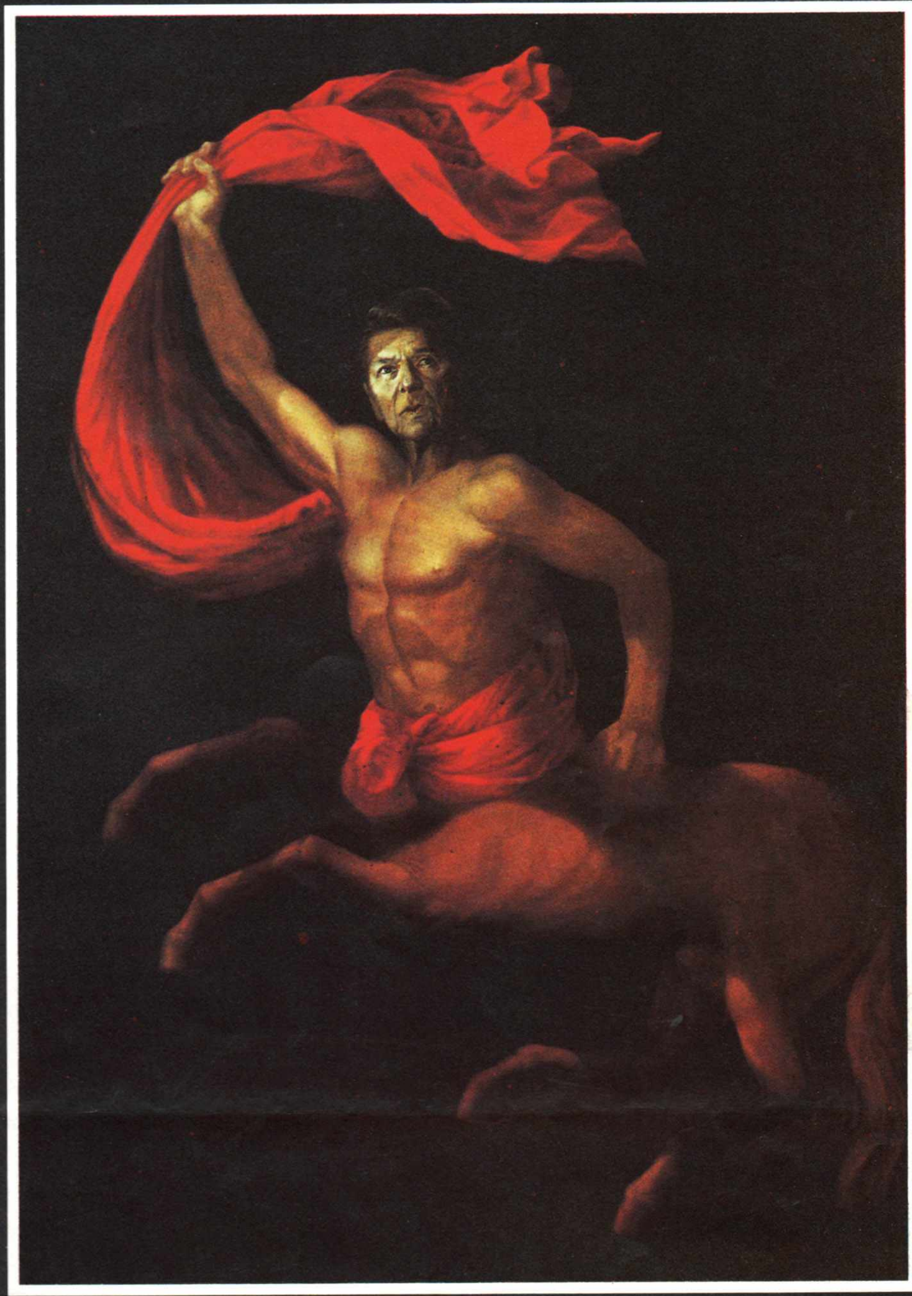
Пожалуй, любителям «похожести», тем, кого привлекают художники, изображающие «абсолютную правду», нелишне присмотреться к полотнам этой серии. Манера корифеев «социалистического реализма» в работах основателей соц-арта сведена к стандартным символам и знакам, коими соц-арт пользуется как простейшими элементами до смешного однозначного языка.

«Много раз, когда мы делали смешные работы, реакции людей были очень серьезны,— говорит А. Меламид.— Когда мы убийственно серьезны — люди смеются... Почему они смеются?»

Действительно, если советская критика обиделась на плакат «Не болтай»,

ВПЕРЕД К ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЕ КАПИТАЛИЗМА. 1980.

ПОРТРЕТ РОНАЛЬДА РЕЙГАНА В ВИДЕ КЕНТАВРА. 1981.

Слайды любезно предоставлены галереей Рональда Фельдмана (Нью-Йорк).

то американцы умирали от смеха у портрета своего президента в виде кентавра. Есть о чем задуматься серьезным критикам.

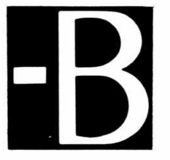
Эстетика соц-арта в принципе может разрабатываться в различных формах и допускает применение разных изобразительных средств. В ее же русле — мистификации, в которых остроумие авторов особенно выразительно. В 1973 году Комар и Меламид «создали» двух художников — Апеллеса Зяблова и Николая Бучумова. Были написаны картины. Были найдены «подлинные» документы, в частности «автобиография» Бучумова: всю жизнь он якобы писал один и тот же русский деревенский пейзаж (59 полотен). Степень достоверности оказалась столь велика, что зрители не очень-то и верили в мистификацию. Художник-«деревенщик» Николай Бучумов воспринимался «могущим быть на самом деле». Особую конкретность в этот сюжет вносил тот «факт», что верность строго реалистическим позициям в искусстве стоила Бучумову левого глаза — борьба с «модернистами-конструктивистами» перешла в драку, в которой и был выбит глаз. С тех пор, строго придерживаясь канонов реализма, Бучумов на всех своих картинах изображал уголок носа, несколько прикрывавший ему картину мира...

Сенсацией оказалась и «находка» Комаром и Меламидом в 1978 году скелета критского Минотавра во время археологической экспедиции на Крит. О находке этой сообщила почти настоящая газета «Интернэшнл геральд трибюн» на первой странице. В настоящее время «скелет» и «газета» хранятся в галерее Гуггенхейма...

Поиски художников продолжаются и по сей день. Уже в середине 70-х годов они создают оригинальную форму для своих работ: соединенные в причудливые плоскостные композиции небольшие полотна, «панели», как их называют сами художники, воспроизводят сложный мир образов и ассоциаций авторов. Об этих работах рассказывает В. Комар: «Иногда то, что мы делаем сейчас, напоминает мне путешествие в загадочном городе. В темном городе нашего сознания. Мы видим много фасадов, лабиринтов, этажи зданий, построенных в разных стилях. Это похоже на Древний Рим... У одного здания вы видите древний фасад. Другое здание принадлежит нашему времени. Загадочны улицы этого города... Мы пытаемся найти дорогу внутри нашего сознания в лабиринте улиц... Наше сознание очень похоже в каком-то смысле на архитектуру. Каждая «панель» — это кирпичик, который мы рисуем отдельно, не думая, в какой контекст он в конце концов попадет.

Несколько иллюстраций на вкладках, те немногие слова, которые мы попытались сказать о творчестве В. Комара и А. Меламида,— это приглашение к знакомству, это первая попытка сломать тот противоестественный барьер, который возведен между художниками и советскими зрителями... В своих работах Комар и Меламид силой искусства взламывают границы, рамки времени и пространства, смещают и сплавляют самые разные пласты истории. Думается, что настала необходимость сломать и придуманные барьеры. Было бы, безусловно, и интересно, и полезно показать советскому зрителю персональную выставку этих мастеров, например, в московском Манеже — зале, в котором соц-арт будет вполне уместен.

Путь режиссера Сокурова не хочется называть жертвенным. Просто он во всем был равен самому себе, что нелегко. Запреты и давление, которые оказывались на него, важно принять во внимание, но исчерпывать этим его судьбу нельзя. Временщики пытались доказать, что его картины не нужны людям, нанося удар не столько по автору, сколько по нашей духовной жизни, по возможности расширить ее горизонты. Сегодня уже можно сказать, что существует «кинематограф Сокурова» — режиссера, чьи фильмы до недавнего времени не имели прав гражданства в прокате.
Ретроспектива фильмов Александра Сокурова, предпринятая Центральным телевидением, стала первым непосредственным знакомством широкого зрителя с режиссером.
Александр Николаевич Сокуров родился в 1951 году под Иркутском. Отец был военнослужащим, поэтому семья жила на колесах: школу заканчивал в Туркмении, в Красноводске, затем поступил на исторический факультет Горьковского университета. После окончания университета сразу поступил во ВГИК, в мастерскую А. М. Згуриди.

— В институте я учился очень свободно,— рассказывает Сокуров,— Александр Михайлович разрешал мне делать все, что я хотел: никогда не слышал от него слова «нет». Я думаю, он не со всем, что я делал, соглашался, да я и сам вижу много несовершенного в своих работах. Во время каникул работал на телевидении — делал документальные картины, пытался делать по крайней мере.

Затем по рекомендации Тарковского я оказался на «Ленфильме». Еще хочу добавить, что для меня огромное значение имела работа на телевидении в Горьком, которой я обязан своим профессиональным становлением. Ни один час, прожитый в русской провинции, не променяю ни на что.

— Наверное, у каждого режиссера имеются свои мысли по поводу кинематографа. Во многих интервью вы настойчиво подчеркиваете, что кино в общей вертикали искусства не должно занимать главного места. Пожалуйста, поясните, что вы имеете в виду?

— Считаю, что кино — это только часть, маленький кирпичик в «культурной стенке», и далеко не самый главный. Цивилизованное общество всегда будет предпочитать разнообразие культурных проявлений и ни одному из них не отдавать первенства. Кино сейчас нарушило «баланс» и литературы, и серьезной программной музыки, но виноваты в этом не столько деятели кино, сколько, повторяю, бедность общества. Гуманитарная культура не может исчисляться семьюдесятью годами. Большая роскошь — сделать революцию и с этого момента начать жить, как с нуля. Культура — это цепь, и ни у кого нет права делать купюры, сокращения в этой цепи. А у нас в течение целого исторического периода пытались на место этих сокращений, как в пенал, втиснуть кино, когда, скажем, уже суще-

ОДИНОКИЙ ГОЛОС ЧЕЛОВЕКА

ствовали Достоевский и Толстой. Идеология использовала кино, замещая нормальное, разумное, глубокое, художественное кинематографическими поделками. Вот что я имею в виду, когда говорю, что кино не самое главное. Сейчас есть попытка поставить все на свои места.

— Что же такое современный кинематограф по отношению к окружающему миру? Какие процессы происходят в нем сегодня?

— В потоке современного кинематографа сосуществуют с равным успехом документальное, игровое, телевизионное и мультипликационное кино и иногда очень влияют друг на друга. Сегодня наметился особый интерес к неигровому кино. Причем этот интерес проявляется и к картинам публицистического характера, и к неигровым картинам художественного порядка, где главным является не просто и ясно сформулированная публицистическая мысль, а нечто более сложное, особая художественная среда. Должен сказать, что, на мой взгляд, ни один из видов кинематографа не несет полной правды. Ведь изображение какого-то события, переместившееся из жизни на экран, лишается уже всех объективных характеристик, какую бы реальность ни отражала сама картина. Поэтому чрезвычайно опасно увлечение публицистическим документальным кино, поскольку оно, в общем, является грандиозным обманом.

Чтобы окончательно прояснить свою мысль, скажу: никогда я не стремился к так называемой «правде» и никогда не хотел свои художественные впечатления выдать за истину в последней инстанции. Все это, безусловно, нечто отраженное — то, что существует внутри меня. И только так. Потому что все, называемое культурой и искусством, несет свой заряд и свою особую, если так можно сказать, «искусственную» правду. Как мне кажется, чем выше произведение искусства, тем дальше оно от жизни и выше ее...

— Какова же роль кинематографа в обыденной жизни?

— На мой взгляд, кинематограф с его направленностью в сторону культуры может развивать в человеке чувство искусства. И, может быть, только эта способность чувствовать и воспринимать искусство, а одновременно быть терпеливым и терпимым, добрым и прощающим — только это может принципиально изменить ситуацию в нашем государстве.

Собственно говоря, общество существует только ради одной цели — гуманитарное, культурное развитие человека. Чтобы люди чувствовали себя людьми. И если это действительно будет признано конечной целью, тогда, я думаю, выход из имеющейся в стране ситуации будет. Пусть это звучит несколько идеалистически.

— Вы много работали в документальном кино. Возвращаясь к тому, что ни один из видов кинематографа не несет, по-вашему, правды о жизни и не является попыткой ее исследования, хочу спросить: каково же тогда, на ваш взгляд, принципиальное различие между документальным и игровым кино?

— Дело в том, что режиссер обязательно должен чувствовать, грубо говоря, какую болезнь и каким образом надо лечить: где-то нужно хирургическое вмешательство, а где-то — осторожная терапия. Документальные средства — это очень сильные, острые, жесткие средства. Если чувствуешь, что ситуация требует, прибегаешь к «инструменту» документальному. А если нужна эстетическая «терапия», возникает так называемая игровая форма.

Если анализировать наше советское кинопроизводство, я полагаю, что темы 95 процентов общего числа игровых фильмов с гораздо большей глубиной и художественностью можно было бы реализовать в документальной форме. Скажем, вместо того чтобы создавать приблизительные картинки об афганской войне, можно было сделать серьезное произведение, затрачивая во много раз меньше средств, если бы снять все это там прямой камерой.

— Скорее всего в представлении массового зрителя игровое кино все-таки нечто отличное от того, что вы говорите...

— Мне кажется, в игровом кино режиссер «играет со зрителем», то есть оно существует для того, чтобы вместе с залом «поработать» с эстетикой — высочайшим качеством визуального искусства — и в чувственном смысле, и в интеллектуальном. Искусство — это нечто такое, до чего, как я себе представляю, надо дотягиваться...

— Большая часть кинопродукции, выходящей на экраны страны, формирует у зрителя представление, что фильм — это «совсем, как в жизни». А ваша картина «Скорбное бесчувствие» предлагает именно «поработать с эстетикой», однако зрители не всегда готовы к этой работе. Картина кажется непонятной и вступает в конфликт с залом, настроенным на «правильное» кино. Какие задачи вы ставили перед собой, снимая этот фильм?

— У картины «Скорбное бесчувствие» сложная судьба. Она была закрыта по распоряжению сверху как формалистическое и аполитичное произведение. Три года мы пытались подпольно ее доснимать. Я определяю эту картину как бенефис модерна. Мне кажется, что начало века — это особая ситуация в культурном и философском смысле для жизни Европы. А модерн — более глубокое, чем обычно принято считать. Это та самая сфера, которая определила и приход к власти новой идеологии, и новую политику войн, и впервые, как мне кажется, декларировала стопроцентную зависимость человека от исторического процесса. В силу усложнения политической жизни исторический процесс стал приближаться к каким-то абсурдным формам, поскольку место разумных стали замещать абсурдные и очень часто человеконенавистнические мотивации. Эта ситуация продолжается и сейчас, и хочется надеяться, что она не настолько безысходна, как иногда кажется. Вот несколько слов о том, что такое «Скорбное бесчувствие». Иногда мне кажется, что мы несколько поторопились с этой картиной, что пока ее не надо было никому показывать. Сегодня акценты понимания этого фильма смещены, существует абсолютное неприятие в профессиональной среде и очень тяжелая жизнь в прокате.

Что же касается стремления к большей ясности... Знаете, в кино имеет очень большое значение, доверяете ли вы изначально тому человеку, чью работу вы смотрите. Если доверяете, то, конечно же, будете искать не только его промахи, но и свои собственные проблемы: если я чего-то не понимаю, то в первую очередь ищу проблему в себе...

В конфликтах наших картин со зрителем я, конечно, вижу в первую очередь недоверие ко мне как к автору. Нежелание и невозможность, может быть, отсутствие условий для того, чтобы выйти на контакт с тем, что я делаю. У меня ведь те же проблемы, что и у окружающих людей, и поэтому я просто не могу говорить о том, что их не интересует. Я часть этого организма, и уверять меня, что я делаю или говорю людям что-то непонятное... Не может быть такого!

— Беспокоит ли вас все же, что ваши фильмы смотрит лишь определенная часть зрителей?

— В любом случае режиссер работает для определенного контингента зрителей. Я работаю для тех людей, у которых не потеряна способность слышать другого человека. Не надо обманывать себя, предполагая, что культура — это нечто демократическое. Культура — это изысканнейшая, элитарная сфера человеческой жизни. И способность к постижению ее зависит не от социального качества человека, а от его духовного, душевного состояния. Все, что связано с культурой, а значит, с человеческим трудом, требует такого же труда в постижении — нужно потрудиться, чтобы быть человеком. Почему кто-то считает, что Леонардо да Винчи — это лестница, по которой можно взобраться на чердак?

— Вы высказываетесь категорически против экранизаций, но все ваши игровые картины основаны на литературных произведениях...

— Да, в течение нескольких лет мы с Юрием Арабовым — автором сценариев всех моих игровых картин — использовали литературный материал. Первая причина этого — тяжелейшие цензурные обстоятельства, когда оригинально написанный сценарий просматривался чуть ли не под микроскопом и в тяжбе можно было провести всю жизнь. Но это не главная причина. Поскольку в искусстве много серьезных проблем, которые говорят о несовершенстве того, что мы делаем, мне лично всегда очень важно опираться на размышления о том, что уже осуществилось в свое время и самим временем, и жизнью доказало свое право называться искусством. Я имею в виду и Андрея Платонова, и Бернарда Шоу, и Флобера. Моя уверенность, что я сам чрезвычайно далек от идеального культурного результата, что я еще нахожусь только где-то на полпути, требует, чтобы надо мной был установлен какой-то контроль, а это те авторы, к помощи которых я прибегаю. Но никогда я не стремился к экранизации их произведений, потому что с литературой соревноваться грешно, с литературой соревноваться бесполезно, бессмысленно, поскольку самой глубокой культурой на сегодняшний момент является литература.

— Но разве в «Одиноком голосе человека» произведение Платонова использовано только в качестве «контроля»? Мне кажется, существует очень крепкая связь между ним и фильмом.

— В этой картине произошло уникальное для меня совпадение моего внутреннего состояния, внутренних проблем с проблемами героев. В ней есть какая-то попытка разобраться в вещах очень простых и в то же время очень сложных. Наверное, самыми простыми и одновременно самыми сложными являются взаимоотношения между мужчиной и женщиной. К сожалению, человеческая жизнь окружена очень большим объемом пошлости. И тяжело бывает даже человеку нравственному перешагнуть через них и жить, стараясь преодолевать обстоятельства, эти пошлости жизни, которые часто основываются на приоритете — гораздо чаще, чем нам бы хотелось,— физических реалий. И это одна из главных проблем духовной жизни человека...

— Вы познакомились с Андреем Тарковским, когда вокруг этой картины возникли сложные обстоятельства...

— Тогда единственным, на кого можно было положиться, оказался он. Трудно было с ним связаться, он вообще вел замкнутый образ жизни. В конце концов нам удалось договориться о встрече, и он посмотрел картину поздно ночью на «Мосфильме». В момент, когда больше всего требовалась нравственная поддержка, мы ее получили именно от него. И, может быть, поэтому мы выдержали и выжили, если называть вещи своими именами. Когда по поводу «Одинокого голоса человека» говорили, что это патология, что это антисоветчина, что это эмигрантская философия, Тарковский первым заговорил об этой картине на совершенно другом языке. Он оценил ее слишком высоко — она не заслуживает такой оценки, как мне кажется, но для нас это значило очень много.

— Почему у фильма «Московская элегия», посвященного Тарковскому, такая печальная судьба?

— Я могу ошибаться в определении причин, но в определении следствия могу с ответственностью сказать, что очень часто нас не любят прокатчики, они вообще не любят кино. Они не любят человеческие души, поэтому желания работать с кинематографом в прокате мало. Это тенденция современного проката не только советского, но и зарубежного. Но советского — в гораздо более трагичной форме, потому что духовные потребности народа гораздо более велики, чем предполагают люди, занимающиеся прокатом.

— Ваша картина «Дни затмения» пошла в кинотеатрах и вызывает у многих, видевших ее, желание услышать режиссерский комментарий к ней.

— Наверное, сложность заключается в том, что режиссер, если он занимается искусством, свое произведение создает в течение всей жизни. Для того чтобы объяснять, нужно ход этих часов остановить, создать ситуацию, когда художник уже больше не работает. Расшифровывать очень опасно, потому что картина продолжается, и, если вы думаете, что она окончательно осмыслена мной, то вы ошибаетесь. Я живу с этими проблемами, и только часть их нашла отражение в этой картине. А часть этих же мыслей, этой человеческой истории каким-то образом нам удалось представить в новой картине «Спаси и сохрани». И, может быть, только после этой новой картины можно понять и прочувствовать

«Дни затмения», а может, надо вернуться к фильму «Ампир» или к «Одинокому голосу человека». Какие-то сложные, протяженные эмоции, которые должен создавать кинематограф, будут продолжать жить в человеке, если сохранится некая степень таинственности и содержания, и образа.

— Создается впечатление, что вы вообще редко бываете удовлетворены результатами своей работы. В чем причина?

— Я бы мог высказать столько претензий к собственным картинам, что, думаю, самые велеречивые киноведы просто бы померкли. Мы знаем прекрасно недостатки своих картин. К тому же кинематограф — явление экономическое: организация производства, отсталая технология оказывают большое влияние на всех работающих в кино. Я не знаю такого режиссера или оператора, который не испытывал бы гнетущего отсутствия денег и нормальных технологических условий.

— Чем вы объясняете неприятие ваших картин в профессиональной среде? Какова ваша реакция на критические статьи?

— Я стараюсь не читать их, потому что в рецензиях очень много зла: зла в помыслах, зла в контекстах, ложь. Но главное — это то, что во многих районах страны после таких статей картины снимают с экрана, и там не увидят ни «Дни затмения», ни «Скорбное бесчувствие», ни другие фильмы.

В воображении подавляющего большинства советских критиков кинематограф является лишь некой сантехнической системой, которая спускает все социальные нечистоты. Подавляющее число критиков не предполагает, что помыслы авторов могут быть просто чисты, и они на самом деле думают то, что показывают, и ничего в подтекст не убирают. А советское киноведение ориентировано на то, чтобы непременно прочесть что-то такое между строк. А когда этого нет, начинаются очень своеобразные домыслы.

Кроме того, должен сказать, что наше киноведение, наверное, самое нефилософское киноведение в мире. Большинство критиков «ушиблено» социальной проблематикой и никак не может выйти за ее пределы.

— Как человек, испытавший на себе серьезное давление государственных органов, что вы можете сказать о взаимоотношениях художника и государства?

— Я считаю, что эти отношения принципиально антагонистичны, потому что у государства и у художника совершенно разные задачи. Художник стоит за то, чтобы сделать человека добрее, терпеливее, терпимее ко всему — к ближнему, к разным идейным позициям. А государству нужен не размягченный, а жесткий человек, ему нужна дисциплина и стройность рядов. В определенном смысле это необходимость, поэтому конфликты художников и государства будут продолжаться. Искусство и культура были и останутся субъективными, а государство всегда поощряло тенденции объективные. Но государство все-таки должно идти в сторону гуманизации.

— Сейчас вам работается легче?

— Жизнь в «подполье» была для меня гораздо более легкой, чем сейчас, потому что многих моих коллег не устраивает, что я становлюсь определенной реальностью как режиссер. Существует ошибочное представление, что я собираюсь занять чье-то место. В искусстве нет никакой конкуренции. Я знаю, что я режиссер, который будет всю жизнь заниматься в той или иной степени камерным кинематографом. У меня нет ни к кому из моих ровесников абсолютно никакой зависти, потому что я знаю: то, что я делаю, делаю только я. У каждого из нас есть свое место. Ведь культура — это соты, а их — бесконечное количество. Надо только заполнять...

Беседу вела Ирина МОРОЗОВА.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Перед самой войной наркомом стал Тимошенко.

Я не знаю, как развернул свою работу Тимошенко, но я думаю, что она была организована лучше, чем до него, когда возглавлял наркомат обороны Ворошилов. Я не говорю о том, насколько Ворошилов знал глубоко военную работу и военное дело, но слава о нем шла как о человеке, который больше позировал перед фотообъективами, киноаппаратами и в мастерской Герасимова, чем занимался вопросами войны...

Нового командующего Киевским военным округом генерала Кирпоноса я совершенно не знал до его назначения к нам. Когда он пришел и принял дела, я с ним, конечно, познакомился, потому что я был членом Военного Совета. Но я ничего не мог сказать о нем ни хорошего, ни плохого. Только лишь одно меня беспокоило — чтобы с уходом Тимошенко не ослабла военная работа.

Я очень высоко оценивал деятельность Тимошенко как командующего Киевским военным округом. Он человек волевой и пользовался авторитетом среди военных. Он имел характер, который необходим каждому руководителю и особенно военному. Авторитет у него был большой — герой гражданской войны, командир одной из дивизий 1-й Конной армии — и прочная слава, заслуженная.

После Тимошенко пришел Жуков. Я тоже был доволен, очень доволен Жуковым. Он меня очень радовал своей распорядительностью и своим умением решать вопросы. Это меня успокаивало: хороший командующий, как мне казалось. Война подтвердила, что он действительно хороший командующий. Я продолжаю так считать, несмотря на резкие расхождения с ним в последний период, когда он стал министром обороны, к чему я приложил все свои усилия и старания. Он неправильно понял свою роль, и мы вынуждены были освободить его с поста министра, осудить его замыслы, которые он, безусловно, имел и которые мы пресекли. Но как военного во время войны я его очень высоко оценивал и сейчас ни в какой степени не отказываюсь от этих оценок. Я об этом говорил и Сталину во время войны и после войны, когда Сталин уже изменил свое отношение к Жукову и Жуков был в опале...

В Киевском военном округе (может быть, от меня что-нибудь скрывали, но так докладывали тогда, а я верил и верю и сейчас, что это была правдивая информация) немец нигде не смог использовать внезапность для нанесения удара по авиации, танкам, артиллерии, складам и другой военной технике. Потом нам сообщили, что немецкая авиация бомбила Одессу, Севастополь и еще какие-то южные города.

Когда мы получили сведения, что немцы открыли огонь, то из Москвы были даны указания не отвечать огнем. Это было странное указание, и объяснялось оно тем, что это, мол, возможно, какая-то диверсия местного командования немецких войск, провокация, а не выполнение директивы Гитлера. Это говорит о том, что Сталин настолько боялся войны, что, даже когда немцы уже открыли огонь, он сдерживал наши войска, чтобы они не отвечали...

Когда мы сообщили Сталину, что уже бомбили Киев, Севастополь и Одессу, что не может быть и речи о местной локальной провокации немецких военных на каком-то участке, а что это действительно начало войны, только после этого Сталин сказал: «Да, это война, и военным надо принять соответствующие меры»...

Война началась, но каких-нибудь заявлений правительства или лично Сталина не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом в воскресенье днем выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом выступлении сейчас вряд ли нужно, потому что все это уже описано и все могут ознакомиться по газетам того времени. То, что выступил Молотов, а не Сталин, тоже заставляло людей задумываться.

Сейчас я знаю, почему Сталин не выступил. Он, видимо, был совершенно парализован в своих действиях, не мог собраться с мыслями. Потом уже, позже, после войны, я узнал, что в первые часы войны Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее. Когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Я не знаю, все ли, или определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин был совершенно подавлен морально. Он сделал примерно такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Он буквально так и выразился, по словам Берия. «Я,— говорит,— отказываюсь от руководства». И ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу.

«Мы,— говорит Берия,— остались. Что же дальше? После того, как Сталин так себя повел, прошло какое-то время. Мы посовещались с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым. (Хотя был ли Ворошилов, я не знаю, потому что в это время он был в опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии.— **Н. Х.**) Посовещались и решили поехать к Сталину и вернуть его к деятельности с тем, чтобы использовать его имя и его способности в организации обороны страны.

Мы поехали. Когда мы приехали, то я по лицу видел, что Сталин очень испугался. Я думаю, он подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает по организации отпора немецкому нашествию.

Когда мы стали его убеждать, что страна наша огромная, что мы еще имеем возможность организоваться, мобилизовать промышленность, людей, одним словом, сделать все, чтобы поднять и поставить на ноги народ в борьбе против Гитлера, только тогда Сталин вроде опять немножко пришел в себя. Распределили, кто за что возьмется по организации обороны, промышленности и прочее»...

Позднее, в июле или в августе, меня вызвали в Москву. У нас было тяжелое положение. Я ничего не мог добавить к тому, что было известно Сталину, правительству и Генеральному штабу. Когда я приехал, мне сказали, что Сталин находится на командном пункте. Командный пункт тогда был на станции метрополитена у Мясницких ворот. Я пришел туда. Там стояла кушетка. Сталин сидел на кушетке один. Я подошел, поздоровался. Он был совершенно неузнаваем. Какой-то вялый, апатичный, а глаза у него были, я бы сказал, жалкие такие, просящие.

Я ему обрисовал обстановку, которая у нас сложилась, как народ переживает, какие у нас недостатки. Нет оружия. Нет даже винтовок, а немцы нас бьют.

В самом начале войны, в первые дни на участке Киевского особого военного округа сложилось тяжелое, но отнюдь не катастрофическое положение.

У нас в резерве были два танковых корпуса, а армия Конева должна была вот-вот начать разгружаться.

По указанию Ставки мы решили нанести контрудар по наступающим немецким войскам. Против нас стоял Гудериан.

Танковые корпуса мы тогда бросили против Гудериана. Я не помню, знали ли мы, что это Гудериан, но мы считали, что наши два корпуса справятся и мы восстановим положение. В это время и Конев начал разгружаться. Я позвонил Сталину, чтобы он нам разрешил привлечь армию Конева к атаке на этом участке.

Сначала он согласился, а потом перезвонил и приказал: «Немедленно грузите армию Конева и отправляйте в Белоруссию». В результате наши два корпуса были разбиты, были разбиты и другие наши войска. Немец получил возможность шествовать на Киев, а наш штаб все еще сидел под Тернополем. Нам позвонил Сталин и сказал, чтобы мы снимались и отступали. Где-то в тылу был оборудован железобетонный бункер командующего. Это уже за старой нашей границей. Его, наверное, еще Якир строил.

Мы приехали в этот городок около Каменец-Подольска на рассвете и сейчас же получили указание: не разворачивать штаба, а отступать до Киева и в Киеве уже развернуть штаб и организовать оборону. Мы были удивлены: как это так — сразу к Киеву? Поехали. Мы не могли тогда сказать, что разобьем немцев — войск-то у нас не было.

Когда мы отошли к Киеву, немцы сожрали остатки наших войск. Мы потеряли артиллерию и танки, у нас не было пулеметов. Основные наши силы — два танковых корпуса — были разбиты главным образом с воздуха. Немцы летали безнаказанно, и у нас не было ничего, чем можно было бы защищаться. Войска 6-й и 10-й армий, когда противник взялся за них, стали отступать неорганизованно. Он все время держал их в полукольце, и они не имели маневренности. А это самое главное для войск. Эти армии, конечно, не распались, они защищались и даже нанесли удар противнику в направлении Бронниц.

Две армии отступали в направлении

Продолжение. Начало см. в №№ 27, 28, 30.

южнее Киева, в район севернее Умани. Тут их окружили. Сошлись два штаба: Понеделина и командующего 6-й армией. Командующий 6-й армией Потапов был ранен. Когда подъехали немцы, Понеделин вышел из помещения и сказал, что сдается в плен. В то время мы еще не знали немцев и зачастую пытались вести войну по всем правилам.

Это была, конечно, глупость, что фронт лишили инициативы в использовании войск по своему усмотрению. Вмешательство Генерального штаба получилось таким же, как у Швейка: все было хорошо, пока не вмешался Генеральный штаб.

Вот так и погибли наши войска. У нас ничего не было. По одному начали выходить из окружения генералы. Пришел Попель, пришел Власов с кнутом, но без войск. Попель вернулся недели через две или через три. Он прошел лесами Полесья, там немцев не было. Они шли большими дорогами. Попель даже вывез раненого полковника и вывел небольшое количество войск.

Когда у нас сложились такие тяжелые условия, мы с командующим приняли меры для перегруппировки войск и уточнения направления главного удара против войск противника, который наступал на Броды. Для того чтобы этот приказ был вовремя получен командующим танковым корпусом Рябышевым и командующим второго корпуса, фамилию которого я забыл, мы решили послать члена Военного Совета, чтобы он вручил сам эти приказы, где было изложено направление удара. Этот член Военного Совета выехал в корпуса.

Я этого человека мало знал. Он к нам пришел из Ленинграда перед самой войной. Хорошее впечатление производил — молодой еще человек, очень подтянутый, элегантный. Одевался он со вкусом, и внешность у него была привлекательная. Ну зато уж и характер у него! Мне говорили военные, что он с претензиями. Он низко ценил командующего Киевским военным округом и считал, что он выше его и сам мог бы с пользой выполнять функции командующего Киевским военным округом. Вряд ли он кому-нибудь говорил так. Это было умозаключение людей, работавших в штабе. Ну, мало ли что бывает, какие у кого желания. Это было его личное мнение. А вообще-то он занимался своим делом. Я присматривался к нему. Это был неглупый человек. Поэтому ничего плохого я не имел против него и не мог иметь...

...Он уехал в войска. А вернулся он оттуда рано утром и пришел ко мне. Вид у него был страшно возбужденный, что-то его очень взволновало. Он пришел в момент, когда никого в комнате не было, все вышли, и сказал мне, что решил застрелиться.

Я спросил: «Ну, что вы? К чему вы такие глупости говорите?»

«Я виноват в том, что дал неправильные указания командующим танковыми корпусами. Я не хочу жить», — отвечает.

Я говорю: «Позвольте, как это? Вы приказ вручили?»

«Да, вручил».

«Так в приказе там сказано, как им действовать, как использовать танковые корпуса, а вы здесь при чем?»

«Нет,— говорит,— я дал им устные указания, которые противоречат этому приказу».

Я говорю: «Во-первых, вы не имели права делать этого. Но если вы дали указания, то все равно командующие не имеют права руководствоваться ими. Они должны выполнять указания, которые изложены в приказе и подписаны командующим фронтом и членами Военного Совета. Другие указания не являются действительными для командиров корпусов».

«Нет, я там...» — стал он что-то бормотать в ответ.

Одним словом, я вижу, что он затевает со мной неуместный спор, ничем не аргументированный. Он в каком-то шоковом состоянии. Я думал, что если этого человека не уговаривать, а более строго с ним поступить, то это может вывести его из шока. Он встряхнется и вернется в нормальное состояние.

Я поэтому говорю: «Что вы глупости говорите! Если решили стреляться, что же вы?!!»

Я хотел сдержать его некоторой резкостью, чтобы он почувствовал, что делает преступление в отношении себя. А он вытаскивает пистолет, подносит его к своему виску, стреляет и тут же падает. Я вышел. Охрана ходила по тропинке около домика. Позвал охрану. Приказал срочно взять машину и отправить в госпиталь. Он еще был жив, но быстро умер.

Потом мне рассказывал его адъютант, что когда он приехал с фронта, то был очень взволнован, часто бегал в туалет. Я думаю, что это не в результате потребности, а он, видимо, там хотел покончить жизнь самоубийством. Бог его знает. Я не могу сейчас определить его умонастроение. Но перед тем, как он пришел ко мне и застрелился, он разговаривал с людьми, которые непосредственно с ним соприкасались. Он считал, что все погибло, отступаем, все идет, как во Франции. «Мы погибли»,— вот его слова. Я считаю, что это и привело его к тупику и единственный выход, который он видел: покончить жизнь самоубийством, что он и сделал.

Я потом написал Сталину шифровку, где передал наш разговор.

Факт показательный, говорящий о том, что даже член Военного Совета, который занимал такое высокое положение, дрогнул, потерял уверенность в возможности отразить гитлеровское нашествие. К сожалению, это был не единственный случай. Были такие случаи и с другими командирами. Вот какая была обстановка. Мы еще и 10 дней не находились в состоянии войны...

...Обстановка у нас была тяжелейшая. Шутка ли сказать, противник подошел к Киеву, вышел на Ирпень. В городе была паника. Это естественно. Помню, как ночью (я на лавочке сидел) ко мне подошел командующий воздушными силами Киевского военного округа генерал Астахов. Очень порядочный, добросовестный человек. Степенный такой, тучный. От него буквально веяло спокойствием.

Он пришел и говорит: «Лишились в этих боях почти всей авиации. Сейчас противник нам не дает носа показать».

И заплакал, разрыдался. Мимо военные проходили. Я его начал успокаивать.

Потом прикрикнул на него: «Успокойтесь, товарищ Астахов! Посмотрите, ходят люди, увидят генерала в таком состоянии. Нам надо воевать и, следовательно, надо владеть собой».

На него это как-то подействовало, но он долго еще не мог прийти в себя. Это был кадровый военный и очень знающий свое дело человек. Но он так был уверен, как и все другие, что мы неприступны, что наша граница «на замке», как тогда в песнях пели, и что воевать мы будем на чужой территории. И вдруг мы через несколько дней оказались под Киевом, да еще и в таком положении, что Киев держать нечем, сил нет, нет ни вооружения, ни солдат...

Все свои силы мы направили на организацию обороны Киева.

Для защиты Киева мы решили создать армию, ее назвали 37-й. Стали искать командующего. Нам с Кирпоносом предложили целый ряд генералов, которые потеряли войска и были в нашем распоряжении. Среди этих генералов очень хорошее впечатление производил генерал Власов. И мы с командующим решили назначить Власова. Отдел кадров Киевского военного округа его тоже рекомендовал и дал преимущественную перед другими характеристику...

...Я все-таки решил спросить Москву. Мы тогда находились под впечатлением, что везде враги народа и особенно в военном деле. Я решил спросить Москву, какие имеются документы, как характеризуется Власов, можно ли ему доверять и назначить на пост командующего армией, которая должна защищать Киев. Войск-то нет. Их еще надо собрать, а все это должен делать командующий.

Я позвонил Маленкову, поскольку больше звонить было некому. Но так как Маленков в ЦК занимался кадрами, то это был его вопрос. Он сам ничего не знал, но люди, которые в Генеральном штабе занимались кадрами, должны были ему сказать свое мнение.

Я его спросил: «Какую характеристику можно получить на Власова?»

Маленков мне сказал: «Ты просто не представляешь, что здесь делается. Никого и ничего. Ни от кого и ничего нельзя узнать. Поэтому бери на себя полную ответственность и делай, как сам считаешь нужным».

При таком положении у нас никаких данных тоже не было, но военные его рекомендовали. Поэтому с командующим решили назначить его. Назначили Власова командовать 37-й армией...

БАРВЕНКОВО

В скором времени у нас зародилась идея провести наступательные операции в районе Барвенкова.

Когда операция была разработана, предстояло доложить ее Москве: Сталину и Генеральному штабу — с тем, чтобы получить «благословение», а главное, получить нужное количество войск и боеприпасов. Мы с командующим были вызваны в Москву. В Москве Сталин нас выслушал. Сделали доклады маршал Тимошенко и начальник штаба Богин. Мы получили «благословение» на наступление, но, к сожалению, обеспечение, которое просили, получили далеко не полностью.

Наметили эту операцию то ли на конец декабря, то ли это уже было в 1942 году в январе. Для ведения операции оперативный штаб перенесли ближе к линии фронта, чтобы улучшить связь с войсками. Мы расположились в большом селе Сватово-Лучко.

Я это село знаю, потому что в 1919 году мы его тоже занимали. Богатое село, хорошее, крепкое.

Для проведения этой операции нам дали, я помню, 3 кавалерийских корпуса. Одним корпусом командовал генерал Бычковский. Человек в летах и с опытом. Он воевал в гражданскую войну в кавалерии. Другим корпусом командовал Гречко. Сейчас он министр обороны. Это был самый молодой из командующих корпусами. Третий командующий был человек в летах. Я его фамилию сейчас просто забыл, хотя я его хорошо знал.

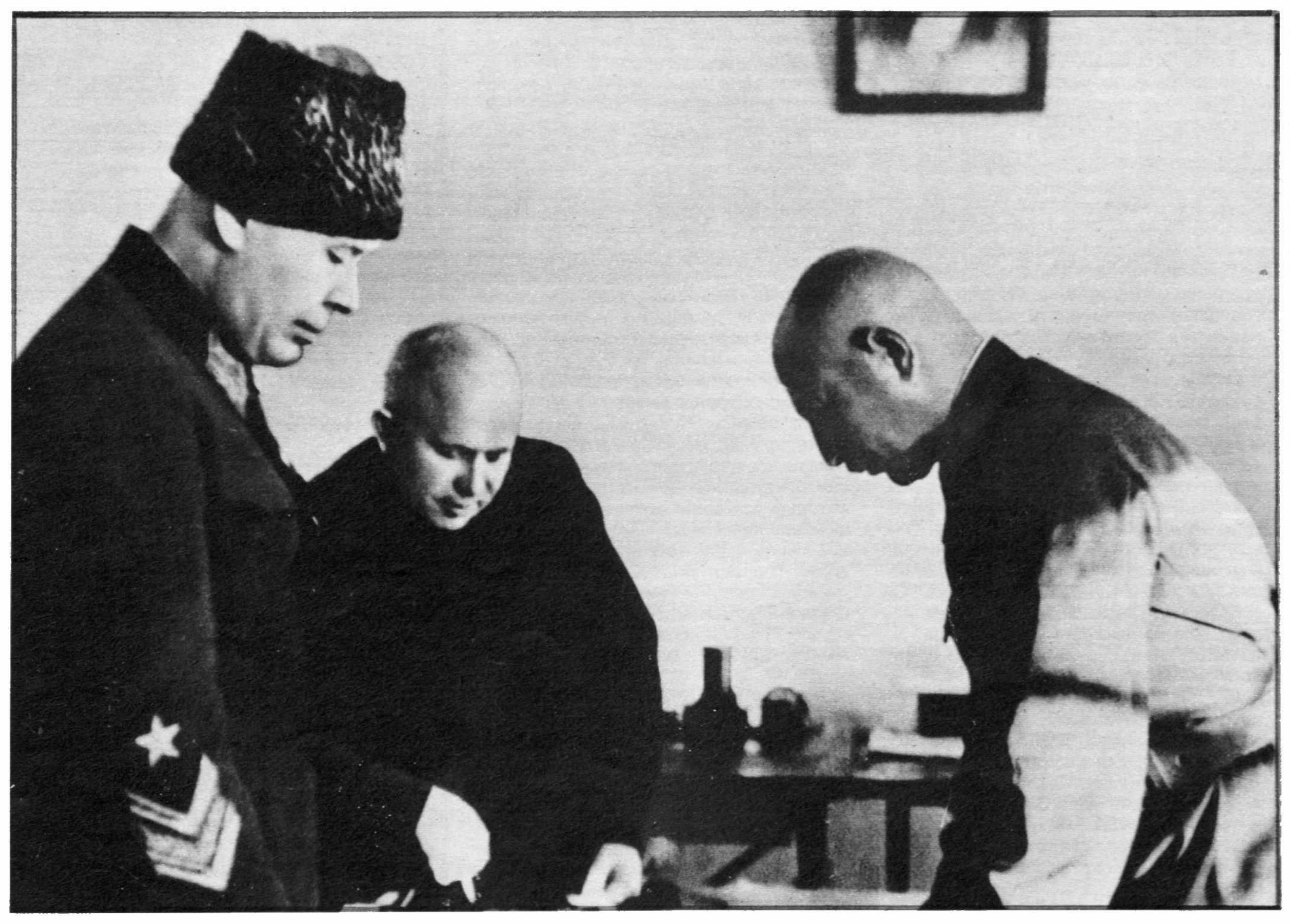
...Началась операция. Был прорван передний край противника, двинулась наша кавалерия. Были ли у нас тогда танки? Видимо, были, но я сейчас твердо этого не помню. Главной пробивной и подвижной силой была кавалерия. И мы довольно быстро продвинулись вперед, заняли Лозовую и пошли дальше на запад, на довольно большую глубину.

Но, к сожалению, фланги противник держал. На левом фланге нашей наступающей группировки немцы удержались в районе Маяки. Это село на Донце, недалеко от Славянска. Правый фланг они тоже удержали.

Таким образом, получилась дуга с небольшим разводом концов и большой глубиной на запад. Мы тогда радовались, что такие возможности получили. Мы надеялись эту дугу, как говорится, разогнуть и расширить плацдарм. У нас была заманчивая идея освободить

Перед началом войны. Немецкие солдаты у советской границы.

Маршал С. К. Тимошенко, член Военного Совета Н. С. Хрущев и начальник штаба Юго-Западного фронта И. Х. Баграмян. Воронеж, ноябрь 1941 г.

к весне Харьков. Но операция была приостановлена, потому что мы уже выдохлись, не могли дальше наступать.

Мы захватили большие трофеи, но трофеи несерьезного характера... Мы перешли к обороне и прекратили наступательные операции.

Штабные работники — товарищ Богин, товарищ Баграмян и другие — стали подсчитывать и примерять наши возможности для дальнейшего наступления с тем, чтобы освободить город Харьков. Был намечен такой план: главный удар нанести противнику весной на дуге, которую мы создали южнее Харькова, а вспомогательный удар меньшими силами севернее Харькова и таким образом, взяв Харьков в клещи, освободить его. Мы, когда планировали, были уверены, что эта операция у нас получится, мы решим задачу и откроем весенне-летние военные действия таким эффектным результатом, как освобождение города Харькова, крупнейшего промышленного и политического центра.

Мы понимали, что проведению такой операции грозит опасность, так как противник имеет довольно глубокий на нашем фланге плацдарм. Небольшой плацдарм, но довольно тревожный, потому что он мог быть использован для удара во фланг нашим наступающим войскам. Это с одной стороны.

С другой — оставалась группировка, которая находилась в селе Маяки. Немцы очень упорно держались за эти пункты. Там нами предпринимались несколько раз усилия освободить Маяки, прощупать противника, но все безрезультатно: мы теряли войска и не могли продвинуться и ликвидировать немецкий плацдарм. Там какая-то речонка впадала в Донец. На южном берегу этой речонки и был выступ, где сосредоточился противник. Мы боялись этого участка...

Наша неопытность, неопытность наших командующих сказалась в том, что, хотя мы не смогли взять этот плацдарм, было решено начинать наступление, пренебрегая возможностью флангового удара противника.

Мы считали, что ударим на запад, окружим Харьков и этот участок потеряет свое назначение и падет сам собой в результате продвижения наших войск на главных направлениях. Как потом показала практика, это было роковой недооценкой значения этих плацдармов.

Противник удерживал плацдармы и имел свои планы по окружению группировки войск, которая была введена в дугу, образованную в зимнем наступлении. Это было самое короткое расстояние между флангами, откуда можно было окружить наши войска. Но тогда мы недооценили опасности и начали готовиться к весенне-летней операции.

Основные силы на этом направлении у нас были: 6-я армия под командованием Городнянского и 57-я армия, куда мы назначили командующим генерала Подласа. Это очень интересный человек с интересной судьбой.

Трагично сложилась его жизнь.

Во время хасанских событий он был на Дальнем Востоке и действовал там против японцев. Ему не повезло. Поехал туда Мехлис. Мехлису он не понравился. Тот посчитал его предателем и изменником. Сняли его с работы и посадили в тюрьму. Он сидел в тюрьме. Выпустили его, когда началась война. К нам он явился, когда мы были в Киеве. Он еще не был переаттестован и носил старую генеральскую форму с ромбами.

Сначала, когда он приехал, представился, назвал свою фамилию, я спросил, кто же он такой по национальности. Недостаточно выражена его национальность по фамилии.

«Я сам украинец из Черниговской области».

Мы его использовали для поручений. Он очень четкий человек. Куда его ни посылали, он всегда разбирался. Он произвел очень хорошее впечатление.

В результате его назначили командующим 57-й армией. Армия эта была укомплектована неплохо, потому что к моменту ее формирования мы получили дивизию и несколько маршевых рот и батальонов.

Кроме 6-й и 57-й армий, мы создали тут довольно усиленную конную группу. Командовать кавалерией назначили генерала уже в летах, старого вояку гражданской войны. Фамилию его я не помню сейчас. Он погиб. Остался в окружении и погиб. С ним был подросток — его сын. Он тоже погиб.

Кроме того, мы получили танковые бригады, противотанковые бригады. Все, что по тому времени могли дать, нам дали, хотя далеко не все, что мы просили.

Мы согласились проводить операцию и этими средствами. Да и никогда Верховное Командование полностью не удовлетворяло фронт для ведения той или иной операции. Всегда одна сторона просит как можно больше, а другая сторона дает как можно меньше. Начало этой операции мы планировали на апрель. К тому времени подсохла земля и можно было проводить операцию.

Мы много раз выезжали в войска с маршалом Тимошенко. Заслушивали на месте командующих 6-й и 57-й армиями.

Мы большие надежды возлагали на эту операцию. Мы были подбодрены удачным наступлением в конце года на Ростовском направлении, операцией в районе Ливен, Ельца и главное — победой под Москвой. Мы не сомневались, что и эта операция у нас пройдет удачно...

Операция началась очень удачно. Мы быстро взломали передний край противника, и наши войска двинулись вперед. Но нас озадачило, что мы слишком легко преодолели передний край противника. Мы скоро убедились, что против нас почти нет сил. Следовательно, мы сами лезли в какую-то расставленную для нас ловушку...

Противник тоже готовился к весенне-летней кампании. Мы рассматривали ситуацию и предположили, что противник сейчас сосредоточил свою группировку на нашем левом фланге, на участке, который входил в состав Южного фронта в районе Славянска. Мы ждали, что отсюда он ударит нам во фланг. Это было очень опасное направление.

Нам стало ясно, что не случайно немцы, несмотря на большие потери, защищали и не уступили ни одного населенного пункта в этом районе. Видимо, уже тогда они имели свой план ликвидации ударом во фланг выступа, который мы образовали в зимней кампании. Главный удар был с юга.

Мы тогда решили приостановить наше наступление, потому что оно отвечало планам нашего врага. Чем мы глубже будем вклиниваться, продвигаться на запад, тем больше растянем свою линию и разжижим войска. Ослабим и обнажим свой левый фланг и создадим условия для более легкого прорыва немцев, окружения и уничтожения наших войск.

Мы остановили наступление. Отдали приказ вывести танковые и противотанковые бригады, артиллерию. Одним словом, мы стали перекантовывать свои войска на открытый левый фланг. Мы считали, что это единственная возможность, единственное правильное решение при сложившихся обстоятельствах. На севере ничего не предпринимали и продолжали там операцию. Но операция успеха не имела.

Мы раскрыли замысел противника, но, к сожалению, поздно...

Я не помню, кому принадлежала инициатива в организации этой операции. Потом Сталин меня обвинял, говорил, что она была проявлена мной. Я не отрицаю. Возможно, что это я проявил инициативу. Потом я Сталину говорил: «А командующий? Мы же с командующим принимали решение».

«Ну,— говорит,— командующий поддался».

Я говорю: «Командующий поддался?! Вы же знаете Тимошенко. Тимошенко очень трудный по своему характеру человек, и чтобы он согласился с кем-то, если придерживается другого мнения? У нас, как говорится, тихо и гладко было принято решение».

Это говорит о том, что командующий был такого же мнения, как и я. Штабные работники, и Баграмян тоже, были такого же мнения. Начальником оперативного отдела у нас был товарищ Баграмян. Баграмян и разрабатывал эту операцию. Она рассматривалась в Генеральном штабе и там тоже была одобрена. Так что это был не только плод размышлений нашего Юго-Западного направления, но решение было опробировано и военными специалистами Генерального штаба. Здесь была единая линия, единое понимание и единая вера в успех.

И вдруг мы прекратили проведение этой операции и стали предпринимать шаги к построению обороны. То есть от наступления мы стали переходить к обороне. Отдали все распоряжения, и я пошел к себе. Это уже было, наверное, часа три утра. Стало светать. Я пришел к себе, но еще не разделся.

Вдруг открывается дверь, заходит ко мне товарищ Баграмян, очень взволнованный, и говорит: «Я к вам, товарищ Хрущев».

Он был очень взволнован и даже заплакал.

«Вы,— говорит,— знаете, наш приказ отменен Москвой. Я уже отдал указание об отмене нашего приказа».

Я говорю: «Как это? Кто это мог отдать приказ?»

«Я не знаю, кто, потому что разговаривал по телефону маршал. После окончания разговора он мне отдал распоряжение отменить наш приказ, а сам

пошел спать. Больше он мне ничего не сказал. Я совершенно убежден, что отмена нашего приказа и приказ на продолжение операции приведет в ближайшие дни к полной катастрофе и гибели наших войск на этом выступе. Я очень прошу вас лично поговорить со Сталиным. Единственная возможность спастись в том, что вам удастся убедить товарища Сталина утвердить наш приказ и отменить свое указание об отмене нашего приказа и свой приказ о продолжении проведения операции. Если вам не удастся этого сделать, то наши войска погибнут».

В таком состоянии я Баграмяна никогда не видел.

Он человек разумный, вдумчивый. Он мне нравился. Я просто, как говорится, был влюблен в этого молодого полковника. За его трезвый ум, за его партийность и за его знания военного дела. Он человек, я бы сказал, неподкупный в смысле авторитетов. Если он не согласен, он скажет, обязательно скажет. Это я замечал несколько раз, когда мы обсуждали ту или другую операцию. Если вышестоящие люди, занимающие главное, так сказать, положение в штабе, начинали доказывать то, с чем он не был согласен, он очень упорно отстаивал свое мнение. Мне очень нравилось это его качество.

Я об этом много раз и Сталину говорил и давал этим людям отличную характеристику.

Я выслушал. Меня это сообщение буквально огорошило. Я полностью был согласен с Баграмяном. Мы же приняли решение, исходя как раз из тех соображений, которые мне повторял Баграмян.

Но я знал Сталина и представлял себе, какие трудности ждут меня в разговоре с ним.

Повернуть понимание Сталина надо, чтобы Сталин поверил нам, а он уже нам не поверил, раз отменил наш приказ. Он не поверил, следовательно, сейчас надо доказывать, что он не прав, заставить его усомниться и отменить свой приказ. Я понимал самолюбие Сталина, его характер, я бы сказал, зверский характер в этих вопросах. Тем более по телефону.

Мне не раз приходилось вступать в спор со Сталиным по тому или другому вопросу в гражданских делах. Мне иногда удавалось убедить его. Хотя Сталин огонь и воду метал, я настойчиво продолжал доказывать, что надо так-то поступить, а не эдак. Сталин в другой раз не принимал моей точки зрения в данную минуту, но проходил час, а бывало и дни проходили, он возвращался к этой теме и соглашался. Мне нравилось в Сталине, что он способен другой раз в конце концов изменить свое решение, если убеждался в правоте собеседника, который настойчиво ему доказывал свою точку зрения и если эти доказательства имели под собой почву. Он соглашался. Со мной бывало и до войны, и после войны, когда по отдельным вопросам мне удавалось вот так добиваться согласия Сталина. Но этот случай был просто бесперспективным, роковым. Я не питал никаких надежд на удачу. С другой стороны, я не мог отказаться от самых настойчивых попыток не допустить катастрофы. Я понимал, что выполнение приказа Сталина — это катастрофа для наших войск, для нашей группировки.

Не знаю, сколько минут я обдумывал все это. Тут же со мной рядом все время находился товарищ Баграмян. Я решил позвонить в Генеральный штаб.

Было уже поздно, совсем светло. Я позвонил. Мне ответил Александр Михайлович Василевский. Я Василевского стал просить: «Александр Михайлович, отменили наш приказ, нам предложили выполнять задачу, которая утверждена в этой операции».

«Да,— говорит,— я знаю. Товарищ Сталин отдал распоряжение. Поэтому я в курсе дела».

«Александр Михайлович, как военный человек, вы изучаете по картам расположение наших войск и концентрацию войск с другой стороны. Вы более конкретно представляете себе, как сложилась сейчас обстановка. Конкретнее, чем ее представляет товарищ Сталин».

Я видел, как Сталин другой раз, когда мы приезжали, брал политическую карту. Даже когда-то с глобусом пришел и показывал линию фронта. Это убийственно. Это просто невозможно. Поэтому он не представлял себе всего. Он только видел, где, в каком направлении мы бьем врага. На какую глубину мы продвинулись, каков наш замысел — это все, конечно, хорошо знал. Но в результате выполнения принятого замысла этой операции в осложнения, какие мы получили, он не мог вникнуть. Он мог не проанализировать и не взвесить, почему мы отменили приказ. Как показала жизнь, он этого и не сделал.

Я говорю: «Возьмите карту, Александр Михайлович, поезжайте к Сталину».

Он говорит: «Сталин сейчас на ближней даче».

«Вы поезжайте. Он вас всегда примет. Война же идет. Вы с картой поезжайте, с картой, где видно расположение войск, а не такой картой, где пальцем можно закрыть целый фронт. Сталин увидит конфигурацию расположения войск, концентрацию противника, и он увидит, что мы совершенно разумно сделали: отдали приказ о приостановлении наступления и перегруппировке наших главных сил, особенно бронетанковых, на левый фланг. Сталин согласится».

«Нет, товарищ Хрущев, нет. Товарищ Сталин отдал распоряжение. Товарищ Сталин!»

Люди, которые с Василевским встречались, знают, что говорил он таким ровным, монотонным голосом.

Мы перестали разговаривать с Василевским, и я положил трубку.

Опять стал обдумывать, что же делать. Брать трубку и звонить Сталину? Она меня обжигала, эта трубка. Обжигала не потому, что я боялся Сталина. Нет, я его не боялся. Я боялся того, что это может быть роковой звонок для наших войск. Если я ему позвоню, а Сталин мне откажет, то никакого другого выхода не будет, как только продолжать эту операцию. А я был абсолютно убежден, что это начало конца, это начало катастрофы наших войск на этом участке фронта. Поэтому я, как кот к горячей каше, прикладывался к этой трубке и рефлекторно отдергивал руку.

У меня были очень хорошие отношения с товарищем Василевским. Я к нему относился с уважением. Я решил позвонить еще раз Василевскому.

Позвонил и опять стал просить его: «Александр Михайлович, вы же отлично понимаете, в каком положении находятся наши войска, вы же знаете, чем может это кончиться. Вы себе представляете все, и поэтому единственное, что нужно сейчас сделать, это разрешить нам перестройку, перегруппировку наших войск, то есть претворить наш последний приказ, который отменен Ставкой. Иначе войска погибнут. Я вас прошу, Александр Михайлович, поезжайте вы к товарищу Сталину, возьмите вы карту».

Одним словом, я начинал повторять те же доводы. У меня других не было...

Он ровным голосом, я себе хорошо сейчас тон представляю, ответил: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин дал распоряжение. Товарищ Сталин вот то-то и то-то».

Не мог же я по телефону доказывать Василевскому, что для меня не является авторитетом в данном случае Сталин. А это уже вытекало из того, что я говорил, раз я апеллирую к Василевскому и прошу его взять соответствующую карту, пойти и доложить Сталину.

Очень опасный для меня момент. В это время Сталин уже начинал себя рассматривать таким, знаете, военным стратегом.

После того как он очнулся от первых неудач, когда он в первые дни войны ушел от руководства и сказал: «Государство, что Лениным создано, вы просрали».

Теперь он начал набирать силу героя, хотя я знал, какой он герой, по первым дням войны и предвоенному периоду.

Но что я мог сделать? У меня никаких других возможностей не было, кроме доводов, которые я высказывал, повторял Василевскому, рассчитывая на его военный долг.

Василевский наотрез отказался что-либо предпринимать в ответ на мои просьбы, свое мнение он не высказывал, а ссылался на приказ Сталина.

Я тогда объяснял это податливостью и безвольностью Василевского. Он был очень не характерным военным. Это добрый человек, очень добрый. Очень положительный. Я считал его честнейшим человеком. С ним легко было разговаривать. Я много раз и до этого случая с ним встречался. С ним было приятно вести беседу, разбирать операции и вести житейские разговоры. Одним словом, как человек — очень уважаемый, но в вопросах сугубо военных я, конечно, всегда ставил значительно выше Жукова. Сейчас у меня возникло сомнение: была ли это инициатива Сталина в отмене нашего приказа? Я сейчас больше склоняюсь, что это была инициатива Василевского. Возможно, Василевский (у меня не было никаких возможностей проверить тогда, а тем более сейчас) получил наш приказ первым, потому что мы послали его в Генеральный штаб, и сам был не согласен с ним, не разобрался. Ведь шло успешное наступление наших войск, а нам приносили большую радость победы на этих участках, было приятно открыть победами 1942 год. Каждому было приятно. Возможно, Василевский получил наш приказ, взвесил его и, наверное, возмутился. Он сейчас же доложил его Сталину и соответственно комментировал. Сталин, конечно, согласился с Василевским и отдал контрприказ или сам позвонил Тимошенко.

Если бы в штабе сидел в это время не Василевский, а Жуков, и я Жукову бы это сказал и если бы он не согласился, тоже впал в ошибку, как Василевский, то разница была бы в том, что Жуков категорично бы стал мне возражать, не ссылаться на Сталина, а доказывать, что я сам не прав, что эта операция принесет успех и надо ее только решительно проводить. Но если бы Жуков мне поверил, разобрался и сам увидел, что я прав, проявляя такую настойчивость за судьбу нашего фронта, то он, я уверен, не остановился бы, сейчас же бы сел в машину, поехал к Сталину и энергично и настойчиво докладывал бы необходимость отмены своего указания и утверждения принятого нами приказа.

Так через много лет я оцениваю вопрос. Это веха в моей жизни, и тяжелая веха. Как-только заходит речь о войне или когда я сам начинаю пробегать страницы военного периода, и особенно периода до Курской дуги, потому что это самый ответственный, напряженный момент был для нашей Родины, то эта операция всегда у меня перед глазами. Я всегда начинаю думать: а что, если бы наш приказ был утвержден, как развивались бы события? Но об этом я буду говорить позже.

Когда наотрез отказался Александр Михайлович Василевский пойти к Сталину, я вынужден был позвонить Сталину. Я знал, что Сталин на ближней даче. Я хорошо знал расположение дачи, знал, что где стоит и даже кто где сидит. Знал, где стоит столик с телефонами, сколько надо шагов пройти

22 июня 1941 г. Первый день войны. **Фото Евгения ХАЛДЕЯ.**

Сталину, чтобы подойти к телефону. Сколько раз я наблюдал, как он делает это, когда раздавался звонок этого телефона.

Ответил на мой звонок Маленков. Мы поздоровались.

Я говорю: «Товарища Сталина прошу».

Слышу, он говорит, что звонит Хрущев и просит к телефону.

Не было слышно, что Сталин сказал, но Маленков, выслушав его, мне передает: «Товарищ Сталин говорит, чтобы ты мне сказал, а я ему передам».

Это уже первый признак, что катастрофа надвигается неумолимо.

Я опять говорю: «Товарищ Маленков, я прошу товарища Сталина. Я хочу товарищу Сталину доложить об обстановке, которая сейчас у нас складывается».

Маленков опять передает Сталину и сейчас передает мне ответ Сталина: «Товарищ Сталин говорит, что чтобы ты мне сказал, а я ему передам».

Ну, что же, мне еще в третий раз просить? Это не метод достижения положительного решения. Раз Сталин уже два раза мне ответил, то на третий раз он вообще перестанет со мной разговаривать и настойчивость будет приносить только вред.

Я ему тогда говорю, что я прошу передать товарищу Сталину просьбу утвердить наш приказ, потому что обстановка сейчас на фронте усложнилась и дальнейшее наше продвижение отвечает замыслам противника. Наши войска продвигаются на запад и только сокращают путь в плен, в Германию.

Я говорю: «Мы растягиваем фронт, ослабляем его и создаем условия для нанесения нам удара с левого фланга. Этот удар неизбежен. Нам парировать нечем. Поэтому прошу удовлетворить нашу просьбу».

Он передал все Сталину.

Тут же передает мне ответ: «Сталин сказал, что надо наступать, а не останавливать наступление».

Я говорю: «Мы выполняем этот приказ. Сейчас наступать легче всего. Перед нами противника нет. Это нас и тревожит. Мы видим, что наше наступление совпадает с желанием противника. Прошу утвердить наш приказ. Мы, принимая это решение, все взвесили».

Маленков говорит: «Да, решение было принято, но товарищ Сталин говорит, что это ты навязал его командующему фронтом».

«Мы единогласно приняли это решение. У нас не было даже спора и поэтому не было и голосования. Мы изучили обстановку и увидели, какое сложилось тяжелое положение. Поэтому мы приняли такое решение»,— ответил я.

«Это твое было предложение».

Не знаю, сказал ли товарищ Тимошенко в разговоре со Сталиным, что это я навязал решение прекратить наступление, я, признаться, сомневаюсь, чтоб Тимошенко так сказал. Он человек очень волевой и самолюбивый. Командующий принял решение, с которым он не согласен? Этого не могло быть. Могло ли быть, чтобы Тимошенко так сказал в разговоре со Сталиным? Мне трудно с этим согласиться. Но вот Маленков мне так сказал, а значит, так сказал Сталин. Я думаю, что это просто Сталин хотел меня несколько уколоть и осадить мою настойчивость.

Я говорю: «Вы знаете характер командующего Тимошенко. Если он не согласен, то навязать ему решение невозможно, да и я никогда такой цели не преследовал».

Опять Маленков повторяет: «Наступать надо».

Разговор кончился. При всем этом моем разговоре присутствовал Иван Христофорович Баграмян. Я его призываю в свидетели. Он и стоял рядом со мной, проливая горькие слезы. Если я горьких слез тогда не проливал, то потому, что я менее конкретно представлял обстановку. Его нервы не выдержали, и он расплакался. Он переживал за наши войска, за нашу неудачу, которую конкретно себе представлял.

Эта неудача, эта катастрофа разразилась буквально через несколько дней. Все шло, как мы ожидали, как мы предполагали.

На второй или на третий день противник предпринял энергичное наступление на нашем левом фланге, сломал оборону, которая у нас там была, и замкнул кольцо. Случилось то, что мы считали неизбежным при проявлении неразумного упорства в продолжении наступления и выполнении задачи, которая была поставлена нами, когда намечалась эта операция.

События развивались очень быстро, потому что боеприпасы и горючее мы не могли уже доставлять туда. Наша боевая техника стала неподвижной. Это как раз те условия, которые необходимы для противника, чтобы разгромить наши войска.

Я помню, мы потом выехали ближе к Донцу и здесь встречали людей, которые прорывались из окружения. Плотного прикрытия у противника не было, и они прорывались одиночками и группами.

Вышел Гуров, который был при штабе 6-й армии на главном направлении наступления. Он прорвался на танке через кольцо, которое уже замкнул противник...

Гуров доложил, что он вынужден был сесть в танк и прорываться. Другого выхода у него не было. Если бы он этого не сделал, то тоже остался бы в тылу у немцев. Тогда были некоторые голоса, которые осуждали его. Смотрела на меня: может быть, судить Гурова Военным трибуналом за то, что он на танке вырвался из окружения.

Но я с уважением относился к Гурову. Высоко ценил честность и военную собранность.

Я ответил этим людям: «Нет, хватит этого, сколько генералов там полегло. Хотите еще добавить того, кто вырвался оттуда? Это сумасшедший дом! Одних немец уничтожил, а тех, кто вырвался, мы будем уничтожать? Это плохой прецедент для наших войск: все равно гибнуть — или под пулями немцев, или тебя уничтожат свои».

Все было кончено. Городнянский, командующий армией, не вышел. Штаб весь погиб. Командующий 57-й армией Подлас не вышел, погиб. Штаб его тоже погиб. Командующий конной группой погиб, и сын-подросток его погиб. Погибло много генералов и полковников, офицеров и красноармейцев. Все они погибли.

Вышли очень немногие, потому что расстояние между краями в этой дуге было небольшим, и противник его плотно прикрыл. Окруженные войска были на большой глубине впереди. Технику они не могли использовать: не было горючего, не было припасов. А пешком выйти — велико расстояние. Они были частью уничтожены, а основная масса взята в плен.

Я не помню, на какой день после катастрофы я получил звонок из Москвы. Вызывают в Москву не командующего, а меня. Можете себе представить. У меня было очень подавленное настроение, когда я летел в Москву. Вряд ли нужно даже говорить, что я чувствовал.

Мы потеряли много тысяч войск, много тысяч. Мы потеряли надежду, которой мы жили. Надежду, что мы откроем победную страницу боевых действий против оккупантов, против фашизма в 1942 году.

И мы эту операцию закончили катастрофой. Инициатива наступления была наша с Тимошенко. Это тоже накладывало на меня ответственность. То, что мы хотели изменить ход боевых действий и предотвратить катастрофу, было едва ли доказуемо. Особенно перед теми, от кого зависело приостановление этой операции. Ведь согласиться с правильностью наших доводов значит согласиться с неправильностью своих решений.

Но не для Сталина такое благородство. Это человек вероломный. Он на все пойдет, но никогда не признает, что допустил ошибку. Поэтому я ясно представлял трагичность своего положения. У меня другого выхода не было, сел в самолет и полетел.

Я был морально подготовлен ко всему, вплоть до ареста.

Но как тогда быть с командующим? Значит, и командующего? Но командующий, видимо, вел разговор другого характера, не проявил сопротивления и согласился со Сталиным. Я же очень настаивал на своем, и довольно упорно. Кроме того, я не знаю, в чьем присутствии Сталин разговаривал с Тимошенко. Когда я разговаривал, то там за столом был Маленков передатчиком слов Сталина и моих Сталину. Потом, я уверен, там были Берия, Микоян, Молотов. Возможно, был Ворошилов, но тут уверенности не было. В это время Ворошилов уже был в большой опале у Сталина. Это было и в мою пользу, и не в мою. Такие вот свидетели, неприятные. Обернулось же все наоборот — они были неприятными свидетелями для Сталина.

Я оказался прав, когда настойчиво добивался через Маленкова отмены приказа Сталина. Сталин меня не послушал. Но какое это имело значение при сложившемся положении.

Все, что сказал Сталин, было гениально. Все, против чего был Сталин, было никчемным, а люди, которые на этом настаивали, нечестные, а может быть, и враги народа.

Тогда очень широко гуляла выдуманная Сталиным теория обострения классовой борьбы. Она запутала умы честных людей и в партии, и в народе. Он перепутал все понятия. Действительно, были враги народа — настоящие озлобленные враги. Но полетели головы честнейших людей, преданных революционному рабочему классу, показавших это и в гражданской войне, и в строительстве социализма. Они и сложили головы как враги народа. Одной головой больше, одной меньше. Какое это имело значение для Сталина.

Как с совестью быть? Совесть у Сталина? Его совесть? Он бы сам посмеялся. Это буржуазный пережиток, буржуазное понятие. Все оправдывается, что говорит Сталин. То, что Сталин говорит, он говорит только лишь в интересах революции, интересах рабочего класса.

Поэтому я ехал, летел и шел потом к Сталину, как говорится, отдаваясь на волю судьбы. Что будет, не знаю.

Встретились. Сталин поздоровался. Сталин — актер. Он так умел владеть собой, не выдавал: не то он кипит против тебя, не то с пониманием относится. Он умел носить маску непроницаемости.

Когда поздоровались, он мне говорит: «Немцы объявили, что они столько-то тысяч наших солдат взяли в плен. Врут?»

Я говорю: «Нет, товарищ Сталин, не врут. Эта цифра, если она объявлена немцами, довольно точная. У нас примерно такое количество войск было там. Даже чуть больше. Надо полагать, что часть была перебита, а названная немцами часть действительно попала в плен».

Сталин ничего мне не ответил. Я видел, что он кипит. Смотрю и не знаю, куда прорвется этот кипящий котел. Но он сдержался. Ничего мне не говорил, не упрекал ни меня, ни командующего. Помалкивал.

Говорили о делах: что мы предпринимаем, какая возможность построить оборону по Донцу с тем, чтобы противник не перешел Донец на этом направлении, как задержать его движение при наших очень ограниченных возможностях. Пошли обедать.

Я не помню, сколько я дней пробыл в Москве со Сталиным. Чем дальше, тем томительней тянулось время, которое должно было чем-то кончиться для меня лично.

Чем оно кончится, я не знал, но думал, что Сталин такую катастрофу после победы под Ростовом, а особенно после громкой победы под Москвой не простит, не пройдет мимо и захочет найти «козла отпущения». Продемонстрировать свою неумолимость, свою принципиальность и твердость, не останавливаясь перед личностью, как бы она ни была известна и даже близка к нему, если это касается интересов народа.

Тут была возможность все это продемонстрировать. Вот, мол, катастрофа разразилась по вине такого или таких-то. Правительство и Сталин ни перед чем не останавливаются и строго наказывают людей, виновных в этой катастрофе.

Я догадывался, как Сталин будет формулировать. Он мастер был большой на эти формулировки. Да и в общем-то он человек был очень одаренный, умный...

Однажды сидели за столом, обедали. У Сталина в это время обеда без того, чтобы не напились люди, хотят они этого или не хотят, не бывало. Он, видимо, хотел запить совесть свою, черт его знает, одурманить себя. Он не уходил трезвым и тем более не выпускал трезвыми своих близких людей и тех из генералов, командующих, которые приезжали с докладами, если готовилась какая-нибудь операция.

Так вот, за таким обедом он завел этот разговор довольно монотонным, спокойным тоном. Но я знал эти кошачьи сталинские лапы.

Смотрит на меня и говорит: «Вот в первую мировую войну, когда наша армия попала в окружение в Восточной Пруссии, командующий войсками генерал, кажется, Мясников царем был отдан под суд. Его судили и повесили».

Я говорю: «Товарищ Сталин, хорошо помню тоже этот случай. По газетам, конечно. Войска там попали к немцам. Царь вынужден был судить Мясникова, и его повесили. Он был предателем. Он был немецким агентом. Правильно сделал царь, что его повесил, как предателя России».

Сталин ничего не сказал и дальше свои мысли не развивал. Но и этого было для меня достаточно. Можете себе представить, как я себя чувствовал после такой аналогии. Первая мировая война, Восточная Пруссия, потеря войск и казнь Мясникова. И вот вам 1942 год, операция, разгром наших войск. Член Военного Совета, член Политбюро находится здесь, и ему Сталин напоминает, что в истории уже был такой случай.

Я, признаться, прикидывал так: это Сталин морально меня подготавливает к тому, чтобы я с пониманием отнесся, что в интересах Родины, в интересах Советского государства и для успокоения общественного мнения надо показать, что все виновные в поражении строго наказываются.

Тому уже был пример в первые дни войны, когда немцы безнаказанно прорвались на Белорусском фронте, уничтожили нашу авиационную технику и вообще смяли Белорусский фронт. Фронт пал. Если бы не пал, может быть, по-другому протекала война. Тогда Сталин арестовал, судил и казнил командующего Белорусским военным округом генерала Павлова, начальника штаба и других. Был уже такой прецедент.

А тут вот я, как говорится, ожидал своей судьбы. Единственным затруднением для Сталина, как я считал, был мой телефонный звонок при свидетелях. Разговор-то был через Маленкова. Как бы ни близки были эти люди к Сталину, он понимал, что это так не обойдется. Будут разные мнения. Они могут просочиться сейчас или потом и обернуться против Сталина.

Пробыл я некоторое время в Москве, и Сталин сказал, что я могу уезжать опять на фронт. Я обрадовался, но не совсем, потому что я знал случаи, когда Сталин ободрял, люди выходили из его кабинета и направлялись не туда, куда следовало, а туда, куда Сталин указывал, кто этими делами занимался...

Я вышел. Ничего. Переночевал. Наутро улетел и вернулся на фронт. Положение было очень тяжелое...

КОНЕЦ РЕТУШИ?

Помню, как в преддверии 50-летия Октября Центральное телевидение впервые показало фильм Сергея Эйзенштейна «Октябрь». Фильм этот был создан еще в 1927 году и с тех пор не видел экрана.

...В кадре — историческое голосование в ЦК партии большевиков по вопросу о вооруженном восстании. Слева от Ленина — человек с открытым русским лицом, с бородкой. Это Н. И. Бухарин (конечно, в актерском воплощении, как и все остальные участники действия).

Через какое-то время «Октябрь» вновь был показан по телевидению. И в той же сцене Бухарина уже нет — изображение закрыто темной вертикальной полосой по краю кадра... Позже мне стало известно, что телевидение, оказывается, может делать по своему усмотрению сокращения в любой демонстрируемой киноленте. О грубейших нарушениях авторского права в данном случае вопрос как-то не ставился. А в отношении эйзенштейновского фильма — через сорок с лишним лет после его создания — этот вопрос уже и некому было ставить.

Но вот в 1969 году на телеэкране демонстрировался фильм «Доживем до понедельника», снятый Станиславом Ростоцким по сценарию Георгия Полонского. Герой фильма, учитель истории Мельников, говорит, обращаясь к директору школы: «Вот учебник этого года... Этого! Можно перепечатать его, чтобы изъять одну фамилию, один факт, чтобы переменить трактовочку... Если есть бумага, почему не сделать? Но ведь души у ребят, у нас с тобой не бумажные!»

Да, слова об «изъятиях» из учебника истории звучали в фильме. В телепоказах же, при повторных демонстрациях фильма были изъяты. Весьма своеобразная ретушь!

Итак, телевидение может позволить себе произвести сокращения даже в классике советского кинематографа. Именно может, но вправе ли?

А что может радио? Оказывается, тоже многое. Например, отлучить нас от вечно живой классики — короткой резолюцией или просто чьим-то (чьим, хотелось бы знать?) волевым распоряжением, превратив ее в «неживую». Ибо, чтобы жить для миллионов слушателей, музыка — очевидная вещь! — должна звучать в эфире. До недавнего времени не звучала по радио и телевидению «Шотландская застольная» Бетховена. Выясняется, что те, кому сегодня 20—25 лет, в большинстве своем вообще никогда не слышали в эфире эту гениальную музыку. Бетховен, правда, ни при чем — он сам «пострадавшая сторона». Это идейно подкачала шотландская народная поэзия. Судите сами: «Постой, выпьем, ей-богу,еще! Бетси, нам грогу!» Нет, вникните, слова-то какие: «Выпьем!» Да еще «ей-богу»! Да еще «еще»! А в довершение — вывод сугубо социальный: «Бездельник, кто с нами не пьет!»

Много лет назад, когда перестала звучать «Шотландская застольная», у меня возник душевный порыв — послать тогдашнему председателю Гостелерадио вариант переподтекстовки (в истории музыки такие случаи нередки): «Кто пьет не с нами, пьет против нас!» Порыв этот не воплотился в действие — я вспомнил русскую пословицу, определяющую значение бисера в животноводстве...

В унылой истории с «Шотландской застольной» есть еще один парадоксальный момент: никаких ограничений на выпуск в эфир этого шедевра (а здесь — записи Ивана Петрова и Евгения Нестеренко) картотека Государственного Дома радиовещания и звукозаписи не содержала. Просто не давали в эфир — вот и все! Точнее, не звучала на русском языке. На других — вполне звучала. Отчего, кстати, количество пьющих в мире не убавляется и не прибавляется.

Тем не менее в иных случаях та же картотека бережно хранит резолюции, ограничивающие выход в эфир гениальной музыки. Например, на карточках записей «Всенощной» Рахманинова — директивная ремарка: «Без разрешения главного редактора не выдавать». И представьте, директива тщательно исполняется — «Всенощную» в эфир не «выдают»! Она не звучала еще дольше, чем «Шотландская застольная», не звучала до прошлого года, а точнее — до 1000-летия крещения Руси... С католицизмом проще: поскольку поют «не по-нашему», карточки записей «Страстей по Матфею» или «Мессы» Баха охранительной директивы не содержат. И невольно вспоминается трагикомичный юмор Ираклия Андроникова: «Это я вам перевожу с латыни на латинский язык!..» Можно было бы посочувствовать главному редактору музыкального радиовещания, долженствующему решать, какие шедевры и когда не давать в эфир.

Остается лишь тайной, кто и когда ввел этот порядок. Понятие «ведомственный бюрократизм» выглядит здесь слишком нежным и заведомо узким, если говорить о последствиях. Ведь ежедневный эфир — для миллионов! К тому же ограничения распространяются не только на гениальную музыку, но и на творчество выдающихся исполнителей. Не идут в эфир, к примеру, фонозаписи Мстислава Ростроповича и Владимира Ашкенази. Эти записи не выпускаются, кстати, и на пластинках «Мелодии», хотя фирма могла бы многократно тиражировать для тысяч филофонистов абсолютно все, что записано в ее студиях грамзаписи. Как видно, и здесь значительна произвольная ретушь художественных реальностей нашего века. Да не изменит нам чувство оптимизма — надо уметь радоваться тому, что есть: например, наша шахматная периодика не отняла у нас радость время от времени анализировать партии Бориса Спасского...

Но поскольку шахматы и музыка не взаимозаменяемы, посмотрим, каково обхождение с музыкой в изданиях вчерашних и сегодняшних. В особенности с музыкой гениальной, обращенной к миллионам сердец.

Недавно мир отметил 100-летие «Интернационала». Эта песня переведена на все европейские и не только европейские языки. Однако на протяжении более полувека миллионы людей, певших и слушавших «Интернационал», не знали, кому принадлежит русский перевод бессмертной песни Эжена Потье. В большинстве ее изданий — в партитурах, клавирах, песенных «листовках» обычные в таких случаях данные о переводе отсутствовали. Информация появилась в 1987 году в весьма своеобразной форме. Это был почтовый конверт с надписью на русском и украинском языках: «Русский советский поэт, автор перевода текста «Интернационала» на русский язык А. Я. Коц. 1872—1943» со его портретом. Второе и третье издания Большой Советской Энциклопедии не содержат биографических справок, лишь в Советском энциклопедическом словаре Коцу посвящено несколько скупых строк. В сотую годовщину «Интернационала» на специальной полосе «Советской культуры» читатели могли прочесть, что «в 1902 году будущий поэт и переводчик Аркадий Яковлевич Коц, обучавшийся в Париже горному делу, перевел песню на русский язык». Да еще в московской радиопередаче однажды промелькнуло мимоходное упоминание, что в годы войны Коц жил в Свердловске. Был ли он эвакуирован или оказался там по другой причине, где он родился и умер,— об этом читатели и слушатели ничего не знают.

Что же касается необходимости, специально оговариваемой нормами авторского права,— указания автора перевода в любом издании, то, если это запросто нарушалось десятилетиями в отношении «Интернационала», что же говорить о более ординарных случаях?

Изъятие данных о переводе — это отнюдь не все. Можно, к примеру, снять посвящение, сделанное автором. Эта традиция издательского произвола насчитывает десятилетия. Обычная причина — «за выездом из страны». Именно так было снято в первом советском издании Четвертого концерта Рахманинова посвящение выдающемуся русскому композитору и пианисту Николаю Метнеру. Впрочем, следуя этой логике, наверное, следовало запретить и само издание Четвертого концерта Рахманинова, равно как и трех предшествующих. Но, как говорится, и система небезупречна...

Ретушь горазда на выдумки, не столь уж хитрые, но зловещие. «Детский альбом» Чайковского был создан в 1878 году. И уже более полувека издается он с произвольными названиями двух пьес, которые призваны были заменить настоящие, авторские. В издании 1931 года «Сладкая греза» превращается в «Отдых», «Нянина сказка» — просто в «Сказку»; «Крестьянин на гармонике играет» — в «Игру на гармонике»; вместо «Бабы Яги» напечатано безопасное «В лесу», вместо «В церкви» — «Хорал» (в некоторых изданиях эта пьеса вообще изъята!), вместо «Утренней молитвы» — «Утреннее размышление»... Правда, вскоре после такого «головокружения от успехов» исконно народное понятие «крестьянин» вновь стало приемлемым; «Сладкую грезу» тоже вернули (пусть будут мечты, если у них прогрессивное содержание). Вернули даже «Бабу Ягу». И няню позже реабилитировали в глазах детей (не всегда ведь это буржуазный предрассудок — бывают няни и в яслях). Но вот «Хорал» в изданиях начала 80-х годов был вторично переименован, превратившись в «Хор» — еще ближе к школе, еще дальше от церкви (хотя ведь и там поет хор). А зачеркнутая более полувека назад «Утренняя молитва» наводит на размышления, отнюдь не только утренние... И если на звучание в эфире «Всенощной» Рахманинова и по сей день требуется «разрешение главного редактора», то для нелепой, но многократно переиздаваемой подмены названий в «Детском альбоме» Чайковского особого разрешения, думается, не требовалось.

Слов нет — в изъятии данных о переводе «Интернационала» издательства (не только музыкальные) действовали по приказу сверху. Однако в изменениях названий «Детского альбома» повинны музыкальные издатели, повинна трусливая услужливость былых лет, по инерции тиражируемая и сегодня. Ведь не явилась же объектом подобного надругательства великая русская литература! Никто не переоборудовал келью старца Зосимы в избу-читальню; так же, как и «Молитву» Лермонтова не переименовывали в «Гимн труду», например. Неприглядно, что мы, музыканты, столь долго не решались защитить от искажений наше творческое наследие.

И тут в самый раз напомнить, что слово «ретушь» происходит от французского retoucher — «подправлять». Любые же «подправления» наследуемых нами шедевров кощунственны и преступны. Повторяю: авторское право, советское и международное, четко оговаривает прерогативы создателей. Однако, декларируя права, закон почти не устанавливает конкретной ответственности за их нарушения. Исключением является лишь ответственность за очевидный плагиат. Но и она наступает, увы, не всегда. В печати приводился конкретный пример явного плагиата в романе «Судный день» Виктора Иванова. Но почему даже в этом случае пространный разговор о художественных (точнее антихудожественных) особенностях этого «творения» не уступил места вопросам к автору, начинающимся обращением: «Скажите, обвиняемый...»?

И все-таки я верю! Верю в близкий конец ретуши. Верю, что мы увидим эйзенштейновский «Октябрь» без охранительной темной полосы, закрывающей часть кадра. Верю — однажды моя рабочая неделя начнется с того, что я приду в музыкальную школу и принесу детям новое издание «Детского альбома» Чайковского с возвращенными в него истинными названиями пьес...

Владимир БЛОК,
композитор, кандидат искусствоведения

ПРОФЕССИЯ — «БЫВШИЙ»

В № 10 «Огонька» мы печатали записки экс-чемпионки мира по фехтованию Татьяны Любецкой. Они вызвали острый интерес читателей журнала, и сегодня мы вновь предоставляем слово нашему автору.

Татьяна ЛЮБЕЦКАЯ

Падающая звезда — не правда ли, красиво звучит, если речь идет о космических светилах? А когда о людях...

Помню, лет десять назад, когда в одной из своих заметок я впервые попыталась взглянуть на наши медали с оборотной стороны, некоторые читатели были неприятно поражены: «Зачем порочить наш спорт?! Есть победы — надо радоваться!» Как и большую часть нашей общественности, их долгие годы интересовал лишь голый результат, хотя ясно же, голых результатов, как и вообще «голых фактов в природе не существует, потому что они никогда не бывают совершенно голыми».

Но сейчас стало уже почти принято бить тревогу (по крайней мере в прессе) по поводу проблем спортивной жизни, сливающихся в итоге в одну трагическую и пока нерешаемую проблему спуска спортсмена с рекордных высот в обычную жизнь.

Самые знаменитые и яркие «звезды» ныне признают: «внизу» тупик, ненужность, неприкаянность. Громкая слава также громко умолкает.

Я заканчивала последнюю, как я думала, статью на эту тему (сколько же можно писать об одном и том же?), когда по обрывочным в разных газетах фразам — то в одной, то в другой мелькнет, словно дразня,— вдруг поняла, что есть, все же есть организация, где требуются бывшие спортсмены. Идеалы там, конечно, далеки от олимпийских, да ведь спортсменам на «спуске» часто не до идеалов: некогда могучих властителей трибун «в миру» часто подстерегает бессилие и комплекс неполной ценности — нарочно пишу без сокращения, так верней. Впрочем, не буду долее интриговать читателя — спортсмены с приставкой «экс» очень нужны, оказывается, организации, именуемой мафия: «среди боевиков много спортсменов», «бывшие спортсмены ныне вышибалы», «остальные члены мафии были в большинстве комсомольцами и отличными спортсменами», «все члены группы рэкета хорошие спортсмены, настоящие атлеты, многие владеют боксом и каратэ». Кроме того, они нужны, оказывается, даже в тамошнем руководстве: «кланами мафии руководят бывшие спортсмены». Похожие выдержки можно было бы привести также и из реляций ТВ, но, думаю, довольно и этих.

И меня вдруг осенило: выходит, путь к организованной преступности — наилучшее для бывших спортсменов «распределение»? Выходит, нигде больше не нужное после «спуска» их умение бить, бороться, бегать, забивать, стрелять — а ничему другому скорей всего не обучены — как нельзя более кстати подходит мафии? Там они, наверное, чувствуют себя так, как и привыкли,— нужными. Подчас только там.

И если дальше так будет продолжаться, то, наверное, можно будет дальше говорить, что спорт просто готовит для мафии кадры.

«Но что же делать?!» — воскликнет раздосадованный болельщик, привыкший честно ликовать по поводу «копилки медалей», а вовсе не изучать их оборотную сторону.

Ответ предельно прост — чтобы из спорта человек не съезжал, как с горки, в никуда или прямо в лапы мафии, необходимо, чтобы в момент спуска он элементарно не оказывался «не у дел», то есть буквально человеком, не приспособленным ни к какому занятию, кроме спортивных боев.

Положим, бывшим чемпионам предлагают подчас различные места для последующей работы — ничего, как правило, не подходит. Что же обычно могут предложить? Должность тренера, учителя физкультуры, ответственного спортработника, пожалуй, и все, так как лишь спорт по-настоящему знают спортсмены. Но не каждый же готов стать педагогом, организатором. Тоже ведь нужно призвание. И обучение, само собой. А числясь в вузе (на большее, как теперь уже, по-моему, общеизвестно, при постоянных тренировках спортсмен не способен), он получает не образование, а лишь фикцию, которая, естественно, стать опорой «на всю оставшуюся жизнь» не может.

Сейчас говорят и пишут о создании Союза футбольных лиг, который определил бы права и обязанности футболистов, их социальное страхование на случай болезни и травм. Но почему такая забота лишь о футболистах? Ведь степень популярности вида спорта не влияет существенно на специфику. Да, конечно, доходы у разных видов спорта разные. Но любой труженик «спортивных полей» работает на износ, не имея при этом никаких гарантий на будущее. И в этом случае футболист ничем не отличается от хоккеиста, теннисиста или фехтовальщика. Сначала футболистов устроить, а потом остальных? Но не проще ли, не вернее решать вопрос масштабно, для всех видов спорта сразу? Ведь нагрузки, потери и маета у спортсменов разных видов приблизительно одинаковы. Впрочем, наличие такого Союза если и снимет часть болевых точек большого спорта, но проблему сошедших «звезд» не решит.

Много говорят и о пенсиях для спортсменов. Читаю в газете, что приняты важные решения «по вопросам социальной защищенности выдающихся спортсменов», что «пенсии спортсменам, как и всем, могут назначаться двух видов: персональные и за выслугу лет. Персональные, естественно, за особые заслуги. Право на пенсию за выслугу лет имеют заслуженные мастера спорта и мастера международного класса, ш е с т ь лет выступавшие в составе сборной страны и имеющие общий трудовой стаж не менее двадцати лет. Неважно, в какой сфере» («Советский спорт», 26.4.89, интервью с заместителем начальника управления кадров и учебных заведений Госкомспорта СССР В. Барановым). Но ведь с теми духовными и физическими потерями спортивной судьбы, которые уже ни для кого, кажется, не секрет, эти двадцать лет надо еще как-то прожить (протянуть? проволочить?). К тому же далеко не каждый — даже самый яркий спортсмен — может прослужить в сборной шесть лет. Многие исчерпывают себя в значительно меньший срок, после чего зачастую выступают, допустим, за ЦСКА, или «Динамо», или какой-нибудь другой клуб, где остаток их сил, отвергнутый сборной, может еще пригодиться не один год. И лишь выжатые там до конца, они «уходят» — так деликатно именуется у нас опасный прыжок или падение с высот большого спорта. А многие (большинство), кстати, вообще не попадают в сборную и трудятся в клубных командах всю свою спортивную жизнь.

Что же получается: что пенсию за выслугу лет тоже получат лишь выдающиеся? А как же быть остальным — всей этой несметной армии вторых, третьих, пятых, десятых? Они ведь тоже изо дня в день, месяцы и годы нерасчетливо отдавали себя спорту. Ведь специфика труда в сборных страны и клубных командах одинакова, только у одних высшая цель — чемпионат мира, Олимпийские игры, у других — чемпионат страны.

Ирония спортивной судьбы: в сущности, разница между местом первым и вторым, вторым и третьим и так далее подчас смехотворно мала — какие-то доли секунды, сантиметры. Но и этих ничтожных частиц оказывается достаточно, чтобы и в послеспортивной жиз-

ни «невеликие» оказались за бортом. Это несправедливо. В одном только футболе у нас три лиги! В высшей — 16 команд, в первой — 22 и во второй — около 200! И все они с футбольного поля попадают в обычную — то есть невероятно сложную и жесткую — жизнь с единственным умением — играть в мяч. Как быть им?

Правда, если у читателей создалось впечатление, что уж выдающиеся-то спортсмены получают пенсию легко и просто, то вот вам одна лишь история такого получения. Ее мне рассказала трехкратная чемпионка мира по фехтованию Эмма Ефимова. За неукротимый нрав и сенсационные победы над западными «звездами» прозванная «грозой чемпионок», познавшая весь блеск и славу триумфальной фехтовальной дорожки, она неожиданно ступила на путь, где почувствовала себя безоружной, разбитой, униженной.

Вот ее рассказ. *«Я только что вышла по возрасту на пенсию, когда от одной знакомой фехтовальщицы узнала, что принят указ о выплате персональных пенсий заслуженным мастерам спорта, чемпионам мира и Олимпийских игр. Было это в конце 87-го года. Я позвонила в отдел кадров Госкомспорта, чтобы узнать, насколько верна эта информация, потому что нигде больше я об этом не слышала. Мне ответили, что этим занимается некто товарищ Смирнов. Я перезвонила ему, и он пригласил меня для разговора.*

Первый вопрос, который он мне задал,— это откуда я знаю об этом указе. «Кто вам сказал?» — спросил он меня так, словно речь шла об утечке секретной информации. Я замялась, решив, что называть старую мою «подругу по оружию» не стоит, мало ли что... И сочла подходящей для ответа фразу: «Земля слухами полнится». Я почувствовала, что ответ не удовлетворил его, но он не стал настаивать, поняв, что большего не добьется. Он был очень вежлив. До осторожности. И невероятно уклончив. Уже прошло какое-то время, он уже записал все мои данные, номер билета заслуженного мастера спорта СССР, когда, где и что я выигрывала, а я все никак не могла понять, могу ли я рассчитывать на персональную пенсию и существует ли вообще интересующий меня указ. Наконец на мой прямой вопрос он ответил, что да, существует, но принят в основном для спортсменов, ставших в результате спортивной деятельности инвалидами. «Что значит «в основном»?» — спросила я. Помнится, я еще сказала, что у меня достаточно болезней и травм, и тогда он вежливо, но твердо спросил: «Вы инвалид?» — «Нет».— «Вот если бы у вас одной почки не было, тогда другое дело...» Видимо, совсем потеряв голову, я стала перечислять ему свои болезни, на что он мне вежливо возразил, что у каждого ведь болезней предостаточно. А раз я не инвалид — это может сильно затруднить дело. Он меня совсем запутал — о персональной пенсии идет речь или об инвалидной? Имею я право на персональную или нет?! А в ответ слышу нечто вежливо-туманно-отталкивающее: «Право вы, конечно, имеете, но приготовьтесь, что ничего не выйдет... Хотя, может быть, вы и получите... но надежды мало...» Такая вот казуистика — почище фехтовальных финтов.

Затем он перечислил что-то около 18—20 документов, которые необходимо представить для получения персональной пенсии.

В общем, у меня сложилось такое впечатление, что товарищ Смирнов (вернее, Госкомспорт в его лице) явно не хочет, чтобы я подавала на персональную пенсию. То есть, вероятно, не я именно, а такие, как я... Может быть, нас слишком много? И словно отвечая на мой немой вопрос, он сказал: «Вас же тысячи набралось за весь период существования советского спорта — где взять столько денег?!» Я почувствовала себя «нищей, которых много по дорогам». Но напоследок попросила все же показать мне документ. Он явно этого не хотел, но потом все же показал, не давая в руки, и быстро убрал. Как будто мы заключали какую-то темную сделку и я могла его «надуть». А так как я была без очков, то, естественно, почти ничего не увидела. Почти, потому что успела «зацепить» один пункт, в который он услужливо ткнул пальцем и даже зачитал — что-то о спортсменах-инвалидах. То есть тот самый пункт, который меня вроде бы не касался, ведь я пришла узнать о персональной пенсии.

Тогда я спросила: «А если я все же наберу болезней на инвалидность?» — «Что ж, тогда вам будет проще. Но учтите, что персональная пенсия может оказаться меньше, чем та, которую вы получаете сейчас... Впрочем, попытайтесь». Что я и сделала. Хотя после этой «задушевной» беседы поняла, что надежда моя на персональную пенсию ничтожно мала.

Я пошла к своему районному врачу и спросила, могу ли я оформить инвалидность. Она ответила, что, судя по моему «букету», да, третью группу мне дадут.

Я прошла всех врачей — очереди, очереди — на это у меня ушло около двух месяцев. Мне оставалось пройти лишь ВТЭК, когда опять же совершенно случайно от другой знакомой спортсменки, уже оформившей персональную пенсию, я узнала, что доказательств инвалидности вовсе не требуется (!), достаточно лишь представить необходимые документы, но не 20, а всего 12—13. Так что теперь я радуюсь, что не успела пройти ВТЭК и «стать инвалидом»...

Но на этом моя одиссея не закончилась, предстояла ее 2-я часть, которая длилась еще месяца два.

Дело в том, что, поскольку я член партии, оформление моей персональной пенсии должно было идти сначала через райком партии и лишь потом — через райсобес. Тогда как не члены партии идут прямо в райсобес.

Итак, мне следовало обратиться в свою парторганизацию, где мой вопрос должно было решать общее собрание. А так как общее собрание проводится раз в месяц, а обратилась я в организацию буквально на следующий день после очередного, мне пришлось ждать следующего еще месяц. После принятия решения на общем собрании о присвоении мне персональной пенсии я должна была ждать еще около трех недель заседания партийного бюро, на котором было принято решение о ходатайстве перед Тимирязевским райкомом партии о присуждении мне персональной пенсии. И потом — уже совсем недолго — выписки из этого решения. Недолго, потому что на этом отрезке унизительной, изнурительной волокиты мне встретился светлый человек — секретарь нашего партбюро Юдина Наталья Ивановна. Она не только быстро сделала выписку, но и вместе со мной поехала в райком партии и представила меня там на комиссии по персональным пенсиям, хотя это вовсе не входило в ее обязанности... А еще через месяц состоялось решение горсобеса о присуждении мне персональной пенсии. Правда, потом я все же получила ее не сразу — дело мое куда-то затеряли, долго не могли найти, но потом в конце концов все же нашли, и вот теперь я получаю наконец персональную пенсию местного значения, которая вовсе не меньше старой, как предостерегал товарищ Смирнов, а больше... на 3 рубля. Стоило ли ради этого копья ломать? Не знаю. Эта новая пенсия позволяет работать по специальности, то есть тренером (другой специальности я, как и большинство бывших спортсменов, не имею). Но теперь я уже все равно работать тренером не в состоянии — здоровья нет. И еще я не могу понять, почему мне дали пенсию лишь местного значения, даже не республиканского? Ведь я защищала честь страны за рубежом и много лет выступала за команду Российской Федерации... Впрочем, что мне огорчаться. Одна моя знакомая баскетболистка, много лет отдавшая большому спорту, прошла весь этот тяжкий путь добывания пенсии, и в результате ей отказали...»

Этот рассказ я услышала в конце прошлого года. Может быть, сейчас дело обстоит иначе. Но в любом случае пенсия — даже если предположить, что дадут всем, тактично и вовремя,— отнюдь не гарантия, по-моему, благополучного «спуска». Мне вообще эти расхожие толки о спортивной пенсии как о панацее от всех послеспортивных бед кажутся чем-то жалким и оскорбительным — это, понятно, не касается тех, кто получил серьезную травму или просто достиг пенсионного возраста. Речь о молодых. Обездоленного (а все мы, попавшие на годы в спорт, в той или иной мере обездолены духовностью) можно попытаться устроить в этой жизни, а можно оделить милостью. Спортивная пенсия — это, по-моему, милость. Человеку в 20, 30, 35 лет почить на пенсии? То есть стать человеком уже более с прошлым, чем с будущим? Мне скажут — можно ведь прирабатывать к пенсии. Какие скучные, немолодые слова — «прирабатывать», доживать... А ведь спортсмену, тем более чемпиону, важно не прирабатывать к прошлому, а обрести надежду на будущее. И в этом смысле пенсия сама по себе бессильна, нужна как минимум возможность нормального овладения профессией.

Впрочем, многие считают, что спорт и есть профессия (отсюда, кстати, и забота о пенсии). Не хуже других. Но, по-моему, это так же неверно, как и бытовавшее до недавних пор утверждение, что спорт — увлечение (тоже не хуже других), наряду с которым человек легко будто бы учится, работает и двигает науки. Но не надо путать его с физкультурой. С одной стороны, спорт так же далек от физкультуры, как космонавт — от созерцателя Луны. Но с другой — берусь утверждать, что и к профессии он не ближе. Спорт — ни то, ни другое. Спорт — это спорт.

Хорошо, что мы наконец признали его «профессиональность». Только понимать ее следует лишь в том смысле, что спортсмены относятся к своему делу профессионально и получают за это деньги (не касаясь того, сколько, это другой вопрос). Но у них нет профессии. Лишь временная работа, которая, как и всякая времянка, никаких гарантий на будущее и даже на настоящее (в силу своей рискованности) не дает. Быть может, на сегодняшний день только...

Спорт стало принято сравнивать с балетом, с цирком, дескать, уж тут-то полное сходство! Но я готова доказать, что и это не так. И главное различие, на мой взгляд, заключается в том, что артисты цирка и балета не работают на результат, им не надо постоянно «драться» и выигрывать, то есть все время рваться к «потолку» своих возможностей. Они просто выступают. Номер циркового силача, на каблуках, в сверкающем трико, поигрывающего лоснящимися мускулами и жонглирующего гирей или штангой, впечатляет, может быть, но не имеет ничего общего с выступлением спортсмена-тяжелоатлета, который должен взять, условно говоря, самый большой вес и которому никакие «сверкающие» одежды взятие этого веса не заменят. Или балерина, к примеру, не должна же на каждом спектакле доказывать, что она первая балерина города (республики, страны) и всякий раз фиксировать свою работу пьедесталом. Работа же спортсмена заключается в том, чтобы выигрывать, и только в этом. Скажем, просто добросовестные (титанические, подвижнические) усилия в тренировке сами по себе, то есть без результата, в счет не идут. Платят только за победу, за рекорд. Значит, запас прочности — физической и психической — у спортсмена несравненно меньше, чем у артиста балета или цирка, который может трудиться на своей арене сравнительно спокойно и долго. То есть спортивная дорожка намного короче и быстрей — это удел молодых, а в большинстве видов — юных. Шагреневая кожа спортивной жизни сжимается катастрофически быстро, причем как от утоленных, так и неутоленных желаний побед. Миг взлета на пьедестал — и вот ты уже «бывший». А что это, простите, за профессия — «бывший спортсмен»?

Предположим, впрочем, что спортсмен — профессия. Профессия игрока? Гладиатора? Но «игрок» — как-то уж очень несерьезно звучит. «Гладиатор»? Пожалуй, тоже. Кстати, у настоящих гладиаторов вопрос о профессии, о будущем, судя по всему, остро не стоял, ибо правила тех поединков почти не оставляли побежденным права на жизнь. Наши правила жизнь, в общем, гарантируют, но больше — ничего... Стало быть, как ни самозабвенно, как ни «профессионально» ты относился к спорту, а с уходом из него надо приобретать новую — настоящую профессию. (Ведь даже на тренера надо учиться всерьез, не говоря уж о других, «неспортивных» делах.)

Чтоб не вспоминать потом до конца своих дней со слезой былые победы и свой упругий, резвый бег по газону спортивного поля так, будто это и есть вся жизнь...

Поскольку параллельно со скачкой за рекордами угнаться за наукой невозможно, мне кажется, было бы замечательно, если бы «сошедшие» спортсмены — те, которые захотят,— могли обучаться различным профессиям не на скаку, а по-настоящему. Сошел — и сразу на студенческую скамью. Причем — и это мне представляется особенно важным — учеба должна проходить отдельно от обычных студентов, среди себе подобных, таких же, бывших долгое время в спортивном плену, лишенных духовной воли. Как учат русский язык иностранцы. Или как учатся глухонемые — мы ведь тоже долгое время были глухи ко всему, что за пределами спорта. Так будет проще и преподавателям и студентам. А то, представьте, легко ли спортсмену сесть за парту со все знающим студентом и отсвечивать своими сплошными пробелами в знаниях. Да и возраст, как правило, после спорта уже не тот, не студенческий.

А на время, пока бывший спортсмен учится, пусть он получает... нет, не пенсию — стипендию (чувствуете разницу в названии? Пенсия — все уже позади, стипендия — устремление в будущее). Ту самую, что ему платили, пока он выступал, ведь это уже совсем взрослый человек. И у него, как правило, есть дети. Тогда он, наверное, более уверенно и с меньшими душевными затратами сможет искать свое место в новой жизни, и его бесконечный, унылый спуск с пьедестала, быть может, обернется новым взлетом... Быть может. Но гарантий, конечно, никаких нет.

Уровень притязаний человека, слышавшего шум трибун в свою честь, вкусившего славу и признание (или годы стремившегося к ним), поднят на такую высоту, откуда, как правило, нет возврата. Он уже всю свою жизнь меряет по пьедесталу — мучительная, изнурительная и по большей части бессмысленная мерка (хотя и единственно верная), ибо подняться на ту же высоту в новом деле мало кому удается, быть может, никому. Но по крайней мере пусть у всех будет шанс...

СТЕПЕНЬ

Народный депутат СССР академик А. Д. САХАРОВ:

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

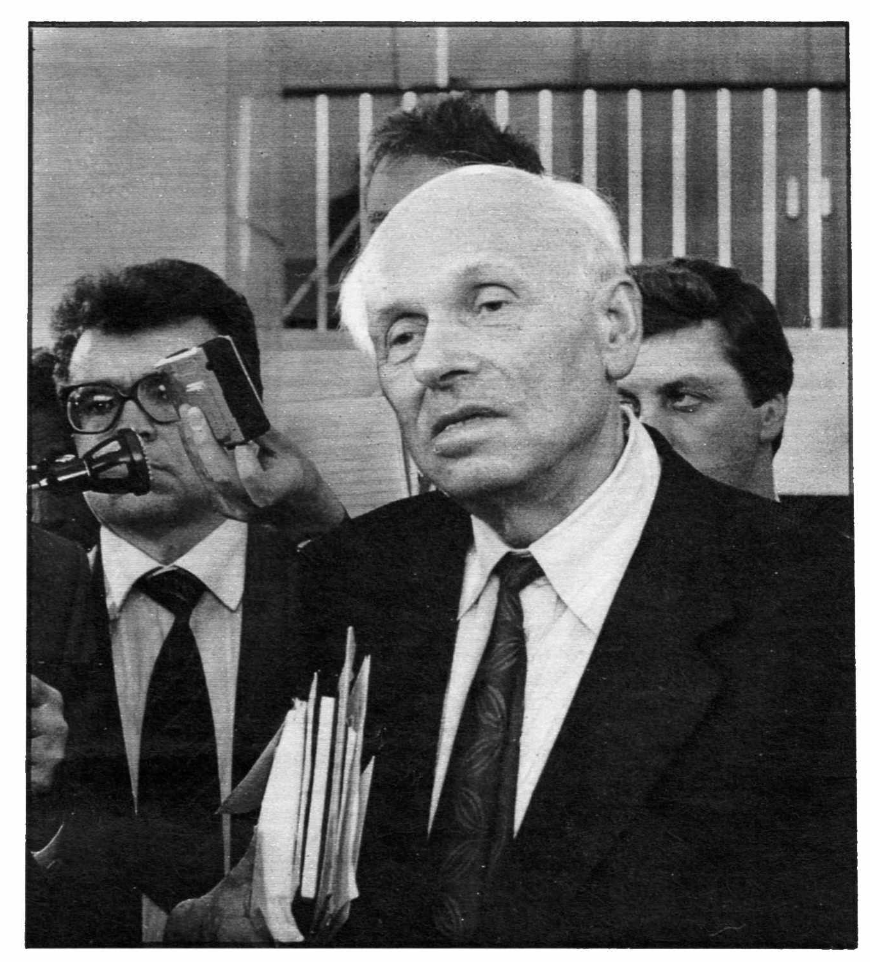

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Перед беседой с народным депутатом СССР академиком А. Д. Сахаровым мне хотелось сделать особый снимок: не в обиду нашим славным генералам будь сказано, его зовут «генеральским» — со всеми орденами и медалями, а главное — с тремя Золотыми Звездами Героя Социалистического Труда, которых он был так постыдно лишен во время такой постыдной семилетней ссылки в Горький. Мне казалось, читателям будет приятно узнать, что кривда кончилась, что правда торжествует.

— Мне их не вернули...— ответил Андрей Дмитриевич.

— Как «не вернули»? Как это может быть?

— Вот так. Мне позвонили из Президиума Верховного Совета и сказали, что вопрос рассматривается. Я ответил, что возвращение мне наград — это вопрос о реабилитации, и я не считаю себя вправе принять обратно награды, пока не реабилитированы другие...

— Другие ? Вы имеете в виду...

— Вообще — всех, кто так или иначе пострадал от репрессий за убеждения в застойные годы.

— Дай бог, чтоб всем вам пришлось ждать не очень долго...

Начинать разговор, ради которого я пришел, уже было как-то не совсем удобно. Но и молчать...

— Андрей Дмитриевич, вы в свое время пожертвовали деньги на строительство Онкологического центра...

— В 1969 году я пожертвовал деньги на строительство Онкоцентра и Красному Кресту в равных долях.

— В равных — от какой суммы?

— 139 тысяч рублей. И получил от Красного Креста благодарность. Правда, я хотел разделить на три части — третью отдать детским учреждениям, но мне не удалось — почему-то не оформили, сказали, что возникли какие-то юридические казусы. Вот почему тогда не получилось.

— А еще какие-то благотворительные акции связаны с вашим именем? Расскажите — о них ведь не знают.

— Ну, у меня уже не было возможности...

— Почему? — возразила только вернувшаяся с покупками Елена Георгиевна, жена Андрея Дмитриевича.— Ты же в 1974 году получил международную премию Чино дель Дука...

— А, правда,— отозвался Сахаров,— я забыл.

— ...и поручил мне основать на нее фонд помощи детям политзаключенных. Что я и сделала.

— Какова была сумма премии?

— 25 тысяч долларов. Несмотря на то, что брали большие налоги,— продолжала Елена Георгиевна,— мы все равно посылали деньги: до ссылки в Горький — всегда, и даже из Горького — в Чехословакию и Польшу.

— С 1974-го? Хорошо понимая, что посылаете из нашей страны...

— Не из нашей — эти деньги, я к ним не прикасалась.

— Она их в руках не держала,— сказал Сахаров.— Она только заполняла большие такие банковские листы. Вся финансовая часть шла помимо нас — мы только давали адреса.

Время шло, пора было начинать разговор...

«МЫ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ...»

— Андрей Дмитриевич, общая оценка Съезда народных депутатов изложена в вашем выступлении на последнем заседании?

— Не полностью — я не успел сказать все. В целом я считаю, что Съезд стал очень важным событием. Он очень политизировал общество. Процесс политизации начался еще во время выборов. Люди проснулись к активной политической жизни, почувствовали себя не бесправными винтиками и показали, что они что-то хотят сделать для страны. Процесс политизации очень усилился в результате 12 дней прямой телетрансляции заседаний, когда было видно, что такое большинство, когда стало ясно, что в зале есть те, кто может предложить реальные альтернативы, западающие в умы. А кроме того, Съезд показал всю трагичность положения во всех регионах с большей ясностью, чем могла сделать наша пресса на протяжении всего периода гласности.

Мы как бы перешли на новый уровень понимания самих себя. В этом самая главная роль Съезда.

Но я говорил и о том, что Съезд, на мой взгляд, не выполнил той основной задачи, которая исторически стояла перед ним и выражена в лозунге «Вся власть Советам!». Он, может быть, и не мог этого сделать в силу своего состава, но хорошо, что, во всяком случае, поставил такую задачу. Власть — ключевой момент, без власти невозможно решить все проблемы, стоящие перед страной: ни экономические, ни социальные, ни другие. Без власти Советов не преодолеть диктат ведомств — никоим образом. Невозможно создать подлинно самоуправляемые свободные предприятия. Нельзя осуществить земельную реформу и вообще вести такую аграрную политику, которая отличалась бы от бессмысленных, как я говорил, реанимационных вливаний в нерентабельные, разваливающиеся колхозы.

И уж, конечно, невозможно решение экономических задач: их следует решать Советам всех уровней, для чего они должны быть независимы.

Съезд не решил также и необычайно острые национальные проблемы. Мы получили в наследство от сталинизма имперскую систему с имперской идеологией, с имперской политикой «разделяй и властвуй». Систему угнетения малых республик и малых национальных образований, входящих в состав союзных республик, которые таким образом сами превращались в империи меньшего масштаба.

Подобная система угнетала и большие народы, в особенности — русский, который стал одной из главных жертв. На его плечи легла основная тяжесть всего нашего исторического пути, всех имперских амбиций, догматизма, авантюризма во внешней, во внутренней политике — за все пришлось расплачиваться народу.

— У вас есть какие-то конкретные предложения в этом плане?

— Я предлагаю конфедерацию. Всем республикам — союзным и автономным, автономным областям, национальным округам надо предоставить равные права с сохранением нынешних территориальных границ. Все они должны получить максимальную степень независимости. Их суверенитет должен быть минимально ограничен вопросами совместной обороны и внешней политики, транспорта, связи... может быть, еще чего-то. Главный пункт: во всем остальном они полностью независимы и на такой основе вступают в отношения союзного договора.

— Похожий проект переустройства выдвигают народные фронты Прибалтики.

СВОБОДЫ

— Он мне кажется совершенно правильным. Я его только дополняю тем, что включаю не одни союзные республики, а все существующие ныне национальные образования. Так, например, Якутия, Чувашия, Башкирия, Татария, Коми АССР приобретают такие же права, как Украина или Эстония.

— Это очень разные образования, у многих из них нет внешних границ...

— В США тоже есть штаты разного размера, что не приводит ни к каким затруднениям. Несущественно также, что многие национальные образования не имеют внешних границ. В каждой такой республике будут жить, конечно, люди разных национальностей, и они должны иметь — в пределах данной республики — абсолютно одинаковые права. За этим может и должен следить Совет Национальностей Верховного Совета СССР, который со временем будет, вероятно, проводить корректировку границ, изменения состава конфедерации и т. п.

Почему необходима такая глубокая степень самостоятельности? Потому что мы отталкиваемся от имперского насильственного объединения и не можем его... не можем...

— Демонтировать?..

— ...да, демонтировать частично. Надо — полностью, а затем уже из кусков сложить некое новое целое. Составляющие такого целого вначале будут слабо связаны, связи должны развиваться от нуля, естественно, сами собой. Потом возникнут более тесные связи — экономические, политические, культурные, но — потом. А начинать надо, повторяю, с полного демонтажа имперской структуры. Только так можно решить национальную проблему в малых империях, которыми по существу являются союзные республики — например, Грузия, включающая в свой состав Абхазию, Осетию и другие национальные образования. Если же начать с Грузии, а в РСФСР не сделать того же самого, возникнут очень большие трудности. Они возникнут в любом случае, но если переустройство на основе конфедерации произойдет сразу во всей огромной стране, будет легче. Станет ясно, что избран некий общий для всех принцип, в конечном счете справедливый. В том смысле, что большая нация, стремящаяся к свободе и независимости, признает те же права за всеми.

В предлагаемой системе должны быть только республики. Бывшие автономные области тоже превращаются в республики. Например, республика Нагорный Карабах не будет принадлежать ни Армении, ни Азербайджану — она будет сама по себе и получит право вступать в экономические и другие отношения с теми, с кем сама захочет.

От такого решения выиграют все граждане страны. И только на таком пути, как мне представляется, можно добиться решения национального вопроса.

Как известно, национальный вопрос будет обсуждаться на очередном Пленуме ЦК партии. Мне хотелось бы, чтобы эта точка зрения — она не является моей личной, а разделяется большим числом людей, в частности в Прибалтийских и некоторых других республиках,— тоже могла бы послужить неким отправным пунктом для дискуссии.

— На Съезде вы говорили, что собираетесь предложить альтернативную Конституцию?

— Это я сказал, когда обсуждался вопрос о моем включении в комиссию по разработке проекта Конституции. Я сказал, что уверен, что по принципиальным вопросам останусь в меньшинстве или в одиночестве и поэтому могу принять участие в работе только для составления альтернативных проектов — Конституции или отдельных статей; во всяком случае, чтобы высказать альтернативные мнения. Но не для того, чтобы присоединиться к основному проекту. Вот такое было мое суждение.

— А вы еще не знаете первой статьи Конституции, которую бы предложили? Вы для себя ее не формулировали?

— Я могу сказать... «Мы, представители... нижепоименованных республик, заявляем, что вступаем в отношения союзного договора...» Формулировки, конечно, пока нет, но...

— Идея такая?

— Идея такая.

— Она похожа на ту, что когда-то была положена в основу Конституции США: «Мы, народ Соединенных Штатов...»?

— Да. Идея объединения независимых государств союзным договором. Я думаю, это будет первая же статья. А на ее основе должно разворачиваться все остальное. Будет оговорено, какие права остаются у республик, какие делегируются. Вот так. И, кроме того, одним из пунктов Конституции должно стать провозглашение как основополагающего документа Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году.

— Я хочу уточнить: вы имеете в виду федеративное устройство, как в Соединенных Штатах, или конфедерацию по образцу Швейцарии? Дело в том, что по Конституции США права штатов в известной мере ограничены — скажем, они не имеют права на сецессию — выход из федерации по своему желанию.

— Я имею в виду конфедерацию — пусть вас не смущает упоминание о Конституции США. А право выхода из состава СССР, признаваемое за союзной республикой нынешней Конституцией, надо сохранить и в новой.

— Сохранить и за малочисленными национальными образованиями, где население может насчитывать всего несколько тысяч человек?

— У всех должны быть равные права независимо от численности.

— Вы сказали, что все будущие республики должны быть экономически самостоятельными. Вы считаете, что можно сравнить возможности большой республики и небольшого национального округа?

— Ну, каждая республика, конечно, не производит все виды продукции, нужные для ее существования. Но она может вступать в отношения с другими на основании хозяйственных договоров.

— Как с нынешними союзными республиками — понятно: они большие. А какова все же будет экономическая самостоятельность какого-то национального образования, главное богатство которого — небольшое народонаселение? Потому что есть, скажем так, богатые республики, а есть бедные национальные округа.

— Ну, у них и народа меньше.

— Народа меньше, Андрей Дмитриевич, но и он, как правило, хочет кушать.

— То есть вы хотите сказать, что у них природные условия недостаточно хороши?.. Ну, я думаю, что повсюду, где живут люди, есть достаточная база для их существования. Плюс возможность торговать. Это ведь проблема, которая стоит перед любым маленьким государством — на свете их очень много, и все они прекрасно существуют. На самом деле мы видим, что в маленьких государствах жизнь и лучше, и свободнее, и безопаснее, чем в больших. Как правило... В Исландии, например.

— Спасибо за уточнения. Вопросы вызваны тем, что мне впервые приходится говорить с человеком, предлагающим альтернативную Конституцию СССР. Вернемся к Съезду?

— Да. Выступая, я призывал принять обращение о Китае. Мне кажется, что в Китае произошли события огромного значения для всего мира. Потому что вопрос демократизации самой большой по численности страны на земном шаре — вопрос судьбы человечества. В конечном счете. И мы здесь, в другой великой стране, находящейся рядом, должны исходить из принципов интернационализма и защиты демократии. И не можем ставить в один ряд тех, кто в ходе мирных студенческих и общенародных демонстраций требовал демократизации, свободы печати, борьбы с коррупцией, с теми, кто осуществил над ними кровавую расправу.

Поэтому я поддержал обращение межрегиональной депутатской группы, посвященное событиям в Китае. Оно выражало другую позицию, чем обращение, принятое Съездом без обсуждения — простым голосованием, где даже не было призыва к китайскому правительству прекратить кровопролитие и казни. Получается, что Советское правительство от имени советского народа якобы поддерживает тех, кто осуществил кровавые акции в Пекине.

Это такого же типа расправа, как 9 апреля в Тбилиси...

— В Новочеркасске в 1962-м...

— И в других городах нашей страны. Но в Тбилиси — самый трагический момент.

— Вы отказались принять участие в работе комиссии по расследованию обстоятельств кровавого воскресенья в Тбилиси? Почему?

— По двум причинам. Во-первых, прежде я имел сложные, неоднозначные отношения с лидерами неформального движения, что ставило бы меня в ходе работы комиссии в ложное положение.

— С неформалами Грузии?

— Грузии, да, Грузии. Но, с другой стороны, я считаю, что работа комиссии сейчас уже вообще беспредметна. На главный вопрос — кто дал приказ, кто санкционировал именно такую форму действий войск? — комиссия не сможет дать ответ: его должны дать те, кто стоит у власти.

— Анатолий Иванович Лукьянов показал Съезду подлинники телеграмм из Тбилиси, подписанных тогдашним первым секретарем ЦК партии Грузии Патиашвили. В цивилизованном обществе на вопрос полагается давать ответ. Но телеграммы из Москвы оглашены не были. Между тем кто-то ведь дал «добро»?

— Вот это осталось неизвестным. Кстати, один из самых драматичных моментов — выступление на Съезде Патиашвили. Он, было видно, колеблется, что-то хочет сказать. И в тот момент Съезд фактически согнал его с трибуны и не дал договорить. Точнее, не Съезд, а те люди, которые присутствовали, не являясь депутатами,— это в основном их работа.

— Против такой «работы» в первый же день Съезда протестовал депутат А. Е. Себенцов из Москвы. Если помните, он предложил добавление к статье 20 Временного Регламента: что приглашенные лица не имеют права вмешиваться в работу Съезда, «проявляя свое мнение выкриками, аплодисментами и другими способами». Такое пожелание поддержал Горбачев, добавив, что «все депутаты сидят в партере, и, кроме них, никого здесь нет». «Да,— возразил Себенцов,— но мы слышали уже выкрики с балкона». «Балкон» «работал» и в другие дни, судя по всему. Но мы отвлеклись — итак, Патиашвили «захлопали»...

— Мне кажется, при этом мы упустили возможность узнать что-то очень важное. Патиашвили хотел что-то сказать перед лицом народа Грузии и всей страны. Ему не дали... Мы все видели, как он спустился с трибуны, потом сделал несколько шагов обратно, потом в полной растерянности, с мучительным выражением на лице ушел в зал. А ведь именно Патиашвили знал, кто давал ответ из Москвы. Именно он, единственный человек, кто мог бы сказать. Мог сказать — в тот момент, в той аудитории. Общесоюзной, даже общемировой. Кто ответил, знает он один.

— Сомневаюсь: ответ из Москвы Патиашвили обязан был сообщить секретарям и членам Бюро ЦК партии Грузии. И комиссия может потребовать у них ответа.

— Ну вот мое мнение: комиссия уже не способна это сделать. Вот почему я отказался.

КЕМ СТАНЕТ НОВОРОЖДЕННЫЙ?

— На Съезде вы говорили и об армии.

— О сокращении срока службы. И еще: сокращение численного состава нашей армии на 500 тысяч человек, которое было объявлено в декабре прошлого года Михаилом Сергеевичем Горбачевым во время выступления в Нью-Йорке и начало осуществляться,— очень важный шаг, но он недостаточно радикален, чтобы коренным образом изменить международную и внутреннюю обстановку. Армия у нас сегодня непомерно велика, больше, чем в любых трех других странах, вместе взятых.

— На Съезде вы назвали только две страны — США и Китай...

— Можно добавить любую — например, ФРГ.

— А какой она должна быть? Странно, никто не спросил министра обороны: какова должна быть численность нашей армии в условиях, когда «на вооружение» принята новая концепция оборонительной достаточности? «От пуза», как говорили когда-то, можно только есть, держать армию «от пуза» для народа накладно. Да и ребят жалко — лучшие годы тратят. Должны же быть какие-то научные проработки на этот счет?

— И без таких проработок ясно, что армия непомерно велика. Сейчас нет реальной опасности военного нападения на СССР, и одностороннее сокращение армии, если его сделает наша страна, карди-

нально изменит всю ситуацию. Возникнет совершенно новая международная обстановка — в духе нового политического мышления, провозглашенного по инициативе СССР.

И внутреннее значение будет исключительно велико. Облегчится возвращение к труду наиболее активной части населения, облегчится получение студентами высшего образования. В этой связи важно, чтобы студенты, призванные год назад, не отбывали двухлетнего срока, а были демобилизованы еще до начала учебного года*.

Надо сократить и срок службы в армии, тогда исчезнет — во всяком случае, колоссально уменьшится — такое явление, как «дедовщина»: для него будет гораздо меньше почвы.

Мы знаем сейчас такой предельно трагический случай, когда доведенный до отчаяния человек — военнослужащий срочной службы — расстрелял из автомата восемь человек после многих месяцев совершенно нечеловеческих издевательств над ним.

Вообще, я думаю, только на основе радикального сокращения армии будет возможна полная ликвидация ядерного оружия. Она нереальна без такого шага.

— Андрей Дмитриевич, я хочу задать вам один вопрос... Ну, хорошо, вот другой: во многих странах военные министры ходят в цивильном платье, они люди вполне штатские. Как вы считаете, целесообразно ли это?

— ...У нас, по-моему, Устинов ходил в гражданском?

— Его сразу сделали маршалом.

— А, да — маршалом. Хотя воинское звание все же было вторичным фактором.

— Но — в принципе?

— Я думаю, что армия не должна быть политической силой ни в одной стране. Всегда существует большая опасность, если армия самостоятельно выходит на политическую арену. Когда военный министр штатский, возможно, такая опасность в какой-то мере и уменьшается. Но главное-то, чтобы была уменьшена вероятность военных переворотов.

— К переворотам мы еще вернемся, а теперь я все же задам вопрос, на который вы, может быть, не захотите отвечать.

— Нет, почему? Пожалуйста.

— Как вы — лауреат Нобелевской премии мира — могли когда-то быть разработчиком атомной и водородной бомбы?.. Тогда вы думали иначе?.. Не хотите — не отвечайте...

— Нет, я отвечу... Вы задали вопрос, который всегда передо мной стоит... Я не был разработчиком атомного оружия — я вступил в эту систему в 1948 году, когда атомное оружие в нашей стране уже было на выходе; дальнейшая разработка его, конечно, продолжалась, но я в ней не принимал непосредственного участия.

Что касается термоядерного, то действительно, я играл очень активную роль в этой большой коллективной работе, в которой принимало участие огромное количество людей — и чрезвычайно инициативных, и прилагавших огромные усилия. Я тоже прилагал огромные усилия, потому что считал: это нужно для мирового равновесия. Понимаете, я и другие думали, что только таким путем можно предупредить третью мировую войну.

Конечно, с тех пор мои взгляды эволюционировали. Но в этом основном пункте, я считаю, моя позиция — в тот период, в той исторической ситуации — была оправданна. Именно наличие термоядерного оружия у всех стран — СССР, США и у других ядерных держав — стало неким фактором, который удержал мир от сползания в новую мировую войну. Такая опасность возникала неоднократно, и мы совершенно не знаем, как бы развивались события, если бы угрозы взаимного уничтожения не существовало.

Конечно, такое равновесие неустойчиво — на острие ножа. И длительное, неограниченное время сохранять мир на подобной основе невозможно.

Поэтому наша работа была исторически оправдана, несмотря на то, что мы давали оружие в руки Сталину — Берия. Правда, характер глобального фактора ядерное оружие приобрело позднее, в осень 53-го года.

Сейчас необходим постепенный и очень осторожный переход к полному запрещению ядерного оружия, хотя я считаю, что этого нельзя сделать без большого числа стратегических и политических условий. Стратегическое условие — равновесие обычных вооружений, причем с постепенным сокращением их до уровня оборонительной достаточности, как теперь принято говорить. А политические условия связаны с большей степенью доверия и большей глубиной перестройки в СССР. Перестройка должна достичь такой стадии, когда она сможет считаться необратимой.

Мне кажется, сейчас такой ситуации еще нет. Мы находимся в опасной, противоречивой стадии перестройки. В этих условиях, я думаю, все взаимоотношения с Западом должны строиться с определенной степенью осторожности, особенно это относится к такому ключевому вопросу, как отказ от ядерного оружия.

— Андрей Дмитриевич, вы действительно считаете, что можно добиться всеобщего запрещения ядерного оружия и, главное, реально изъять его из рук человеческих?

— Да, я так считаю, и, более того, полное запрещение является очень важной целью. Это провозглашено Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Хотя я думаю, что он недостаточно оценил те два момента, о которых я сказал. Я еще думаю, что должны быть условия, относящиеся к общественно-политической эволюции во всех странах мира. К такому шагу, как запрещение и отказ от ядерного оружия, надо подойти очень осторожно. Не один Запад, а все должны проявлять осторожность в таком деле.

— Тогда разубедите меня, пожалуйста.

— Да?

— Во-первых, растет ядерный клуб. Формально в нем сегодня пять великих держав.

— Уже больше, конечно...

— И тех, что мы знаем, и тех, что не знаем, как можно предположить?

— Можно: Индия, Израиль и некоторые другие.

— Пакистан, ЮАР...

— Бразилия... Мы можем предположить еще, что, во всяком случае, на подходе к ядерному клубу и Аргентина.

— Вас не смущает, что ЭВМ «Минск», на которой вы когда-то, видимо, работали...

— Да...

— ...была огромной и занимала несколько комнат...

— Да...

— ...а сейчас намного более совершенные компьютеры пятого поколения помещаются в чемоданчике? Что «Малыш», уничтоживший Хиросиму, весил больше четырех тонн, а сейчас есть уже артиллерийские снаряды с атомной начинкой? Вас не смущает, что полным ходом идет миниатюризация?

— Меня все это волнует...

— Наконец, в марте этого года два химика, как писал «Ньюсуик», «неизвестных ордену термоядерщиков» — вашему бывшему ордену,— объявили, «что им удалось осуществить ядерный синтез в пробирке, не пользуясь почти ничем, кроме воды, проволоки и электричества»,— то, что потом назвали «холодным термоядом», поскольку реакция происходит при комнатной температуре. Сейчас открытие проверяется, хотя...

— Ну, там в очень малых масштабах...

— Андрей Дмитриевич, кто может предсказать, кем станет новорожденный? И кто может гарантировать, что завтра у какого-то террориста не окажется в руках «карманный вариант» атомной бомбы?

— Вы... ваш вопрос в какой-то мере носит ведь риторический характер? Но действительно положение в мире очень тревожно. Мы могли бы сюда добавить и генную инженерию, которая способна создать совершенно новые средства бактериологической войны. Можно назвать совершенно новые возможности оружия, действующего из космоса. И очень, очень много таких вещей, которые пока еще находятся в лабораториях и о которых никто еще даже не знает. Все верно. Это говорит о том, что человечество приблизилось к критической черте...

— Когда ядерное оружие расползется по миру и обладание им уже невозможно будет проконтролировать.

— Мы же говорим не только о ядерном оружии — и о многом другом? На все должен быть ответ политический и гуманитарно-нравственный. Человечество должно найти в себе силы отойти от многоликой опасности — не только военного уничтожения, но и экологического: сейчас все переплелось в один узел.

— Не должно ли запрещение ядерного оружия включать в себя запрещение любых исследований в этом направлении? Немедленное? Иначе миниатюризация, упрощение технологии изготовления и прочее сведут на нет подобное запрещение. Завтра будет поздно.

— Запрещение исследований и работ никогда не было возможным и эффективным. Мы можем требовать только открытости работ, когда они выходят за какие-то рамки по своей опасности. То есть общество должно уходить все дальше и дальше от обстановки секретности военных исследований. Тайн должно быть все меньше и меньше, что возможно лишь при радикальном оздоровлении международной обстановки. Одним из условий этого является ликвидация противостояния двух экономических систем — то, что я называю конвергенцией.

Я убежден, что никакого прочного решения проблем глобальных опасностей нельзя добиться без конвергенции, без плюралистического сближения социалистической и капиталистической систем. Мне говорят: невозможно. На самом деле такой процесс уже реально происходит, и мы можем сказать, что, например, такая страна, как Швеция, на самом деле является образцово-социалистической страной. Это — в капиталистических странах.

Но процесс происходит и у нас и называется перестройкой. Ведь перестройка есть движение нашего общества в сторону плюрализма, объективно — именно так, что бы ни говорили наши руководители. Они часто боятся слова «плюрализм», но на деле именно так: нам необходима плюрализация экономики, то есть все формы собственности должны стать в конце концов юридически и экономически равноправными.

Во всяком случае, я считаю, что перестройка — это плюрализация во всех сферах. И это конвергенция.

ПЕРЕВОРОТ, ДИКТАТУРА — ВОЗМОЖНЫ ЛИ?

— Вернемся, как обещали, к другой проблеме. Как вы считаете, есть ли у нас сейчас опасность правого переворота? Военного или партийного — на манер октября 1964 года, когда был смещен Хрущев?

— Страна стоит накануне экономической катастрофы — так говорят экономисты. Люди живут хуже, чем жили в эпоху застоя. Произошло драматическое и трагическое обострение национальных противоречий. Все это приводит к чрезвычайно мощным подспудным процессам, одним из которых является кризис доверия народа к руководству страны, о чем я говорил на Съезде.

Это очень опасное, неустойчивое положение, когда возможны любые опасности, любые непредсказуемые или предсказуемые, но совершенно ужасные, трагические вещи. То есть возможен взрыв системы, в которой напряжения доведены до предела, а в то же время какие-то связи уже распались.

Я считаю, что в такой ситуации возможен военный переворот.

Возможен и правопартийный переворот.

Возможны также аналогичные ситуации, не связанные со сменой руководства страны. Руководство может оказаться заложником сил, которые используют те или иные рычаги, какие-то личные моменты и связи, даже — угрозы и бог его знает что еще. Тогда — без смены руководства — возможен сдвиг вправо, тем более что власть у нас оказалась в руках одного человека, который может попасть под пресс совершенно непреодолимого давления. Я с величайшим уважением отношусь к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, но это не личный вопрос, а политический. Никто не вечен, и я говорю о фигуре главы государства и ситуации, которая может сложиться.

— А есть ли опасность установления диктатуры именно Горбачева? На Съезде заходили разговоры...

— Заходили, и мы видим, что вся конституционная структура построена так, чтобы в итоге Горбачев получил всю власть. Причем без выборов — прямых, во всяком случае. Народным депутатом он стал без альтернативы, когда было 100 кандидатов на 100 мест. В Верховный Совет он вообще не голосовался: мы имеем совершенно парадоксальное положение, когда Председатель Верховного Совета СССР не является его избранным членом. То есть его избрали Председателем, не избрав членом Верховного Совета. Такова процедура, установленная декабрьскими поправками к Конституции СССР. Именно это дало возможность Михаилу Сергеевичу Горбачеву занять свой пост без малейшей опасности, которая всегда заключается в выборах вообще, в альтернативных — в частности.

А мы ведь видели на примере Ельцина, что, когда он оказался в ситуации альтернативных выборов в Верховный Совет, то был забаллотирован, хотя за него голосовали миллионы москвичей. То есть по числу голосов он имел самую большую поддержку в стране. Тем не менее...

Тут сложная ситуация и большие опасности. Возможны разные формы закулисного давления на Горбачева, возможен его собственный сдвиг вправо в условиях единоличной власти. Такое мы видели в истории много раз. Повторяю: сосредоточение такой большой личной власти в руках одного человека опасно, вне зависимости от того, кто он, даже — инициатор перестройки. Кроме того, есть и иная опасность: он может быть заменен на другого, и практически неограниченная власть окажется в чьих-то руках, в чьих — мы не знаем.

— Верно ли я вас понял, что правовых гарантий, исключающих возможность установления единоличной диктатуры, у нас сейчас нет?

— Правовых гарантий нет — вы совершенно правильно сформулировали. Но есть важнейший фактор — то, что сам Горбачев явился инициатором перестройки четыре года назад. Мы должны все

---

* Как быстро меняется ситуация: наш разговор был в июне, а 11 июля Постановлением Верховного Совета СССР объявлена демобилизация в августе — сентябре студентов дневных (очных) вузов.— **Г. Ц.**

время помнить, что он уже сделал для страны. Это фактор и политический, и психологический, и исторический. Его мы тоже не можем списывать со счета. Кроме того, опасность, о которой шла речь,— потенциальная. Мы все-таки должны действовать так, чтобы облегчить Горбачеву движение по пути перестройки, и сделать невозможным, насколько в наших силах, скатывание вправо. Это — безотносительно к оценке личности Горбачева — только то, что сейчас исторически нужно.

— Успех прямой трансляции работы Съезда был неслыханным. Выступления депутатов доносились из радиоприемников автомашин, из раскрытых окон первых этажей домов; я видел женщину, которая везла детскую коляску с висящим на ней приемником, мужчину, который на ходу прижимал транзистор к уху. И т. д. Есть предварительные сообщения: из-за того, что народ смотрел и слушал прямые трансляции, страна не получила пятую часть продукции. Ничего подобного никто из нас никогда не видел. И вдруг в последний день работы Съезда председательствовавший на заседании Горбачев призвал выключить прямую трансляцию — и ее выключили. Выключил телевизор и я. Но потом — на всякий случай — включил: трансляция продолжалась. Михаил Сергеевич сказал, что какая-то статья отменяется; видимо, речь шла об 11-прим Указа от 8 апреля нынешнего года — о дискредитации. Что же произошло в зале заседаний?

— Совершенно правильно — была отменена статья 11-прим, а произошло вот что — тоже один из очень драматических моментов Съезда.

В повестке дня был пункт, названный «Разное». Когда дело дошло до него, люди поочередно выходили на трибуну и имели очень короткое время для сообщений. Выступил представитель Урала — я сейчас не помню его фамилии...

— Шаповаленко В. А. из Оренбурга...

—...и неожиданно для всех объявил, что создана межрегиональная группа депутатов, которая стремится к диалогу, к защите права каждого на выражение своей точки зрения и противостоит таким образом той части Съезда, которая препятствует диалогу, тем самым не давая возможности Съезду выполнить его задачу — двигать страну вперед в ходе всесторонней дискуссии. Он сказал, что обращение подписали больше 150 депутатов из разных регионов.

В тот момент Горбачев и сделал свое заявление: что сейчас у нас пошли внутренние дела, надо отпустить прессу и отключить телевидение.

— Между тем в первый же день работы Съезда Горбачев на вопрос: «Гарантируется ли непрерывность телетрансляции Съезда?» — ответил: «Гарантируется». Выходит, гарантия «не дошла» до последнего часа последнего заседания?

— Ну, спустя минут 10 — после требования ряда депутатов...

— А были требования?

— Конечно. Кричали еще «Позор!». Я, в частности, сказал, что не буду выступать без трансляции. А он сказал: мы сейчас посоветуемся... И включил трансляцию перед тем, как было объявлено решение относительно статей Указа от 8 апреля — 7 и 11-прим. Это действительно большая победа общественности — изменение формулировки статьи 7.

— Что уголовно наказуемыми признаются публичные призывы к свержению Советской власти?

— Да. Там вставлено слово, на котором я и многие настаивали: «насильственным». Что карается призыв к насильственным действиям. Что слово «насилие» является тем рубежом, который отделяет уголовно наказуемые деяния от уголовно ненаказуемых. Этот юридический принцип был принят, и, кроме того, была отменена 11-прим, которая вообще совершенно выходила из всех общепринятых норм международного права.

— Если бы она действовала, то академик Сахаров вполне мог быть...

— Не только академик Сахаров, а, по-моему, пол-Съезда могло бы быть привлечено к ответственности... правда, у нас есть депутатская неприкосновенность. Но многие в стране уже привлекались по 11-прим. Кроме того, при наличии такой статьи в нашем Уголовном кодексе Конференция по правам человека в Москве в 1991 году была бы, конечно, недопустимой. Ни одно государство на это бы не пошло.

Вот каким был тот драматический момент, очень интересный и показательный, на мой взгляд.

— Кстати, Указы последнего времени — с лета прошлого года — например, о митингах...

— И демонстрациях,— они уже стали законами. Они не отменены, к сожалению, Съездом.

— Но я хочу спросить о другом. Скажем, Указ о Внутренних войсках, нарушающий конституционный принцип суверенитета союзной республики, поскольку войска вводятся на ее территорию без согласования с республиканским Верховным Советом — по приказу министра внутренних дел страны. Указ от 8 апреля и другие. У всех у них есть нечто общее: все Указы готовили какие-то «аппаратные гномы» — имен мы не знаем, все обнаруживают страстное желание «тащить и не пущать!», хотя и выраженное не всегда юридически грамотно; все писались втайне и появлялись вдруг, как бог из машины,— без предварительной публикации в открытой печати, без всенародного обсуждения.

— Все так. Это, конечно, показатель все того же страха части руководства перед проснувшейся активностью масс. Очень плохой симптом,— мы это слово сегодня уже употребляли в другом контексте. Плохой симптом и плохие последствия. Здесь скрывается колоссальная опасность. И хотя у очень многих народных депутатов наказы избирателей требовали отмены таких Указов, к сожалению, Съезд этого не осуществил. Но сам факт принятия подобных актов, сочиненных «аппаратными гномами», без предварительного опубликования проектов и всенародного обсуждения кажется мне очень плохим симптомом.

— От Указов вернемся к действующей Конституции: согласно изменениям, внесенным в декабре, Председатель Верховного Совета, только он, называет кандидата на пост своего первого заместителя. Съезд волен утвердить его или нет, но не может предлагать свои кандидатуры. При этом приходится слышать ссылки на опыт США, где президент тоже называет кандидата в вице...

— Там он не просто предлагает: президент баллотируется вместе со своим заместителем.

— Но есть разница: они в одной лодке. Президент может потерять голоса избирателей, если предложит кандидата, скажем так, с неважной репутацией, в итоге — даже проиграть.

— Если плохого заместителя — да. Там голосуют сразу за обоих.

— А у нас президент лично ничем не рискует: его уже утвердили. Есть тут разница в политической мизансцене?

— Безусловно. Поэтому я считаю, что если сохраняется нынешняя система выборов главы государства, то именно Съезд должен иметь право предлагать альтернативные кандидатуры на пост его первого заместителя. Хотя, конечно, кандидат президента должен рассматриваться в первую очередь. Такая возможность должна быть предусмотрена в Конституции. Тут действительно есть дилемма: либо мы прямыми общенародными выборами голосуем за Председателя и его первого зама на альтернативной основе, когда имеются другие тандемы и есть конкуренция между ними,— одна возможность.

Либо — худшая, но все-таки лучшая, чем то, что имеется: когда Председатель выбран по нынешнему алгоритму, а зама мы выбираем ему на Съезде на альтернативной основе, хотя и с учетом кандидатуры, предложенной Председателем. Он, конечно, имеет право предлагать кандидата, и тот должен рассматриваться самым серьезным образом, поскольку он тот человек, с которым президент будет работать.

Это — худший вариант. Лучший — прямые выборы тандемом по американскому образцу.

— На Съезде сложилась известная вам ситуация. Пока одни кандидаты в депутаты участвовали во всех актах предвыборной драмы, другие выдвигались на пленумах и съездах общественных организаций,— их было 750. Как вы относитесь к такого рода выборам — от общественных организаций?

— Я думаю, что — в будущем, во всяком случае,— выборы должны проходить только по территориальному принципу, потому что система, включающая общественные организации, нарушает принцип «один человек — один голос», и разные депутаты избираются от разного по величине контингента. Такое положение нельзя сохранять. Как оно сработало сейчас — другой вопрос: сейчас, может быть, здесь были и положительные последствия. Но сохранять его нельзя.

— Между тем есть люди, требующие распространить известный «принцип ста» и на выборы в местные Советы. На апрельском Пленуме ЦК КПСС этого года первый секретарь Волгоградского обкома партии В. И. Калашников предложил предусмотреть в законе о выборах в местные Советы «практику выдвижения кандидатов от партии и других общественных организаций». А первый секретарь Коми обкома КПСС В. И. Мельников прямо сказал: секретари горкомов и райкомов заявляют, что не пойдут на местные выборы, «потому что стопроцентная гарантия, что их не изберут». Тут раздались голоса «Правильно...» — и тогда не выдержал Горбачев: «Правильно?! Выходит, партия должна уклониться от участия в руководстве и в выборах?» Так что есть реальная опасность, что Закон о выборах в местные Советы может быть изменен.

— Я тоже думаю, что Закон о выборах в местные Советы надо изменить, но в прямо противоположную сторону. Чтобы с учетом опыта выборов в народные депутаты СССР обеспечить бо́льшую демократичность.

Мне кажется, выборы во всех случаях должны обязательно проходить на альтернативной основе. Все кандидаты должны иметь равный доступ к средствам массовой информации, и, самое главное, необходимо ликвидировать институт окружных собраний. Кандидаты должны сразу выдвигаться в коллективах, не должно быть механизма отсева неугодных. Из-за такого вот механизма на выборах народных депутатов было потеряно очень много прекрасных кандидатов. Причем целенаправленно — в интересах аппарата.

То есть закон следует изменить так, чтобы уменьшить возможность аппарата диктовать результаты выборов.

А то, что предложили секретари обкомов, конечно, превратило бы выборы в фарс. И привело бы к катастрофическим последствиям для процесса демократизации страны.

— И последний блок вопросов. В одном отношении, по крайней мере, нынешний Съезд народных депутатов СССР в мае—июне 1989-го походил на Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре (ноябре) 1917-го, объявивший о победе Революции: здесь и там голосовали «вручную». Подсчета голосов с помощью электроники не было. Объяснения на сей счет не хочется и приводить, потому что в нынешнем же мае состоялась сессия Верховного Совета Литвы, где подсчет голосов вели компьютеры: были три кнопки — зеленая («за»), желтая («воздержался»), красная («против»), на стенах — два экрана. Почему же Секретариат Верховного Совета в Москве оказался неповоротливее Секретариата Верховного Совета в Вильнюсе? Он не только не оказался на высоте, а просто — в Марианской впадине океана проблем.

Материалы сессии депутатам заранее не прислали. Записки, поданные в президиум и секретариат Съезда, терялись. Микрофонов в зале сначала не было, потом они, бывало, не работали. Председательствовавшие на заседаниях не успевали извиняться за неразбериху. Председатель счетной комиссии вице-президент Академии наук СССР Ю. Осипьян, по свидетельству Ю. Черниченко, «за» и «против» подсчитывал на счетах. Позже председатель Совета Союза академик Е. Примаков считал на бумажке — «столбиком» — число голосов...

— К вашему списку я могу добавить, что, когда выбирали в Верховный Совет и комиссии, в списках для голосования оказывались люди, которых делегации не выдвигали. И наоборот, некоторые кандидаты, названные делегациями, оттуда исчезали, что иногда даже всплывало на Съезде. Но таких случаев было, мне кажется, гораздо больше.

Я еще могу добавить саму картину голосования в Верховный Совет. Тогда люди получили довольно объемистые бюллетени, заполнить их в кабинах было невозможно — кабин мало, сидели бы до утра. Поэтому заполняли просто «на весу» или же рассаживались на ступеньках лестниц Кремлевского дворца, и тут уж о тайне голосования речи не могло быть.

Ко мне подошли телевизионщики, они меня сфотографировали за таким занятием. А я им закричал: «Что вы делаете?! Ведь у вас на экране получается изображение моего бюллетеня, где я часть фамилий уже зачеркнул!»

В смысле техническом аппарат организовал работу плохо, но она была плохой еще и в другом смысле: этот аппарат в какой-то мере манипулировал Съездом.

Что касается техники, то здесь все понятно: она же не была нужна — когда все единогласно, не надо ни электронной, ни какой-то другой системы. Даже если один — возможно — проголосует «против», техника тоже не нужна: это уровень счета, доступный большинству птиц, которые замечают, что у них вместо четырех яиц — три. Компьютер тут не нужен.

— Видя мучения Осипьяна и Примакова, я очень хотел подарить каждому знаменитому академику по детскому микрокалькулятору на четыре действия арифметики. Но разве этого не должен был сделать Секретариат?

— Я действительно не понимаю, почему не было хотя бы калькуляторов, чтобы складывать числа... Все-таки позорно, что у нас нет электронной техники голосования... А может, дело в том, что они еще не доверяют этой технике? Вдруг калькулятор неправильно сработает...— Сахаров засмеялся.— Когда по старинке считаешь «столбиком», вроде бы верней. Или на счетах, как Осипьян. Ведь счеты — тоже примитивный компьютер.

— Но совсем не тот, что требуется на пятом году перестройки.

— Да... пошел пятый год... Как мало успели...

— Здесь мне трудно с вами согласиться, Андрей Дмитриевич: мне кажется, сам факт публикации такого разговора, как наш сегодняшний,— для нас уже грандиозно много, стоит лишь оглянуться... И, может быть, мы поймем это только завтра...

Григорий ЦИТРИНЯК
Июнь 1989-го

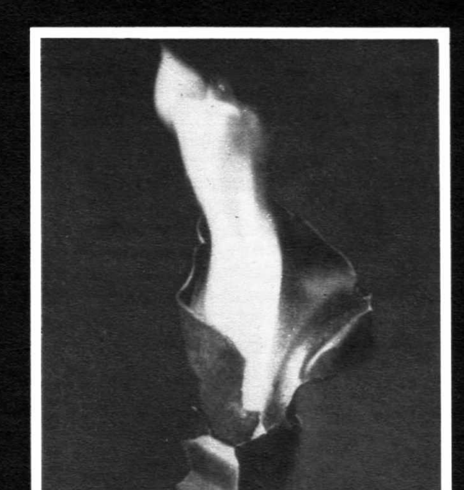
Фото Вячеслава ИЩЕНКО

Деревня Мясной Бор под Новгородом. Здесь собрались те, кто посвятил личное время отысканию останков погибших на фронте Великой Отечественной войны, их захоронению. Были бои, были победные наступления, были поражения... Миллионы павших ради жизни на Земле, а похоронили не всех. Упал солдат, да так и остался лежать на дне траншеи, на склоне безымянной высоты, в братской могиле оврага, в непроходимой топи... Живые ушли к Берлину, живые пили красное вино Победы, живые жили трудно, думая о новых детях и их судьбе, о собственной старости... Не до памяти было, не доходили руки до полей, усеянных костями защитников свободы и независимости Родины. Но вот повзрослели внуки и правнуки, и они ужаснулись: как же так случилось, что от Москвы до Бреста, а может быть, и до самых Карпат белеют в лесных чащобах и болотах останки пехотинцев, летчиков, артиллеристов?.. Да, в нашей стране много официальных — под серебро выкрашенных — памятников погибшим. Ржавые венки, поломанный штакетник, слепые звездочки... Мы читали: пройдут пионеры, салют Мальчишу!.. И салютовали, и подкрашивали, и клялись помнить вечно...

ЦК ВЛКСМ объединил юношей и девушек, выразивших желание найти, собрать останки погибших, медальоны с адресами погибших, любые документы, пережившие небытие; чтобы достойно за-

НИКТО НЕ

хоронить то, что осталось, чтобы сообщить родным не о «без вести пропавшем» — о павшем смертью героя! Тысячи писем, оказывается, приходят в адрес Всесоюзного координационного Совета поисковых отрядов при ЦК ВЛКСМ — выжившие матери и отцы, братья и сестры, внуки и правнуки просят сообщить: нет ли хоть следов

ЗАБЫТ ?

родного человека, ушедшего когда-то на фронт и сгинувшего без стона и похоронки?.. Сколько их, погибших и оставшихся неизвестными? На семинаре летописцев Великой Отечественной, состоявшемся в Волгограде, предположили, что не менее двух миллионов!.. Но ведь только в самые первые недели войны страна потеряла убитыми не один миллион человек. Судьба большинства красноармейцев неизвестна. Ведь фронт горел от Мурманска до Одессы, огненный вал накатывался стремительно от Бреста к Москве... Падали, где свалили пуля, осколок.

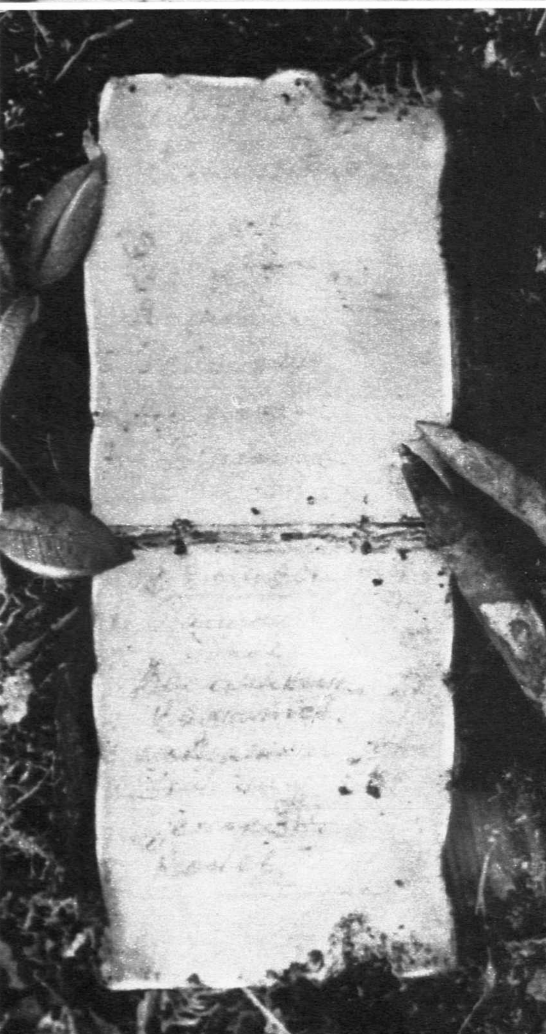
Поисковые отряды энтузиастов, добровольцев спустя 47 лет прочесывают и труднодоступную тундру, и топи новгородских лесов, и заросли на подмосковной земле, в Калининской, Калужской, Смоленской областях. Добровольцев немало, они сдружились за восьмидесятые годы, многое успели, но до самого последнего времени никого из властей всерьез не интересовали ни их поиск, ни их маршруты, ни их проблемы. Помощь приходила только от местных жителей. Тут важны были каждая примета, каждое слово, предположение, свидетельство. Но совесть начальства — гражданская, партийная — молчала. Хотя еще двадцать лет назад был снят документальный фильм о находках в новгородских болотах. Его единственную копию затребовало сначала местное начальство, а потом и Главное политуправление Советской Армии и Военно-Морского Флота. И грянул бой — бесславный бой с правдой! Со свидетельскими показаниями, непреложными фактами забвения, бесчеловечности. Из боя кинолента не вырвалась, пала, очевидно, смертью «разгласившего государственную тайну». Это ли не предательство тех, кто грудью заслонил Отечество в 1941—1945 годах!

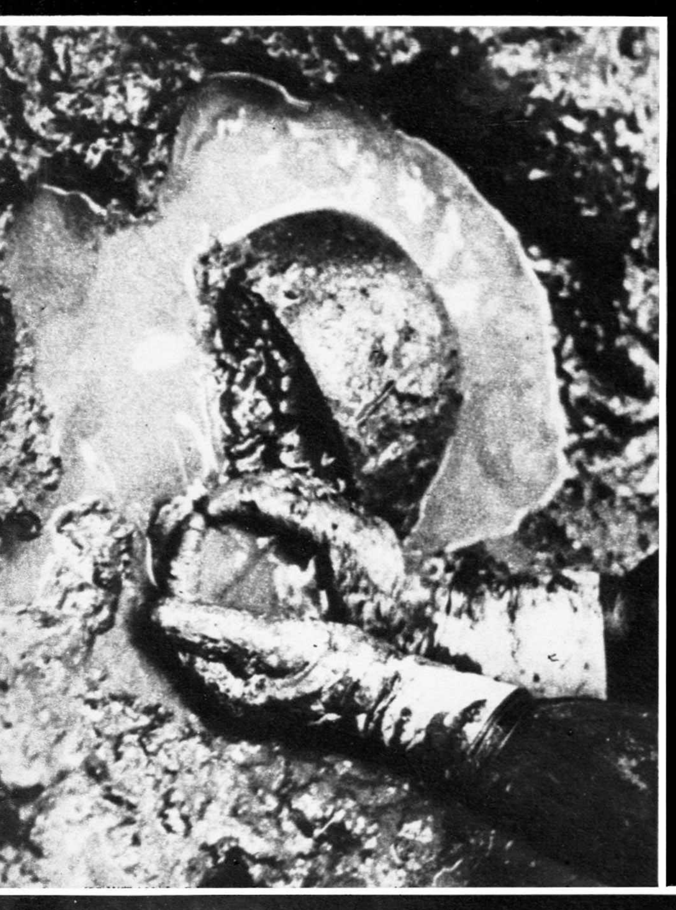
Сегодня следопытская статистика говорит: имя каждого десятого, найденного на местах боев, извлеченного из стихийных захоронений, удается установить! И оказалось, что почти все они числятся в списках «без вести пропавших». До сих пор! Почти полвека...

Итак, прошли дни всесоюзной вахты Памяти 1989 года в Новгороде. Искатели приняли решение о создании Всесоюзного объединения поисковых отрядов. Это — очередной шаг в развитии

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (БОЛЬШЕВИКОВ)
ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ
№2359992
Фамилия Мотрошилов
Имя и отчество Василий Иванович
Год рождения 1912
Время вступления в партию июнь 1939

КОМУНІСТИЧНА ПАРТІЯ (БІЛЬШОВИКІВ) УКРАЇНИ
ПАРТІЙНИЙ КВИТОК
№2359992
Прізвище Мотрошилов
Ім'я й по батькові Василій Иванович
Рік народження 1912
Час вступу до партії червень 1939 р.

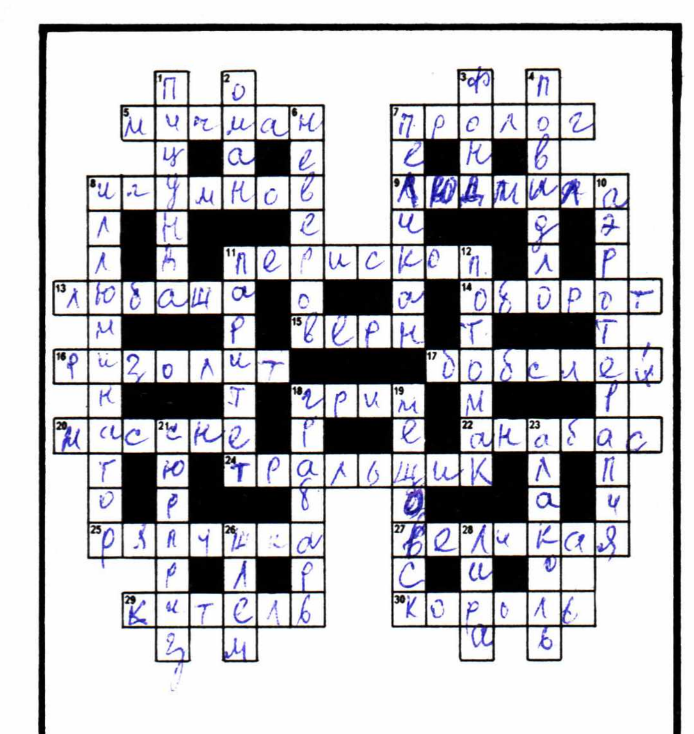

благородного движения. Но важно понять и другое: не только укрепление, наращивание сил искателей решит проблему забытых солдат до конца. Не только добровольческое это дело, а государственное. Нужен четко организованный и материально обеспеченный механизм. Нужна государственно-общественная система во главе с авторитетным органом, имеющим право принимать решения, осуществлять контроль на местах, готовить кадры следопытов. Нужна активная помощь не только ЦК ВЛКСМ, но и Всесоюзного совета ветеранов войны и труда, Министерства обороны СССР и многих других организаций.

Память о павших взывает!

Юлий ИКОННИКОВ,
ветеран Великой
Отечественной войны,
Юрий СМИРНОВ,
Владимир ДЕМИДОВ

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Воинское звание. 7. Роман Н. Г. Чернышевского. 8. Пианист, народный артист СССР. 9. Баллада В. А. Жуковского. 11. Оптический прибор для наблюдения из укрытий. 13. Действующее лицо в опере Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 14. Полный круг вращения. 15. Французский писатель, автор научно-фантастических романов. 16. Часть здания, выступающая за линию фасада. 17. Скоростной спуск на управляемых санях. 18. Краски, парики и другие принадлежности актера. 20. Французский композитор, мастер лирической оперы. 22. Рыба, способная передвигаться по суше. 24. Военный корабль для уничтожения морских мин. 25. Мелкая лососевая рыба. 27. Река в Псковской области. 29. Форменная куртка. 30. Шахматная фигура.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Курорт в Абхазии. 2. Государство на Аравийском полуострове. 3. Ресурсы, запасы. 4. Консервированный продукт из фруктовых и ягодных пюре. 6. Писатель, автор повести «Ташкент — город хлебный». 7. Крупная водоплавающая птица. 8. Окно на корабле, в самолете. 10. Дозированные воздушные ванны. 11. Принцип равенства. 12. Река в США. 18. Живописец и искусствовед, академик, народный художник СССР. 19. Город в Калужской области. 21. Неожиданный подарок. 23. Соленое озеро на востоке Казахстана. 26. Защитный головной убор. 28. Северное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Хемингуэй. 7. Право. 9. Штамп. 11. Турин. 12. Нептун. 13. Омоним. 15. Синяк. 17. Варламов. 18. Редактор. 19. Октет. 20. Каламбур. 22. Увертюра. 25. «Враги». 26. Ахмета. 27. Плашка. 28. Пироп. 30. Шифер. 32. Сылва. 34. Гастроном.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Яхта. 2. Импорт. 3. Шукшин. 4. Айва. 6. Нейтрино. 8. Рустика. 10. Менорка. 12. Никарагуа. 14. Мелодрама. 15. Суворов. 16. Картули. 21. Макензи. 23. Ромашов. 24. Лабрадор. 28. Паруса. 29. Пясино. 31. Фуга. 33. Лимб.

40 коп.
Индекс 70663

Для Валентины Васильевны Грумковой вышивание — профессия всей жизни. Окончив в юности два учебных заведения, стала вышивальщицей и кружевницей. На рубеже восьмидесятилетия ее талант не угасает, а, наоборот, приобретает новые грани и направления.

Если для традиционной рязанской вышивки характерны изображения цветов, листьев, своеобразного орнамента, то Валентина Васильевна в последнюю свою работу, на которую она затратила два года, привнесла стилизованное изображение человека. Увлеченная древней легендой времен захвата Батыем Рязани, она создала образ земляков — героической посадницы Авдотьи с воинами-богатырями. Эта работа — вершина дарования художницы, к которой она пришла через многие годы.

Михаил САВИН
Фото автора

